

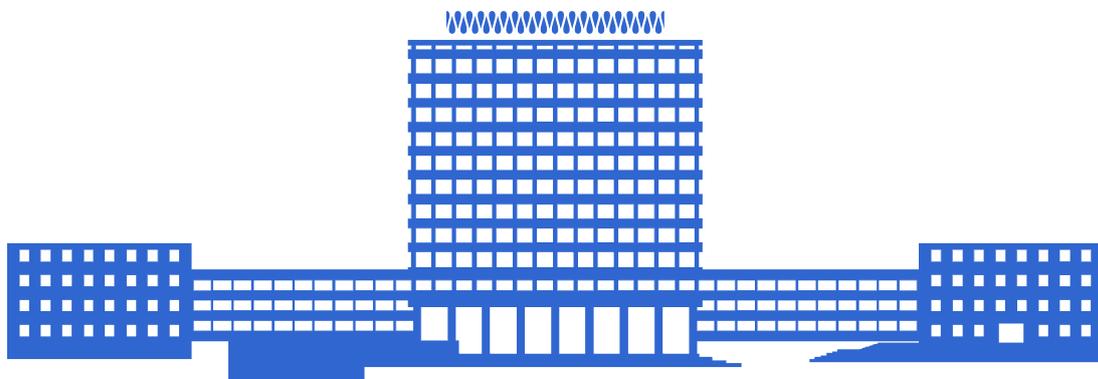
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 14 Выпуск 1 (39) 2018

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 1 (39). –
128 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 4 от 30 марта 2018 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 83001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 14 Выпуск 1 (39) 2018

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2018

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 14 Issue 1 (39) 2018

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 14, Вып. 1 (39), 2018

Германские языки

- Карасенко Е. А.* Развитие словообразовательных компонентов *-ler* и *-ner* в немецком языке..... 5
- Керова Л. В.* Интернациональные и национальные личные имена в аспекте межкультурной коммуникации..... 15
- Морозенко Е. А.* Оценочные прилагательные как способ вербализации концепта CHARACTER..... 28

Романские языки

- Глоба Т. Н.* Стилистические особенности французских фразеологических синонимов..... 38

Типологические и сопоставительные исследования

- Калиущенко В. Д., Поляруш Е. В.* Семантика наименований лиц по профессии в немецком, английском и русском языках..... 48
- Крамаренко Е. К.* Гиперболизирующие фразеологические единицы с компонентом-соматизмом в английском и испанском языках..... 57
- Петрищева Е. И.* Наименования мужа и жены в субстандартной лексике: сопоставительный аспект..... 70
- Юшкова С. А.* Морфологические типы реципрокальных глаголов в немецком и украинском языках..... 84

Перевод

- Войницкий Д. Н.* Особенности перевода религиозно-церковной лексики с русского языка на итальянский..... 94

Методика преподавания иностранного языка

- Агаркова А. А., Ширина О. А.* Некоторые методы использования крылатых выражений при изучении латинского языка на первом курсе медицинского вуза..... 108

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 14, Issue 1 (39), 2018

Studies in Germanic Languages

<i>Karasenko E. A.</i> Evolution of the Word-Building Components <i>-ler</i> and <i>-ner</i> in German.....	5
<i>Kerova L. V.</i> International and National Personal Names: Aspect of Intercultural Communication.....	15
<i>Morozenko E. A.</i> Evaluative Adjectives as Means of Verbalization of the Concept CHARACTER.....	28

Studies in Romance Languages

<i>Globa T. N.</i> Stylistic Features of French Phraseological Synonyms.....	38
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Kaliuščenko V. D., Poliarush E. V.</i> Semantics of the Names of People by Profession in German, English and Russian.....	48
<i>Kramarenko Ye. K.</i> Hyperbolic Phraseological Units with the Somatism Component in English and Spanish.....	57
<i>Petrishcheva E. I.</i> Names of Husband and Wife in Substandard Lexis: Comparative Aspect.....	70
<i>Yushkova S. A.</i> Morphological Types of Reciprocal Verbs in German and Ukrainian.....	84

Translation

<i>Voinitskij D. N.</i> Peculiarities of Translating Religious and Church Lexis from Russian into Italian.....	94
--	----

Methods of Language Teaching

<i>Agarkova A. A., Shirina O. A.</i> Methods of Using Phraseology for Studying Latin by First-Year Medical Students.....	108
--	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2'04:81

© 2018 Е. А. Карасенко

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ -LER И -NER В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В представленной статье проводится исследование функционирования компонентов -ler и -ner, которые участвуют в образовании существительных – наименований лиц мужского пола в средневерхненемецком языке. Проанализированы особенности появления и развития данных компонентов, их словообразовательный потенциал в разные периоды существования немецкого языка. Рассмотрены конкурирующие образования на -er: -ner: -ler в средневерхненемецких исторических грамотах.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык, историческое словообразование, наименования лиц мужского пола, суффиксальные дериваты, алломорфный вариант, конкурирующие образования, семантика.

© 2018 E. A. Karasenko

EVOLUTION OF THE WORD-BUILDING COMPONENTS -LER AND -NER IN GERMAN

This paper concerns itself with the analysis of the word-building components -ler and -ner taking part in formation of male persons in the Middle High German. The peculiarities of the appearance and development of the units under study have been analyzed. Their word-building potential in different historical periods of German has been determined. The competitive derivatives with -er: -ner: -ler in the Middle High German historical charters have been studied.

Key words: Middle High German, historical word-building, male persons nomination, suffix derivation, allomorph alternant, competitive derivatives, semantics.

1. Предварительные замечания. Этимологические и диахронические исследования немецкого словообразования проводились ещё младограмматиками (Н. Paul, К. Weinhold, W. Wilmann), которые изучали отдельные словообразовательные форманты, их появление и развитие в разные исторические периоды немецкого языка. Современные дериватологи [Klein, Solms, Wegera, 2009; Müller, 1993; Ягупова, 2008] обращают внимание, прежде всего, на изучение семантики и функционирования производных лексем, поэтому функционально-семантический анализ производных наименований лиц мужского пола (далее – НЛМП) в отдельном историческом периоде развития языка, а именно средневерхненемецком (далее – свн.), является **актуальным**.

Суффиксальный способ именного словообразования считается достаточно продуктивным в немецком языке, а суффиксы, которые участвуют в нём – наиболее многочисленными и разнообразными. Так, среди многообразия суффиксов, используемых для образования наименований мужчин, доминирующим является суффикс *-er*

[Карасенко, 2017: 49]. Он засвидетельствовал широкую сочетаемость с различными мотивационными базами во все периоды развития языка и свою высокую продуктивность. В свн. языке именно суффикс *-er* выступает основным словообразовательным формантом, используемым в образовании мужских наименований. Этот факт даёт основание для более глубокого исследования существительных на *-er*, их структурных и семантических особенностей, а также вариативности самого суффикса *-er*. **Материалом** исследования послужили 1275 существительных (7867 словоупотреблений) с суффиксом *-er*, обозначающих наименования мужчин, отобранных из трехтомного словаря свн. языка М. Лексера, корпуса грамот XIII ст. (3794 грамоты) и корпуса свн. литературных памятников (религиозные тексты, героический и куртуазно-рыцарский эпос). **Цель** данного исследования – выявить особенности происхождения и функционирования словообразовательных компонентов *-ler* и *-ner*, сравнить словообразовательные функции этих компонентов в образовании наименований лица, проанализировать функционально-семантические особенности существительных с вышеуказанными компонентами в свн. языке.

2. Особенности происхождения и развития словообразовательных компонентов *-ler* и *-ner*. Словообразовательные компоненты *-ler* и *-ner* происходят, как и суффикс *-er*, от лат. суффикса *-arius*. Они образовались на стыке суффикса и отымённой (реже – отглагольной) основы, которая заканчивалась на *-l*, *-n*. Благодаря такому слиянию появляются расширенные варианты суффикса *-er* – *-ler* и *-ner* [ср.: Henzen, 1965: 160; Paul, 2007: 61-62], которые также участвуют в образовании существительных, обозначающих мужчин.

В лингвистических работах, однако, наблюдаются разные мнения относительно определения статуса компонентов *-ler* и *-ner*. Следует отметить, что именно научные исследования в области именного словообразования ранненововерхненемецкого языка (далее – рнвн.) способствовали разнообразию определения статуса *-ler* и *-ner* в современной германистике.

Истоки возникновения компонента *-ler* следует искать ещё в древневерхненемецком (далее – двн.) и средневерхненемецком периодах развития немецкого языка, когда буква *-l* принадлежала к именной основе у производных существительных с суффиксом *-er*, ср.: *betel-er* ‘нищий, попрошайка’ [Fleischer, 1974: 156; Paul, 2007: 61]. В. Фляйшер утверждает, что после выпадения безударного *-e* граница слога переместилась и существительное приобрело в современном немецком языке форму *Bett-ler*, то есть *-ler* превращается в самостоятельный суффикс [Fleischer, 1974: 156].

Относительно компонента *-ner* можно отметить тот факт, что в ряде лексем он заимствован вместе с основой из латыни, ср.: свн. *portener* ‘привратник’ ← лат. *portenarius*.

Среди исконных немецких существительных *-ner* появляется в составе свн. слов, которые образованы от двн. существительных женского рода на *-n*, ср.: свн. *redner* ‘оратор’ ← двн. *redina* ‘речь’, свн. *luognære* ‘лжец’ ← двн. *lugina* ‘ложь’ [Brendel, 1997: 279].

Современные немецкие германисты (Н. Baeskov, Е. Donalies, М. Lohde и др.) поддерживают мнение В. Фляйшера о самостоятельности компонентов *-ler* и *-ner* в современном немецком языке, несмотря на то, что они имеют очень тесную функционально-семантическую связь с суффиксом *-er*. При этом ученые сходятся во мнении, что определенно в ранних периодах развития немецкого языка как *-ler*, так и *-ner* были лишь вариантами суффикса *-er*. Со временем разные словообразовательные базы привели к появлению разных производных структур с разным уровнем продуктивности [Wellmann, 1975: 34]. В современном немецком языке *-ler* и *-ner* присоединены в абсолютном большинстве только к именным основам, а корневой гласный (*-a-*) получает при этом умлаут. Значительная же часть дериватов на *-er* являются отглагольными образованиями. Именно этот факт дает основание германистам считать *-ler* и *-ner* на современном этапе развития немецкого языка самостоятельными морфологическими единицами.

Г. Велльманн [Wellmann, 1975: 66] и другие исследователи [Donalies, 2005: 149; Fleischer, 1974: 158; Lohde, 2006: 98] обращают внимание на то, что наиболее продуктивным среди НЛМП является суффикс *-ler*, тогда как *-ner* таким быть не может, поскольку его активность в образовании существительных анализируемой группы является результатом «копирования» аналогичных дериватов на *-er* без семантических расхождений.

Младограмматики В. Вильманнс [Wilmanns, 1930: 288], Г. Пауль [Paul, 2007: 61], Ф. Клуге [Kluge, 1989: 183], их последователь В. Генцен [Henzen, 1965: 160], которые изучали немецкий язык в диахронии, а также В. Фляйшер в своей первой монографии по словообразованию современного немецкого языка [Fleischer, 1974: 137], считают компоненты *-ler* и *-ner* вариантами суффикса *-er*, который присоединялся к двн. и свн. именным и глагольным базам на *-l* и *-n*: существительные, которые заканчиваются в современном немецком языке на *-ler* и *-ner*, имели в двн. и свн. языке еще и параллельные формы без *-l* и *-n* (ср.: *tischer* и *tischler* ‘столяр’; *bilder* и *bildner* ‘художник’).

Немецкие германисты, которые изучают историческое словообразование на материале рукописей (П. О. Мюллер [Müller, 1993: 238], Т. Кляйн, Г.-Й. Зольмс, К.-П. Вегера [Klein, 2009: 82]), предлагают использовать для *-ler* и *-ner* термин “алломорфные варианты” суффикса *-er*. Алломорф – это морф (в этом случае – суффиксальной) морфемы, который выделяется среди других морфов той же морфемы зависимостью от фонемного состава “соседних морфов и, следовательно, только его

позицией в слове” [Русская грамматика, 1980: 123-124]. Таким образом, *-ler* и *-ner* являются морфемами, которые отличаются зависимостью от позиции в слове, которые могут образовывать конкурирующие с суффиксом *-er* словообразовательные типы, однако ещё не приобрели на то время статус самостоятельных морфем, как это можно наблюдать уже в современном немецком языке. П. О. Мюллер [Müller, 1993: 46] обосновывает наличие алломорфных вариантов в составе рнвн. существительных, которые не приобрели ещё статус самостоятельных суффиксов, на основе таких критериев:

- ограниченная фонологическая вариативность;
- наличие этимологически связанных между собой форм;
- идентичное словообразовательное значение;
- дополнительная дистрибуция, где решающим фактором является фонологическая структура словообразовательной базы.

Интересно, что алломорфным вариантом суффикса *-er* в рнвн. языке исследователь называет только *-ner* [Müller, 1993: 238], тогда как Б. Деринг и Б. Айхлер [Döring, 1996: 180], которые проводят анализ существительных на материале другого корпуса рнвн. текстов, к вариантам *-er* засчитывают только *-ler*, а *-ner* не выделяют вовсе.

Ш. Мозер [Moser, 1993: 158] рассматривает *-ler* и *-ner* как варианты суффикса *-er*, однако со временем в коллективной работе с Б. Брендель, Р. Фриш, Н. Р. Вольфом [Brendel, 1997: 268-269] считает *-ler* и *-ner* уже отдельными морфемами, которые еще в свн. языке были составной частью корня базовых существительных, а в рнвн. языке уже приобрели статус самостоятельных суффиксов, визуально похожих на варианты с *-er* и близких к нему по семантике. Свое видение лингвист аргументирует тем, что *-ler* в рнвн. текстах репрезентирован несколькими графическими вариантами, а именно – *-laer*, *-lear*, *-lar*. При образовании новых лексем в рнвн. период с помощью *-ler* базовая корневая морфема (*a*, *o*, *u*) приобретает умлаут. Словообразовательные базы представлены существительными, большинство из которых заканчиваются не на *-(e)l*, а на другие согласные. В тех случаях, когда словообразовательная именная база заканчивается на *-(e)l* (ср.: рнвн. *puechel* ‘факел’, *märl* ‘сказка’), производные слова считаются такими, которые образованы от простых существительных с помощью суффикса *-ler* [Brendel, 1997: 269]. Основанием для такого вывода является дальнейшее развитие данного суффикса, в частности то, что словообразовательными базами современных лексем на *-ler* выступают только существительные.

Суффикс *-ner*, зафиксированный в корпусе рнвн. текстов, исследуемых Б. Брендель, Ш. Мозером, Р. Фриш, Н. Р. Вольфом [Brendel, 1997: 279], имеет в рнвн. период

графические варианты *-ner* и *-near*. В составе соответствующих существительных между основой и *-ner* во всех случаях наблюдается соединительный элемент *-e* (ср.: *schuldener* ‘должник’). Исследователи констатируют, что все отглагольные наименования мужчин на *-ner* конкурируют с дериватами на *-er*, не проявляя функциональных отличий. Морфему *-ner* следует считать, по их мнению, вариантом суффикса *-er*. Он проявляется, в частности в составе производных лексем, образованных от двн. существительных женского рода на *-n* (см. выше) [Brendel, 1997: 279; Paul, 2007: 61]). Ученые подчеркивают, что хотя в некоторых рвн. текстах производные слова на *-ner* встречаются достаточно часто, они поддались, скорее всего, процессу лексикализации.

В словаре свн. языка М. Лексера выявлено 23 существительных на *-er*, которые имеют идентичные наименования на *-ler* и *-ner*. В историческом немецком словообразовании такие производные слова определены как конкурирующие образования (Konkurrenzbildungen), под которыми имеются в виду однокоренные лексемы, образованные с помощью разных аффиксов, употребляемые в одинаковом контексте, что обеспечивает их контекстуальное взаимозамещение [Stricker, 2002: 315]. Схематически их можно отобразить как СБ + *-er* = СБ + *-ler* = СБ + *-ner*.

3. Наименования лиц мужского пола на *-ler* и *-ner* в свн. исторических грамотах. Материал исследования показал, что наибольшее количество подобных образований в анализируемых свн. текстах зафиксировано в исторических грамотах, а единственный случай конкуренции в эпических текстах свидетельствует о том, что это явление становится более распространенным только в последние годы свн. периода.

В свн. исторических грамотах обнаружены конкурирующие словообразовательные типы *-er* : *-ner*; *-er* : *-ler*; *-er* : *-ler* : *-ner* (см. табл. 1).

Таблица 1. Конкурирующие образования НЛМП в свн. грамотах

№ п/п	<i>-er</i>	<i>-ner</i>	<i>-ler</i>
1	2	3	4
1.	<i>boumgarter</i> (3)	<i>boumgartenære</i> (9)	–
2.	<i>forstære</i> (36)	<i>forstnere</i>	–
3.	<i>hiusære</i> (12)	<i>hiusenere</i>	<i>hiuseler</i> (5)
4.	<i>huober</i> (45)	<i>huobnere</i> (2)	–
5.	<i>koler</i> (10)	<i>kolnereb</i> (2)	–
6.	<i>leczer</i> (2)	<i>leczenere</i> (2)	–
7.	<i>metzjære</i> (26)	<i>metzenere</i> (3)	<i>metzeler</i> (2)
8.	<i>phrüendære</i> (11)	<i>phrüendenere</i> (6)	–
9.	<i>porter</i>	<i>portenære</i> (4)	–
10.	<i>redære</i>	<i>redenere</i>	–
11.	<i>schaffære</i> (42)	<i>schaffenere</i> (57)	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4
12.	<i>schuldære</i>	<i>schuldenere</i> (30)	–
13.	<i>selder</i> (18)	<i>seldener</i>	–
14.	<i>ticher</i> (2)	–	<i>tischeler</i> (5)
15.	<i>vazzer</i> (5)	–	<i>vezzeler</i> (5)
16.	<i>wagener</i> (28)	–	<i>wegenler</i>
17.	<i>wollære</i> (10)	<i>wollenere</i>	–
18.	<i>zëhendere</i> (5)	<i>zëhendenære</i> (11)	–
19.	<i>zoller</i> (10)	<i>zolnere</i> (42)	–

Как видно из таблицы, в грамотах зафиксировано 19 пар (рядов) конкурирующих образований. Чаще всего конкурирующие пары образуют *-er* и *-ner* (14 пар дериватов), среди которых более частотными являются существительные на *-er*. Однако особое внимание заслуживает пара дериватов *schaffære* – *schaffenere*, где более употребляемым оказалось существительное с *-ner* (57 словоупотреблений).

Два ряда конкурирующих образований содержат наименования на *-er*, *-ler* и *-ner* одновременно (ср: *hiusære* / *hûsener* / *hiuseler* ‘трактирщик’; *metzjære* / *metzeler* / *metzener* ‘мясник’), что уже свидетельствует о вариативности суффикса *-er* в свн. период.

Среди анализируемых НЛМП есть и такие, которые в словаре свн. языка М. Лексера засвидетельствованы только с *-ner* или только с *-ler*, ср.: *boumgartenære* (Lexer) – *boumgarter* (СГ); *portenære* (Lexer) – *porter* (СГ); *taschener* (Lexer) – *tescher* (СГ); *zëhendenære* (Lexer) – *zëhender* (СГ).

Конкурирующие НЛМП на *-ler* являются стопроцентно отыменными дериватами (*vezzeler* ‘бочар’ ← *vaz* ‘бочка’), тогда как НМ на *-ner* образованы как от существительных (*zolnere* ‘таможенник’ ← *zoll* ‘таможня’), так и от глаголов (*schaffenere* ‘распорядитель’ ← *schaffen* ‘распоряжаться’).

Существительное *redenere* ‘оратор’ может считаться конкурирующим образованием к наименованию мужчины на *-er* (*redære*) в том случае, если словообразовательной базой последнего является существительное *rede* (словарная дефиниция *redære* имеет двойную словообразовательную мотивацию с возможной словообразовательной базой или существительным *rede* ‘речь’, или глаголом *reden* ‘говорить’).

По функциональным и семантическим признакам приведённые в таблице образования на *-ler* и *-ner* не отличаются от дериватов на *-er*, поэтому могут рассматриваться с ними комплексно как НЛМП с суффиксом *-er*. Следует также отметить, что обнаруженные лексемы имеют определенную территориальную окраску и, ссылаясь

на исследование У. Ринга [Ring, 2008: 173], свн. наименования на *-ler* и *-ner* в свн. грамотах представляют два диалекта – алеманнский и баварский.

Таким образом, исследование структурных, семантических и функциональных особенностей свн. НЛМП, а также появления и развития компонентов *-ler* и *-ner* в немецком языке дают основание считать эти компоненты алломорфными вариантами свн. суффикса *-er*, а образованные с их помощью существительные анализировать в рамках общей группы дериватов на *-er*. Правомерность такого вывода подтверждают следующие наблюдения:

– отсутствие графической вариативности этих компонентов как в словаре свн. языка, так и в свн. памятниках, ср.: *lügener* ‘лжец’ [ср.: Lexner, 1992: 2120; WMU II, 2003: 1160]; *märzeler* ‘торговец мелким товаром’ [ср.: Lexner, 1992: 2120; WMU II, 2003: 1224]; *spinneler* ‘веретенник’ [ср.: Lexner, 1992: 1096; WMU II, 2003: 1622];

– в большинстве случаев в образованных НЛМП *-l* и *-n* – это конечные согласные мотивационных баз – существительного или глагола (напр.: *lodener* ‘ткач’ ← *loden* ‘грубая шерстяная вещь’; *nâdeler* ‘игольщик (изготовитель иглоков)’ ← *nâdel* ‘игла’);

– наличие конкурирующих словообразовательных типов *-er* : *-ner*, напр.: *huober* / *huobener* ‘собственник куска земли’ ← *huobe* ‘кусок земли’; *-er* : *-ler*, напр.: *smeicher* и *smeicheler* ‘льстец’ ← *smeicheln* ‘заискивать’/‘льстить’;

– в свн. языке компоненты *-ler* и *-ner* имеют такую же семантическую функцию, что и *-er*, с их помощью образованы существительные, принадлежащие к тем же словообразовательным типам, что и дериваты на *-er*.

5. Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Проведённое исследование показало, что статус словообразовательных компонентов *-ler* и *-ner* в немецком языке неоднозначен. Исследователи исторических периодов развития немецкого языка считают *-ler* и *-ner* вариантами суффикса *-er*, поэтому логичным представляется использование термина “алломорфный вариант”, т.е. морф, который отличается определённой зависимостью от позиции в слове, образует конкурирующий с суффиксом *-er* словообразовательный тип и который не приобрёл ещё статус самостоятельной морфемы, как это можно наблюдать в современном немецком языке. В историческом немецком словообразовании наименования на *-ler* и *-ner* обозначаются как конкурирующие образования лексем на *-er*, которые являются идентичными по своим семантическим и функциональным характеристикам, могут употребляться в одном контексте и быть взаимозаменяемыми.

В анализированных свн. текстах производные НЛМП на *-ler* являются исключительно отыменными дериватами, тогда как НЛМП на *-ner* могут быть образованы как от существительного, так и от глагола. Встречаются, однако, и случаи, когда одно наименование на *-er* имеет два варианта употребления – как с *-ler*, так и с *-ner* (*hiusære / hūsener / hiuseler* ‘трактирщик’).

Дальнейшие исследования немецкого исторического словообразования являются важными и перспективными в плане оформившейся в последние десятилетия тенденции проводить многоаспектный анализ структурных, семантических и функциональных особенностей лексических единиц на материале лексикографических источников, а также исторических текстов разных типов и жанров. С этой точки зрения исследования словообразовательных особенностей суффиксальных дериватов, номинирующих лицо в свн. языке, остаются актуальными как относительно общей языковой картины Средневековья, так и отдельных исследовательских парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасенко Е. А. Фономорфологические и семантические особенности суффиксальных наименований мужчин в средневерхненемецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36), 2017. С. 48-57.
2. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. 783 с.
3. Ягупова Л. М. Іменниковий словотвір у середньовісній німецькій діалектах: префіксальна система у динамічному аспекті: дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04. Донецьк, 2008. 506 с.
4. Brendel B., Frisch R., Moser S., Wolf N. R. Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissensliteratur. Substantivische Affixbildung. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997. 707 S. (Wissensliteratur im Mittelalter, 26).
5. Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. 2., überarb. Aufl. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 192 S. (Studien zur Deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache; Bd. 27).
6. Döring B. Sprache und Begriffsbildung in Fachtexten des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden: Reichert, 1996. 342 S. (Wissensliteratur im Mittelalter; 24).
7. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1974. 361 S.
8. Henzen W. Deutsche Wortbildung. 3., durchges. u. erg. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1965. 314 S.
9. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. 350 S.
10. Klein Th. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Niemeyer, 2009. Т. III: Wortbildung. 684 S.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. 882 S.
12. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. Bd. I. 2262 S.
13. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. Bd. II. 2050 S.

14. Lexer M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. Bd. III. 1632 S
15. Moser S. *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -e/i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling*: Inaugural-Dissertation. Würzburg, 1993. 195 S.
16. Müller P. O. *Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers : Ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. 531 S. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch; Bd. 1).
17. Paul H. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 25. Aufl., neu bearb. von Th. Klein. Tübingen: Niemeyer, 2007. 618 S.
18. Ring U. *Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts. Eine hystorisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. 581 S. (Studia Linguistica Germanica; 96).
19. Stricker S. *Konkurrenzen im Wortbildungssystem um 1800. Aufgezeigt an der Wortbildung Goethes. Historische Wortbildung des Deutschen*. Tübingen, 2002. S. 315-340.
20. Wellmann H. *Das Substantiv // Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartsprache. Eine Bestandaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Zweiter Hauptteil*. Düsseldorf: Schwann, 1975. 500 S. (Sprache der Gegenwart, 32).
21. Wilhelm Fr. *Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300*: in 5 Bd-n. Lahr (Baden): Moritz Schauenburg K.-G., 1932. Bd. I, 1200-1282, Nr. 1-564. 515 S.
22. Wilmanns W. *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung*. 2. Aufl., unveränd. Neudruck. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1930. 671 S.
23. WMU II: *Wörterbuch der mittelhochdeutschen Urkundensprache auf der Grundlage des Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300 / hrsg. unter Leitung von B. Kirschstein u. U. Schulze erarb. von S. Ohly u. P. Schmitt*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. Bd. 2. S. 866-1728.

REFERENCES

1. Karasenko, E. A. (2017). *Fonomorfologicheskie i semanticheskie osobennosti suffiksalnykh naimenovaniy muzhchin v sredneverkhnenemetskom yazyke* [Phonomorphological and semantic peculiarities of derivatives denoting male persons in the Middle High German period]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 13. Vyp. 1-2 (35-36). Pp. 48-57. (In Russ).
2. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]: v 2 t. / gl. red. N. Yu. Shvedova. Moskva: Nauka. 1980. Vol. 1. (In Russ).
3. Yagupova, L. M. (2008). *Imennykovyy slovtvir u serednoverkhnonimetskykh dialektakh: prefiksalna sistema u dynamichnomu aspekti* [Nouns word-building in the High Middle German dialects: prefix-system in dynamic]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Donetsk: DonNU. (in Russ).
4. Brendel, B. (1997). *Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissenskultur. Substantivische Affixbildung*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. (Wissenskultur im Mittelalter, 26).
5. Donalies, E. (2005). *Die Wortbildung des Deutschen*. Tübingen Gunter Narr Verlag. (Studien zur Deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache; Bd. 27).
6. Döring, B. (1996). *Sprache und Begriffsbildung in Fachtexten des 16. Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert. (Wissenskultur im Mittelalter; 24).
7. Fleischer, W. (1974). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
8. Henzen, W. (1965). *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer.

9. Lohde, M. (2006). *Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
10. Klein, Th. (2009). *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Niemeyer. T. III: Wortbildung.
11. Kluge, F. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. New York: Walter de Gruyter.
12. Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n*. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel. Bd. I.
13. Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n*. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel. Bd. II.
14. Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n*. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel. Bd. III.
15. Moser, S. (1993). *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -e(i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling*. Würzburg.
16. Müller, P. O. (1993). *Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers: Ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch; Bd. 1).
17. Paul, H. (2007). *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Niemeyer.
18. Ring, U. (2008). *Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts. Eine hystorisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. (Studia Linguistica Germanica; 96).
19. Stricker, S. (2002). *Konkurrenzen im Wortbildungssystem um 1800. Aufgezeigt an der Wortbildung Goethes. Historische Wortbildung des Deutschen*. Tübingen.
20. Wellmann, H. (1975). Das Substantiv. In *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Zweiter Hauptteil*. Düsseldorf: Schwann. (Sprache der Gegenwart, 32).
21. Wilhelm, Fr. (1932). *Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300: in 5 Bd-n*. Lahr (Baden): Moritz Schauenburg K.-G. Bd. I.
22. Wilmanns, W. (1930). *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch*. 2. Aufl., unveränd. Neudruck. Zweite Abteilung: Wortbildung. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
23. WMU II: *Wörterbuch der mittelhochdeutschen Urkundensprache auf der Grundlage des Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. Bd. 2.

Карасенко Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: Elena_karassenko@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Karassenko Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the Germanic Philology (e-mail: Elena_karassenko@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 05 февраля 2018 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности функционирования интернациональных и национальных личных имен в аспекте межкультурной коммуникации лингвосообществ. В результате исследования были выявлены группы личных имен, характерные для именных систем в общем, и систем личных имен в английском и немецком языках, в частности: единичные национальные имена, множественные национальные имена, единичные интернациональные имена, множественные интернациональные, даны их определения, приведены примеры. В процессе анализа были определены и описаны факторы, влияющие на формирование групп интернациональных личных имен в двух исследуемых языках: христианская религия, греческая, римская и скандинавская мифологии, общее германское происхождение английского и немецкого языков, а также современные процессы миграции и глобализации.

***Ключевые слова:** личное имя, лингвокультурология, национальные имена, интернациональные имена, межкультурная коммуникация.*

INTERNATIONAL AND NATIONAL PERSONAL NAMES: ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article aims at eliciting peculiarities of international and national personal names from the point of view of intercultural communication. In the course of the analysis, the main groups of personal names have been singled out: singular national names, multiple national names, singular international names, multiple international names, their examples and definitions have been provided. As the result of the investigation the key factors, which influence the formation of these groups have been identified: Christianity, Greek, Roman and Scandinavian Mythology, common Germanic ancestry of the English and German languages, modern processes of migration and globalization.

***Key words:** personal names, international names, national names, linguocultural studies, intercultural communication.*

1. Вводные замечания

Язык находится в постоянном развитии, вместе с ним развивается и именная система. Под влиянием современных тенденций глобализации и экстралингвистических факторов, таких как мода на имена, прагматическая и эмотивная составляющая языкового общения, фонетико-психологический фактор и т.д., качественно и количественно меняются и именные системы. Материалом исследования являются личные имена, функционирующие как в английском, так и немецком языках, например: *Thomas, Alexander, Maria, Anna*.

Появление таких направлений в языкознании, как когнитивная лингвистика [Lakoff, 1987; Langacker, 1990; Taylor, 1989] и лингвокультурология [Воркачев, 2001; Воробьёв, 1996; Маслова, 2007] предопределило направление лингвистических исследований последней четверти XX века и первой четверти XXI века. Доминантным стало изучение языка в его неотъемлемой связи с культурой и мышлением определенного этноса. Изучение триады «язык – нация – культура» становится центром относительно молодой области языкознания – лингвокультурологии [Воробьёв, 1996: 56]. Лингвокультурология является наукой, смежной с социолингвистикой, сфера исследований которой включает факты культуры и их влияние на функционирование языкового знака. Как утверждает О. Л. Бессонова [Бессонова, 2013: 55], лингвокультурологическому анализу, как одному из направлений антропоцентрической парадигмы, свойственна диада «язык – человек», следовательно, проведенный анализ позволяет выявить ценностные приоритеты, стереотипы, общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов, которые легли в основу диалога культур английского и немецкого лингвосообществ и повлияли на формирование фонда общих личных имен английского и немецкого языков.

Английский и немецкий языки имеют общую историко-культурную основу. Фонд имён собственных в обоих языках складывался под значительным влиянием христианской религии и её письменных источников, прежде всего Библии. Как показал культурно-исторический диахронический и этимологический анализ, влияние на формирование систем личных имен в вышеуказанных языках также оказали греческая, римская и скандинавская мифология, общее германское происхождение английского и немецкого языков, а также современные процессы миграции и глобализации. Все вышеперечисленные факторы повлияли на формирование групп интернациональных личных имен не только в английском и немецком языках, но и во многих других языках Европы и Мира.

Актуальность данного исследования определяется постоянным интересом лингвистов к антропонимам в общем, и к феномену интернациональных антропонимов в частности. Личные имена представляют собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народов. Сопоставительное исследование английского и немецкого антропонимикона и особенностей функционирования личных имен позволяет выявить группы интернациональных личных имен, характерных для двух языковых систем, определить факторы, влияющие на формирование данных групп.

Целью данного исследования является комплексный анализ, описание и классификация национальных и интернациональных личных имен, функционирующих в английском и немецком языках в аспекте межкультурной коммуникации.

В качестве **объекта** исследования выступают национальные и интернациональные личные имена в английском и немецком языках. **Предметом** исследования являются особенности функционирования личных имен в английском и немецком языках в аспекте межкультурной коммуникации.

Материалом исследования послужил корпус языкового материала, общий объем которого составили 4700 единиц (2400 личных имен – в английском языке и 2300 личных имен в немецком языке), из них 1382 единицы (60%) составили фонд общих личных имен. Материал исследования был получен с помощью сплошной выборки из словарей [Александрова, 2001; Рыбакин, 1989; Bahlow, 2002; Hanks, 2006; Gottschald, 2006] и онлайн корпусов [Behind the name, 1996; Vorname, 2005].

Для реализации поставленной цели использовались следующие **методы**: этимологический метод, который позволил выявить происхождение личных имен и апеллятивов, лежащих в их основе. С помощью метода лингвокультурологического анализа представилось возможным проследить этнолингвистические особенности личных имен как особых культурных знаков, отображающих ценности и особенности ментальности двух языковых сообществ, установить влияние экстралингвистических факторов на формирование системы личных имен. Сравнительный метод позволил выделить общие и отличительные черты в организации антропонимических систем английского и немецкого языков.

Значение личного имени – это сумма базовых и фоновых компонентов, точка соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте.

Как отмечает О. В. Кисель [Кисель, 2010], семантическая структура личных имен включает в себя два компонента: общее номинативное значение и единичное номинативное значение. Общее номинативное значение имени личного выражается в реализации понятия «человек». Единичным номинативным значением является закрепленное понятие об объекте действительности, т. е. о конкретном индивиде. Оно выражается в корреляции личного имени с его носителем. Именно единичное номинативное значение создает определенные ассоциации с каким-либо индивидом, его деятельностью и поступками. В связи с этим личные имена более или менее известных и

прославленных носителей могут представлять интерес, вместе с историческими контекстами и ситуациями, в которых они употреблялись [Кисель, 2010].

При исследовании ассоциативного аспекта значения личных имен было выявлено, что экстралингвистические коннотации являются важной частью значения личного имени. Благодаря коннотации личные имена становятся не только номинативными единицами, но и выразительными языковыми средствами. Следовательно, личные имена могут быть разделены на общенациональные и национальные с точки зрения удельного веса ассоциативного аспекта в их семантической структуре.

Общенациональные имена не имеют национальных границ в функционировании, они используются представителями всех народов мира. К данной группе относятся имена, получившие широкую мировую известность и зарегистрированные в немецком и английском антропонимиконах: имена общественных деятелей (*Alexander, Martin, Angela*); имена Святых (*Michael, Gabriel, Daniel*), имена мифологических героев: (*Aurora, Diana, Victoria*); имена литературных персонажей: (*Harry, Arthur, Charlotte*). Такие имена обладают коннотативным значением, которое отражает связь имени с его известным носителем. Например: *Hercules* – латинский вариант греческого имени Геракл. В античной мифологии сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Используется в значении «богатырь, силач» [Отин, 2004: 151-152].

К **национальным именам** относятся те имена, которые характерны только для носителей определенной культуры, коннотация которых связана с национальной спецификой. При описании коннотации личных имен их соотнесение с референтом не является обязательным, в данном случае главенствующее положение занимает информация национального характера, т. е. при описании семантической структуры имени общая категориальная семантика занимает опосредованное место. Так, в английском и немецком именниках национальными являются следующие имена: англ. *Addison, Jack, Jane*, нем. *Gottlieb, Johan, Erdmann*.

Д. И. Ермолович [Ермолович, 2001], рассматривая личные имена с точки зрения межкультурной коммуникации, оперирует несколькими другими понятиями и терминами. Каждый человек в мире не может иметь уникальное имя. Фамилии и личные имена имеют много носителей. Вне какой-либо ситуации или сферы общения имена англ. *Matthew, Jacob, Oscar*, нем. *Milan, Jonas, Lena* и т.п. не указывают на конкретного индивида. Имена, которые в сознании лингвокультурного сообщества не связываются с каким-либо отдельным индивидом, называются **множественными антропонимами** [Ермолович, 2001].

Личные имена и фамилии могут принадлежать многим людям, однако с одним из носителей в сознании людей они ассоциируются прежде всего. К данной группе относятся имена известных людей, англ. *Plato, Shakespeare*, нем. *Darwin, Einstein*. Такие личные имена называют **единичными антропонимами** [Ермолович, 2001]. В языке единичные антропонимы сосуществуют с омонимичными множественными антропонимами. Например, имя личное *Plato*, употреблённое без пояснений, будет скорее всего воспринято как имя античного мыслителя и философа (*Plato made a great contribution to science*). Однако, если контекст противоречит такому значению, личное имя будет восприниматься как множественное имя: *Plato, the son of my neighbour, studies very well at school he is going to make a great contribution to science*.

Таким образом, характерной чертой множественных антропонимов является тот факт, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного индивида, является весьма ограниченной. Следовательно, в случае введения таких антропонимов в более широкую сферу употребления, они требуют сопутствующего уточняющего контекста. Единичные антропонимы не требуют уточняющего контекста, так как их коммуникативная сфера не ограничена. Широкая известность человека в обществе, как экстралингвистический факт, находит лингвистическое выражение в том, что единичные антропонимы не нуждаются в сопровождающем уточняющем контексте, легко соотносятся со своими референтами, независимо от коммуникативной сферы [Ермолович, 2001].

Следовательно, экстралингвистическая информация об известном носителе имени входит в семантическую структуру значения единичного антропонима и составляет ее фоновый компонент. Специалисты в сфере межкультурной коммуникации должны знать объём этой информации, и можно ли её приравнять к энциклопедическим сведениям об известном носителе имени.

Не каждый член языкового сообщества может обладать всей полнотой сведений о конкретном индивиде, поэтому значение единичного антропонима в языке приравнивается к абстракции, соответствующей среднему уровню знаний о носителе имени. Труды Альберта Эйнштейна, басни Эзопа или биографию Линкольна читали, разумеется, не все, однако все (или почти все) владеют суммой известной информации об этих индивидах, узнав эту информацию из книг, от других лиц, радио- и телепередач, периодических изданий. Такая сумма информации устойчиво соотносится с единичным антропонимом. Этот минимум информации о носителе имени и можно считать значением единичных антропонимов в случае первичной референции [Ермолович, 2001].

Статус первичного номинативного значения в межкультурной коммуникации бывает разным для разных антропонимов. Известность многих людей вышла за рамки их страны и языковой общности, соответственно их имена являются единичными антропонимами и в других языках. С другой стороны, слава других деятелей, широко известных в своих странах, не выходит на международный уровень. Если антропонимы *Newton, Lincoln, Washington, Einstein* являются единичными как в английском, так и в немецком языке, то имена англ. *Isambard Kingdom Brunel* (известный инженер), нем. *Wolfgang Petersen* (известный режиссер) не имеют такого статуса.

2. Основные результаты исследования

Синтез вышеизложенных подходов позволяет выделить следующие группы в корпусе эмпирического материала: национальные и интернациональные личные имена.

Национальные личные имена составляют 42% в английском и 40% в немецком языке, они характерны для одной системы личных имен: англ. *John, Andrew, Elizabeth*, нем. *Hans, Johannes, Gertrud*. Таких имен с каждым годом становится все меньше и меньше вследствие процессов глобализации, заимствования личных имен, взаимовлияния и взаимопроникновения систем личных имен разных языков. Вторую группу составляют **интернациональные личные имена** (58% англ., 60% нем.) – личные имена, встречающиеся в системах личных имен различных языков с разной формой вариативности: *Adam, Thomas, Mark, Anna, Maria*.

Внутри каждой группы логичным является выделение двух подгрупп: единичные национальные имена и множественные национальные имена с одной стороны, единичные интернациональные имена и множественные интернациональные имена с другой стороны. Результаты анализа корпуса языкового материала представлены в таблице 1.

Таблица 1. *Национальные и интернациональные личные имена в антропонимических системах английского и немецкого языков*

Группа имен	Английский язык		Немецкий язык		Примеры	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Англ.	Нем.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
1. Национальные личные имена	1018	42	918	40	<i>John, Jane, Jack</i>	<i>Hans, Johannes, Gertrud</i>
1.1. Множественные национальные личные имена	682	28	527	23	<i>Amber, Jack, Ella</i>	<i>Mia, Lea, Jan</i>
1.2. Единичные национальные личные имена	336	14	391	17	<i>William, Elizabeth, Oliver</i>	<i>Otto, Friedrich, Karl</i>

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
2. Интернациональные личные имена	1382	58	1382	60	<i>Adam, Thomas, Mark, Anna, Maria</i>	
2.1. Множественные интернациональные личные имена	734	31	807	35	<i>Isabel, Paul, Julia, Lena, Lara, Tim, Michael</i>	
2.2. Единичные интернациональные личные имена	648	27	578	25	<i>Alexander, Diana, Adolf, Margaret, Angela, Arnold</i>	
<i>Всего</i>	2400	100	2300	100		

Множественные национальные личные имена (28% англ., 23% нем.) – личные имена, обладающие характерной этнической или национальной окраской, носители данных имен не обладают экстралингвистической известностью, их коммуникативная сфера – весь языковой коллектив, например: англ. *Amber, Ella*, нем. *Mia, Jan*.

Единичные национальные имена (14% англ., 17% нем.) – личные имена, характерные для определённой антропонимической системы, информация о носителях данных имен, широко известных в своих странах, не выходит на международный уровень: англ. *William* (William the Conquer), *Elizabeth* (Elizabeth I), *Oliver* (Oliver Cromwell), нем. *Otto* (Otto von Bismarck), *Friedrich* (Friedrich Barbados), *Karl* (Karl V).

К **единичным интернациональным личным именам** (27% англ., 25% нем.) следует отнести имена всемирно известных деятелей, экстралингвистическая информация о которых ассоциируется с именем и выходит за рамки их страны и языковой общности, соответственно их имена являются единичными антропонимами и в других языках: *Alexander* (Alexander the Great, King of Macedon.), *Diana* (Princes Diana), *Adolf* (Adolf Hitler), *Margaret* (Margaret Thatcher), *Angela* (Angela Merkel), *Arnold* (Arnold Schwarzenegger).

Группу **множественных интернациональных личных имен** (31% англ., 35% нем.) составляют личные имена, функционирующие в различных антропонимических системах, как в единой форме, так и в виде орфографических национальных вариантов, обладающих общей этимологической основой: *Mark, Isabel, Thomas, Maria, Anna, Paul*. Такие имена входят в так называемый именной континуум.

Онимный континуум – непрерывный процесс пребывания имени собственного в языках и культурах, представляющий собой совокупность проекций на определенный (всякий раз новый) контекст [Усова, 2013: 245]. Следовательно, представляется возможным вывести определение именного континуума. Именной континуум – непрерывный процесс пребывания личного имени в разных языках и культурах, представляющий собой проекции на определенную именную и языковую систему.

Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и

названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития и трансформации языков. Эти изменения могут быть незначительными, и разные национальные варианты имен являются вполне узнаваемыми и легко соотносятся друг с другом в процессе межкультурной коммуникации: *Marcus* (английский, латинский), *Marco* (нидерландский, итальянский, испанский), *Markus* (шведский, норвежский, датский, немецкий), *Markos* (греческий), *Marko* (болгарский, хорватский, македонский, сербский, словенский), *Marc* (каталанский, французский, валлийский), *Margh* (корнуэльский), *Marek* (чешский, польский, словацкий), *Markku* (финский), *Márk* (венгерский), *Marcas* (ирландский, шотландский), *Markuss* (латвийский), *Marquinhos* (португальский). Однако существуют также примеры, когда орфографические изменения были настолько значительными, что национальные варианты имен сложно соотнести друг с другом, хотя они имеют общее происхождение: *John* (английский) *Deshaun*, *Deshawn* (афроамериканский английский), *Gjon* (албанский), *Yahya* (арабский), *Hovhannes* (армянский), *Ivan*, *Yan* (белорусский), *Hans* (немецкий), *Sean*, *Shane* (ирландский), *Giovanni*, (итальянский), *Ivan* (русский), *Eoin* (шотландский).

Библия, другие христианские письменные источники и, соответственно, содержащиеся в них имена входили в культуру разных народов различными, подчас очень сложными путями. Первые опыты перевода библейских текстов на английский язык относятся к VIII-X векам, но полный перевод Священного Писания осуществил в конце XIV века Джон Уиклиф, переводивший с латинской версии. В XIV веке Уильям Тиндаль впервые перевёл Новый Завет с оригинального греческого текста, а Ветхий Завет – с древнееврейского со ссылками на Вульгату, латинский перевод Эразма Роттердамского и немецкий перевод Лютера. Именно перевод Тиндаля лёг в основу самого авторитетного текста английской Библии – так называемой «Санкционированной версии» короля Иакова (Authorized Version, или King James' Bible) 1611 года. От неё же отталкивается и так называемая «Новая английская Библия» (the New English Bible) – перевод, предпринятый Объединённым комитетом церквей Британских островов (и вышедший в 1961-1970 годах). Во всяком случае, варианты передачи имён собственных в этом новом переводе практически не отличаются от тех, что были в Библии XVII века.

На протяжении веков библейские имена подвергались модификациям и ещё больше изменялись в речевой практике языковых коллективов. Так образовались разноязычные дублиеты, подчас мало похожие друг на друга, например: *Hannah* (английский, иврит, французский, немецкий, голландский, шведский, библейское имя) – др. евр. *channah* ‘благоволение’ или ‘милость’. В Ветхом завете, *Hannah* – жена Елкана. Ее соперницей

была вторая жена Елкана – Пинея, которая имела детей, в то время как *Hannah* оставалась бездетной. После благословения одним из высочайших проповедников, *Hannah* стала матерью Самюэля. Т.к. имя *Hannah* редко использовалось до Протестантской реформации, греческая и латинская форма этого имени – *Anna*, которая используется в Новом Завете, стала более популярной, особенно среди христиан: *Anna*, *Hanna* (белорусский, польский, украинский), *Anna* (русский, болгарский, чешский, датский, эстонский, финский, греческий, венгерский, исландский, латвийский, норвежский, словацкий), *Aina* (каталанский), *Ana* (испанский, словенский, сербский, румынский, португальский, хорватский, грузинский, македонский), *Antje* (фризский), *Annetta* (итальянский), *Ona* (литовский), *Annag* (шотландский).

Аналогичные процессы характерны и для мифологических имен. Изначально данные имена были созданы на базе древних языков (древнегреческий, латинский, древние германские языки), отражали орфографические особенности этих языков. За всю историю развития английского и немецкого языков они несколько раз претерпевали изменения, связанные с популярностью и непопулярностью, переходом из одного языка в другой, накапливая экстралингвистическую информацию в своей семантической структуре. Мифологические имена находят свое отражение во многих языках и культурах, например: *Diana* (английский, испанский, итальянский, португальский, румынский, каталанский, немецкий, голландский, датский, шведский, норвежский, русский, белорусский, литовский, польский языки; римская мифология). Скорее всего имя произошло от индоевропейского корня *deus* ‘божественный’, связанный с *dyeus* (Зевс). *Diana* – римская богиня Луны, охоты, лесов, деторождения, часто идентифицируется с греческой богиней *Artemis*. В качестве личного имени *Diana* регулярно используется с эпохи Ренессанса, в англоговорящих странах имя стало особенно популярным после выхода романа «Роб Рой» Сера Вальтера Скотта (1817) [Hanks: 2006].

Многие имена религиозного и мифологического происхождения на протяжении истории продолжали своё развитие уже самостоятельно, без ассоциации со сферой первичного употребления. Их давали младенцам при рождении, и с развитием и изменением языков, а также в зависимости от сфер использования, они часто модифицировались ещё больше.

Имена общественных деятелей (политики, спорта, науки, искусства и т.д.) становятся популярными и известными, их переход из разряда множественных национальных личных имен сначала в разряд единичных национальных личных имен, а затем в разряд единичных интернациональных личных имен прямо пропорционален росту

известности их носителя. Данные имена приобретают различные коннотации, которые фиксируются в специальных словарях. Примером такого словаря может служить «Словарь коннотативных имен собственных» Е. С. Отина [Отин, 1991]. Например: *Alexander* (английский, немецкий, голландский, шведский, норвежский, датский, исландский, венгерский, словацкий, древнегреческий языки, библейское имя, греческая мифология). Латинизированная форма греческого имени *Ἀλεξάνδρος* (*Alexandros*), что означало «защищать людей» от греческого *ἀλεξω* (*alexo*) «защищать, помогать» и *άνηρ* (*aner*) «человек» (genitive *άνδρος*). В греческой мифологии это было второе имя героя Париса, и оно также принадлежит нескольким персонажам Нового Завета. Однако самым известным носителем был Александр Великий, король Македонии. В IV веке до н.э. он построил огромную империю из Греции, Египта, Персии и частей Индии. Из-за его славы, а затем и средневековых рассказов, связанных с ним, использование его имени распространилось по всей Европе. Это имя носили короли Шотландии, Польши и Югославии, императоры России и восемь пап. Среди других известных носителей – английский поэт Александр Поуп (1688-1744), американский государственный деятель Александр Гамильтон (1755-1804), канадский исследователь шотландского происхождения сэр Александр Маккензи (1764-1820), русский поэт Александр Пушкин (1799-1837) и Александр Грэм Белл (1847-1922), шотландско-канадско-американский изобретатель телефона.

Именные системы разных языковых сообществ могут иметь различные, характерные только для того или иного языкового коллектива национальные единичные и множественные личные имена. В именную систему любого языка также входят личные имена, общие как для двух, трех, так и для большего количества языковых сообществ единичные и множественные интернациональные имена. Процент общих интернациональных личных имен зависит от культурной, географической, языковой, исторической близости языковых сообществ.

3. Выводы

В английском и немецком языках около 60% именика составляют имена, используемые, как в английском, так и в немецком языках (*Charlotte, Christian, Ben, Robin, Pail, Michael*). Совпадение личных имен в двух языках объясняется рядом факторов: общее происхождение языков, общая культурная база, ареальная и культурная близость, диалог культур, процессы глобализации и интернационализации современного общества и т.д.

Большую часть фонда интернациональных личных имен составляют библейские, мифологические имена, имена литературных героев и известных исторических деятелей.

Личные имена известных общественных деятелей и литературных героев появляются и исчезают, приобретают популярность и утрачивают ее, приобретают новые коннотации в своем значении на протяжении времени, они являются живым, подвижным именным фондом любого языка, который чутко реагирует на лингвистические изменения, которые происходят в языке, и на события экстралингвистической действительности.

Интернациональные имена, переходя из одного языка в другой, могут обретать разную фонетическую и графическую форму, но все-таки остаются узнаваемыми.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процент общих интернациональных имен является индивидуальным для каждой пары или группы языков, вследствие особенностей развития этих языков и экстралингвистических факторов, оказавших влияние на этот процесс. Чем более родственными являются языки и чем ближе их географическая ареальная распространенность, тем больший процент общих интернациональных имен имеется в их антропонимиконах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Лингвокультурный концепт ДУША в англоязычной картине мира // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой / соредакторы В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 944 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3). С. 55-61.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки 2001 № 1. С. 64-72.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. Москва, 1996. 350 с.
4. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 198 с.
5. Кисель О. В. Семантика личных имен. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 104 с.
6. Курдина Е. С. Антропонимы в жанре сатирического романа // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. Донецьк: ДонНУ, 2009. Т. 6. № 2 (17). С. 16-27.
7. Маслова В. А. НОМО LINGUALIS в культуре. М.: Гнозис, 2007. 319 с.
8. Отин Е. С. Лингвострановедческий аспект изучения русских антропонимов и антропонимных формул в иноязычной аудитории // *Славянская культура в современном мире*. К., 1991. С. 65-66.
9. Отин Е. С. Семантическое и словообразовательное освоение в русском языке имен персонажей западно-европейской литературы (из словаря собственных имен, развивших референтную коннотацию) // *Античность XX век: проблемы изучения литературы и языка*. Донецк: ДонГУ, 1996. С. 172-186.
10. Отин Е. С. Типология коннотативных онимов и их производных // *Українська пропріальна лексика*. К.: Кий, 2000. С. 122-128.
11. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. 412 с.
12. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М.: Наука, 1986. 382 с.
13. Суперанская А. В. Имя и культура // *Наука и жизнь*. М., 1991, №1. С. 79-85.
14. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1973. 188 с.

15. Суперанская А. В. К вопросу о кодификации личных имен // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 35-40.
16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Изд. 3-е, испр. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 368 с.
17. Усова Н. В. Понятие континуальности и связанные с ним термины // Филологические исследования. 2013. Вып. 13. С. 244-254.
18. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*, 1987. 632 p.
19. Langacker Ronald W, *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.
20. Taylor J. R. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*, 1989. 270 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова Т. С., Добровольский Д. О., Салахов Р. А. *Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление*. Москва: Русский язык, 2001. 248 с.
2. Рыбакин А. И. *Словарь английских личных имен*. М.: Рус. яз., 1989. 224 с.
3. Bahlow H. *Dictionary of German names*. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. 579 p.
4. Behind the name. 1996. Режим доступа: <http://www.behindthename.com>. (дата обращения: 15.11.2017).
5. Gottschald Max *Deutsche Namenkunde*. Walter De Gruyter Incorporated, 2006. 622 S.
6. Hanks P., Hodges F. *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 443 p.
7. Vorname. 2005. Режим доступа: <http://www.vorname.com>. (дата обращения: 15.11.2017).

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2013). *Lingvokulturnyy kontsept DUSHA v angloyazychnoy kartine mira [Linguocultural concept SOUL in the English linguistic world-image]*. In *Lingvistika XXI veka: sb. nauch. st.: k 65-letnemu yubileyu prof. V. A. Maslovoy / soled. V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov*. Moskva: FLINTA: Nauka. Pp. 55-61. (Seria «Kontseptualnyy i lingvalnyy miry». Vyp. 3). (In Russ.)
2. Vorkachev, S. G. (2001). *Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguocultural linguistic persona, concept, establishment of anthropocentric paradigm]*. In *Filologicheskie nauki*. No 1. Pp. 64-72. (In Russ.)
3. Vorobev, V. V. (1996). *Lingvokulturologicheskaya paradigma lichnosti [Linguocultural paradigm of persona]*. Moskva. (In Russ.)
4. Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennyye na styke yazykov i kultur [Proper names at the edge of languages and cultures]*. Moskva. (In Russ.)
5. Kisel, O. V. (2010). *Semantika lichnykh imen [Semantic peculiarities of personal names]*. Magnitogorsk. (In Russ.)
6. Kurdina, E. S. (2009). *Antroponimy v zhanre satiricheskogo romana [Anthroponyms in a satiric novel]*. In *Studia Germanica et Romanica: Inozemny movy. Zarubizhna literatura. Metodyka vykladannya* Donetsk: DonNU. T. 6. No 2 (17). Pp. 16-27. (In Russ.)
7. Maslova, V. A. (2007). *HOMO LINGUALIS v kulture [HOMO LINGUALIS in culture]*. Moskva. (In Russ.)
8. Otin, E. S. (1991). *Lingvostranovedcheskiy aspekt izucheniya russkikh antroponimnykh formul v inoyazychnoy auditotii [Linguo cultural aspect of Russian anthroponymic formula in foreign languages sphere]*. In *Slavyanskaya kultura v sovremennom mire*. Kiev. Pp. 65-66. (In Russ.)
9. Otin, E. S. (1996). *Semanticheskoe i slovoobrazovatelnoe osvoenie v russkom yazyke*

imen personazhey zapadno-evropeyskoy literatury [Semantic and word-building transference of proper names of characters from western European literature]. In *Antichnost XX vek: problemy izucheniya literatury i yazyka*. Donetsk. Pp. 172-186. (In Russ).

10. Otin, E. S. (2000). Tipologiya connotativnykh onimov i ikh proizvodnykh [The typology of connotative onyms and their derivatives]. In *Ukraynska proprialna leksika*. Kyev. Pp. 122-128. (In Russ).

11. Otin, E. S. (2004). *Slovar konnotativnykh sobstvennikh imen* [The dictionary of connotative proper names] Donetsk. (In Russ).

12. *Sistema lichnykh imen u narodov mira* (1986). [Systems of personal names of different peoples in the world] / otv. red. M. V. Krukov. Moskva: Nauka. (In Russ).

13. Superanskaya, A. V. (1991). Imya i kultura [A name and culture]. In *Nauka i zhizn*. Moskva. No 1. Pp. 79-85. (In Russ).

14. Superanskaya, A. V. (1973). *Imya – cherez veka i strany* [A Name across centuries and countries] Moskva. (In Russ).

15. Superanskaya, A. V. (1981). K voprosu o kodifikatsii lichnykh imen [The questions of personal names codification]. In *Onomastika i grammatika*. Moskva. Pp. 35-40. (In Russ).

16. Superanskaya, A. V. (2009). *Obshchaya teoriya imen sobstvennogo* [General theory of proper names]. Izd. 3-e, ispr. Moskva. (In Russ).

17. Usova, N. V. (2013). *Ponyatie kontinualnosti i svyazannye s nim terminy* [The notion of continuous and term connected with it]. In *Filologicheskie issledovaniya*. Vyp. 13. Pp. 244-254. (In Russ).

18. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*.

19. Langacker, Ronald W. (1990). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.

20. Taylor, J. R. (1989). *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York.

LEXICOGRAPHIC REFERENCES

1. Aleksandrova, T. S., Dobrovolskiy, D. O., Salahov, R. A. (2001). *Slovar nemetskikh lichnykh imen. Proiskhozhdenie. Znachenie. Upotreblenie* [The Dictionary of German personal names. Etymology. Meaning. Use]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.)

2. Rybakin, A. I. (1989). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.)

3. Bahlow, H. (2002). *Dictionary of German names*. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies.

4. *Behind the name*. (1996). Available at: <http://www.behindthename.com>. (accessed: 15.11.2017).

5. *Gottschald Max Deutsche Namenkunde*. (2006). Walter De Gruyter Incorporated.

6. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: Oxford University Press.

7. *Vorname*. (2005). Available at: <http://www.vorname.com>. (accessed: 15.11.2017).

Керова Лариса Витальевна – преподаватель
кафедры английской филологии
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kerova Larisa V. – Lecturer at the Department
of the English Philology
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education “Donetsk National
University”
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 февраля 2018 г.

УДК 811.111'367.723

© 2018 Е. А. Морозенко

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА CHARACTER

Статья посвящена рассмотрению оценочных прилагательных как средства вербализации концепта CHARACTER в современном английском языке. Выделяются основные признаки концепта CHARACTER, приводятся результаты количественного анализа оценочных прилагательных, вербализующих концепт CHARACTER, определяется номинативная плотность данного концепта.

Ключевые слова: концепт, оценка, оценочные прилагательные, семантические признаки.

© 2018 Е. А. Morozenko

EVALUATIVE ADJECTIVES AS MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT CHARACTER

The paper gives a survey of the evaluative adjectives in English, which represent the concept CHARACTER. The main features of the concept CHARACTER are distinguished, the results of the quantified analysis of the evaluative adjectives are presented, the nominative density of the concept CHARACTER is defined.

Keywords: concept, evaluation, evaluative adjectives, semantic features.

1. Вводные замечания

Одним из актуальных направлений современного языкознания является изучение концептов в лингвокультурологической и лингвокогнитивной парадигме. В этом направлении работают такие известные современные лингвисты как [Бабушкин, 1996; Бессонова, 2011; Воркачев, 2001; Жаботинская, 2004; Карасик, 2013; Маслова, 2007; Степанов, 2007] и многие другие. Концепт находит воплощение во многих сферах лингвистической науки. Так, он вошел в понятийный аппарат семантики, лингвокультурологии, когнитивистики. Актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в психологии и языкознании, появлением новых дисциплин – когнитивной психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики. Сущность и содержание концептов изучаются в разных направлениях и разными способами, однако многие аспекты остаются дискуссионными. Определение такого понятия, как «концепт» является важной частью концептологических студий. Существует много подходов к определению концепта. Знакомство с разными определениями термина «концепт» свидетельствует о том, что, с одной стороны, концепт – это основная единица сознания, составляющая «коллективного бессознательного»,

оперативная содержательная единица памяти, единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, «кирпичик» концептуальной системы, которая отображает знания и опыт людей в виде «квантов» знания; вербализуется языковыми средствами и содержит существенную часть невербальной информации [Степанов, 2007].

В лингвокультурологии концепт трактуется как «сгусток культуры в сознании людей; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, в виде чего человек входит в культуру». Это толкование стало почти классическим для определения концепта в культурологии. С точки зрения С. Г. Воркачева, концепт является “единицей коллективного знания / сознания, которая отсылает к наивысшим духовным ценностям, которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой” [Воркачев, 2001].

В когнитивной лингвистике концепт трактуется как «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, которая отображена в психике человека» [Карасик, 2002]. С этой позицией совпадает точка зрения А. П. Бабушкина, который понимает концепт как «дискретную содержательную единицу коллективного сознания, которая отображает предмет реального или идеального мира и сохраняется в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1996]. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют термин «концепт» таким образом: «концепт – это комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои» [Попова, Стернин, 2003].

В этом исследовании вслед за В. И. Карасиком концепт понимаем как многомерное когнитивное образование, которое имеет онтологические, аксиологические и образные аспекты, характеризующиеся обозначенными лингвистическими параметрами [Карасик, 2002].

Целью статьи является системное описание вербализации концепта *CHARACTER* английскими оценочными прилагательными.

Корпус языкового материала составляет 505 оценочных прилагательных, вербализующих концепт *CHARACTER*, отобранных путем сплошной выборки из англоязычных толковых словарей.

2. Критерии отбора материала

Концепт *CHARACTER* можно охарактеризовать, с одной стороны, как общечеловеческую, с другой, как личную ценность, которая имеет важное значение для каждого индивида как в социальной, так и в личной жизни. Одним из самых главных

средств выражения ценности является оценка [Бессонова, 2011]. Оценка выражает субъективное отношение к явлениям окружающего мира, а не отображает их объективные характеристики. Объектом оценки прилагательных выступает человек, его деятельность, абстрактные и конкретные понятия, ситуации [Вольф, 1985]. В отличие от имени существительного, прилагательные не указывают на предмет, а приписывают ему определенный признак, качество, свойство. Они предстают абсолютно разнообразными по своей семантике и могут иметь признаки, связанные с действием. Категорийным определением данной части речи является признак в широком его понимании. В структуре значения исследуемых прилагательных признак конкретизируется семами, которые определяют особенности употребления, восприятия и отображения черт характера человека.

Анализ материала дает возможность выделить семантические типы оценочных прилагательных по признаку оценки: прилагательные с семой “отрицательные черты характера” и прилагательные с семой “положительные черты характера”.

Таблица 1. Количественная характеристика прилагательных по знаку оценки.

Знак оценки	Кол-во единиц	%	Примеры
Отрицательный	302	60	<i>cruel</i> ‘жестокий’, <i>insidious, sly</i> ‘хитрый’, <i>crabby</i> ‘раздражительный’.
Положительный	203	40	<i>sympathetic</i> ‘отзывчивый’, <i>brave</i> ‘храбрый’, <i>affable</i> ‘приветливый’.
Всего	505	100	

Преобладание отрицательной лексики связано со структурой оценочной шкалы, где нормой является положительная оценка. Следует отметить, что результаты анализа совпадают с выводами О. Л. Бессоновой о том, что большинство концептов расположено на противоположных полюсах аксиологической шкалы с наклоном в сторону отрицательной оценки [Бессонова, 2002]. Одновременно следует отметить, что количественная разница между прилагательными с семами положительной и отрицательной оценки (40% и 60% соответственно) несколько отличается от соотношения существительных положительной и отрицательной оценки (30% и 70% соответственно) (см., например, [Бессонова, 2002]). Этот факт может свидетельствовать о том, что атрибутивная лексика более разнообразна в выражении положительных черт характера человека.

При рассмотрении оценочных прилагательных можно выделить общую и частную оценку и, соответственно, общеоценочные и частнооценочные признаки. В данном исследовании в фокусе внимания – частнооценочные прилагательные, которые в отличие

от общеоценочных, дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Разновидностью частной оценки являются эстетические и этические оценки, которые основываются на синтезе сенсорных психологических оценок. В данной статье вышеуказанные оценки вербализуются оценочными прилагательными с семой “характер”.

Следует отметить, что главным критерием отбора языкового материала является наличие оценочного компонента в коннотативном и денотативном аспектах значения. Этот критерий актуализует наличие положительной или отрицательной оценки в значении прилагательного. В большинстве случаев основными лексикографическими показателями оценочных лексем являются маркеры, пометы отрицательной и положительной оценки, специальные пометы в дефинициях (в англ. языке – *offensive, derogatory, vulgar, humorous*), например *smug* ‘самодовольный’ (*disapproving* ‘осуждающий’) – *feeling or looking too pleased about smth you have done or achieved* ‘человек, который чувствует себя или выглядит очень довольным собой или своими действиями’. Однако такие пометы не могут считаться основным критерием анализируемых единиц, так как в дефинициях большинства прилагательных с семой «характер» они отсутствуют. Главной характеристикой словарной дефиниции в толковых словарях являются толкования значения прилагательных с семой “характер” при помощи синонимического ряда, например: в англ. *gloomy* ‘унылый’ – *sullen, depressed, despondent* ‘замкнутый, сердитый, упавший духом’; *crabby* ‘раздраженный’ – *bad-tempered, petulant* ‘раздражительный, обидчивый’. Анализ лексикографических дефиниций оценочных прилагательных выявляет тенденцию к унификации словарных значений, которая проявляется в использовании словарями закрепленных формул толкования для обозначения положительных или отрицательных маркеров оценочных прилагательных:

1. of a person, например: *pert* ‘дерзкий’ – *of a person, esp. young one: formal, presumptuous or impudent in speech or behavior* ‘человек, в особенности молодой, который ведет себя нагло, самоуверенно’.

2. of character, например: *sloppy* ‘небрежный’ – *of character: careless, untidy, slovenly* ‘черта характера – неаккуратный, неряшливый’.

Следует отметить, что существуют трудности в выделении прилагательных, репрезентирующих черты характера человека. Это связано с тем, что любой характерный признак личности может быть частью этого фрагмента картины мира. Анализ материала свидетельствует о высокой продуктивности прилагательных с семой “характер” и об их тесной смысловой связи с прилагательными с семой “поведение” и “моральные качества человека”. Эту точку зрения подтверждает анализ словарных дефиниций слова

“характер”, которое пришло в английский язык из греческого языка (*kharakter* ‘отчеканивание, отпечаток’) через языки-посредники – латинский и французский в среднеанглийский период.

3. Семантический объем концепта CHARACTER

Характер в психологии понимают как совокупность индивидуально-своеобразных качеств личности, которые проявляются в способах ее деятельности, работе, окружающей действительности и в выражении самой себя. Особенности, которые проявляются в поведении человека, называются чертами характера. Черта характера – это фиксированная установка личностного значения, которая обнаруживается в разных видах деятельности, существенных для определенной личности [Маслова, 2007].

Результатом анализа словарных дефиниций имени концепта является наличие следующих семантических признаков концепта: ‘совокупность стойких индивидуально-психологических способностей человека’, ‘ментальные или моральные качества’, ‘индивидуальные качества’, ‘качества человека, которые отличают его от других’. По данным *The Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles*, *character* ‘характер’ – *all the qualities and features that make a person different from others; strong personal qualities such as the ability to deal with difficult or dangerous situations; the interesting or unusual quality that a person has* ‘совокупность способностей и качеств, которые отличают человека от других; сильные личные качества, такие как способность действовать в трудной или опасной ситуации; интересная или необычная черта характера человека’; *character* ‘характер’ – *the mental and moral qualities distinctive to an individual; the quality of being individual; strength and originality in a person’s nature* ‘ментальные или моральные качества, отличающие личность; индивидуальные качества; сила и оригинальность природы человека’ [SOED, 2002].

Этимология данного концепта сводится к наличию таких семантических признаков как ‘гравировать, ставить печать’, ‘особенное качество’. Слово *character* ‘характер’ происходит от греческого *kharakter* ‘отчеканивание, отпечаток’, которое произошло от *kharassein* ‘гравировать, ставить клеймо’, и далее от *kharax* ‘заточенный кол’, значение которого со временем расширилось [EDME, 1967].

4. Семантические особенности оценочных прилагательных как способа вербализации концепта CHARACTER

Под вербальной объективизацией мы понимаем способ эксплицитной и концентрированной реализации концепта при помощи конкретной языковой единицы, которая сохраняет номинативную связь с концептом и вне концепта [Карасик, 2002].

В языке концепт *CHARACTER* репрезентируется на уровне лексем, которые характеризуют личностные качества человека. Но следует отметить, что для лексических единиц, семантически ориентированных на человека, большую значимость приобретает коннотативное значение, потому что то, что характеризует человека, вызывает эмоционально-оценочное отношение.

Оценочные прилагательные, которые вербализуют концепт *CHARACTER*, можно разделить на две лексико-семантические группы: положительные и отрицательные черты характера. Количественная характеристика оценочных прилагательных, которые объективируют концепт *CHARACTER*, приведена в таблице 2.

Таблица 2. Количественная характеристика оценочных прилагательных, вербализующих отрицательные черты характера человека в английском языке

Наименование черты характера	Кол-во единиц	%	Пример
Бессердечность, жестокость	32	10,2	<i>cold-hearted, cruel</i>
Угрюмость	26	8,6	<i>gloomy, morose</i>
Раздражительность	25	8,3	<i>crabby, petulant</i>
Легкомыслие	22	7,3	<i>changeable, carefree</i>
Горделивость	22	7,3	<i>bumptious, hoity-toity</i>
Невежество	22	7,3	<i>ill-mannered, impolite</i>
Упрямство	21	7	<i>stubborn, pigheaded</i>
Лживость	20	6,6	<i>deceitful, unfaithful</i>
Трусливость	20	6,6	<i>cowardly, faint-hearted</i>
Вспыльчивость	18	6	<i>hot-tempered, peppery</i>
Привередливость	18	6	<i>fastidious, squeamish</i>
Самодовольство	15	4,9	<i>conceited, smug</i>
Жадность	13	4,3	<i>avid, greedy</i>
Хитрость	7	2,5	<i>insidious, sly</i>
Болтливость	6	2	<i>garrulous, chatty</i>
Эгоизм	5	1,7	<i>selfish, self-interested</i>
Небрежность	5	1,7	<i>frowsy, sloppy</i>
Манерность	5	1,7	<i>genteel, niminy-piminy</i>
Всего	302	100	

Данные таблицы 2 показывают, что наиболее продуктивными в количественном плане являются группы прилагательных, вербализующие такие негативные черты характера человека, как бессердечность – 10,2% (*cold-hearted* ‘бессердечный’, *cruel* ‘жестокий’), замкнутость – 8,6% (*gloomy* ‘хмурый’, *morose* ‘нелюдимый’), раздражительность – 8,3% (*crabby* ‘раздражительный’, *petulant* ‘вспыльчивый’). Менее продуктивными оказались прилагательные, обозначающие такие черты характера, как хитрость – 2,5% (*cunning* ‘хитрый’, *sly* ‘коварный’), болтливость – 2% (*garrulous, chatty* ‘болтливый’); эгоизм – 1,7% (*selfish, self-interested* ‘эгоистичный’), небрежность – 1,7%

(*frowsy, sloppy* ‘небрежный’). Соглашаясь с точкой зрения В. И. Карасика, считаем, что преобладание отрицательной лексики свидетельствует о тенденции говорящего давать отрицательную оценку человеку, повышая свою значимость и важность [Карасик, 2002]. Вышеперечисленные прилагательные вербализуют ядерную зону концепта CHARACTER и являются наиболее продуктивными в английском языке, так как данные черты характера оцениваются в языковом коллективе в первую очередь.

Количественная характеристика положительных оценочных прилагательных, которые объективируют концепт CHARACTER, приведена в таблице 3.

Таблица 3. Количественная характеристика оценочных прилагательных, вербализующих положительные черты характера человека в английском языке

Наименование черты характера	Кол-во единиц	%	Примеры
Дружелюбие, коммуникабельность	28	14	<i>affable, amiable</i>
Сочувствие	26	13	<i>big-hearted, careful</i>
Честность	24	12	<i>honest, fair-minded</i>
Уравновешенность	23	11,5	<i>balanced, composed</i>
Смелость	22	11	<i>courageous, brave</i>
Щедрость	20	9,5	<i>generous, lavish</i>
Вежливость	20	9,5	<i>polite, civil</i>
Терпеливость	19	9	<i>patient, diligent</i>
Скромность	8	4	<i>shy, modest</i>
Благородство	7	3,5	<i>highly-minded, noble</i>
Целеустремленность	6	3	<i>assertive, purposeful</i>
Всего	203	99,5	

Данные таблицы 3 показывают, что наиболее продуктивными прилагательными являются единицы, обозначающие следующие черты характера: коммуникабельность, дружелюбие (14% – *affable* ‘приветливый’ *amiable* ‘любезный’), сочувствие (13% – *big-hearted* ‘великодушный’, *careful* ‘заботливый’), честность (12% – *fair* ‘честный’, *fair-minded* ‘справедливый’), уравновешенность (11,5% – *balanced* ‘уравновешенный’, *well-balanced* ‘рассудительный’).

Менее продуктивными являются прилагательные, обозначающие такие черты характера как: смелость (11% – *courageous* ‘смелый’, *brave* ‘отважный’), щедрость (9,5% – *generous* ‘щедрый’, *lavish* ‘гостеприимный’), вежливость (9,5% – *civil*, ‘вежливый’, *polite* ‘любезный’), терпение (8,5% – *calm* ‘спокойный’, *patient* ‘терпеливый’).

Единичные семантические признаки формируют периферию оценочной составляющей концепта CHARACTER и объективируются 21 оценочным прилагательным. Например: скромность (4% – *modest, shy* ‘скромный’, ‘застенчивый’), благородство (3,5% – *highly-minded*

‘великодушный’, *noble* ‘благородный’), *целеустремлённость* (3% – *assertive* ‘настойчивый’, *purposeful* ‘целеустремленный’).

Оценочные прилагательные, характеризующие положительные черты характера человека составляют меньшую группу, так как положительные черты характера воспринимаются как должное и внимание на них не концентрируется, а отрицательные черты не оставляют человека равнодушным и внимание на них концентрируется чаще. Интересно отметить, что внутри оппозиции «положительная – отрицательная черта характера» выделяются две самые многочисленные группы оценочных прилагательных, вербализующие такие черты характера, как «угрюмый, замкнутый человек – коммуникабельный, дружелюбный человек».

Семантический объем концепта *CHARACTER* дополняется рядом признаков: унаследованные качества, природные качества, умственное состояние человека, которые были получены при помощи толкования синонимов: *nature* ‘характер, натура’; *disposition* ‘характер, натура, нрав’; *temper* ‘нрав, характер’, *temperament* ‘темперамент’. Например, *nature* ‘характер, нрав, натура’ – *the innate disposition or character of a person; inborn or hereditary characteristics; an individual element of character* ‘прирожденные или природные качества или характер человека; природные или унаследованные характеристики; индивидуальные черты характера; *disposition* ‘характер, натура, нрав’ – *the natural qualities of a person’s character; a frame of mind; a mood* ‘природные качества характера человека; строение разума человека; настроение’; *temper* ‘нрав, характер’ – *mental balance or composure, esp. under provocation; calmness; a tendency to become angry easily; an angry state of mind* ‘умственное равновесие, самообладание, особенно в случаях провокации; спокойствие; склонность быстро становиться раздражительным, раздраженное состояние ума’; *temperament* ‘темперамент’ – *constitution or habit of mind affecting behavior, natural desposition, personality*; ‘строение или состояние разума, которое влияет на поведение, природный нрав, личность’.

Таким образом, концепт *CHARACTER* репрезентируется широким семантическим объемом и характеризуется совокупностью следующих семантических признаков: «ментальные или моральные, врожденные или унаследованные качества, которые отличают личность», «индивидуальные или выдающиеся качества человека, которые делают ее непохожей на других».

5. Выводы

Концепт *CHARACTER* является одним из базовых концептов английской языковой картины мира, входящим в концептосферу любого языка. Анализ имени концепта

CHARACTER в английском языке показывает, что этот концепт является многомерной ментальной единицей, которая своеобразно формируется в языковом обществе. Семантический объем концепта состоит из признаков, зафиксированных в словарях английского языка, и дополняется значением атрибутивных единиц, которые объективируют исследуемый концепт.

Согласно результатам анализа, ядерная зона концепта *CHARACTER* вербализуется оценочными прилагательными, репрезентирующими такие отрицательные черты характера как бессердечность, замкнутость, раздражительность. К периферийной зоне относятся оценочные прилагательные с семой «положительные черты характера».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 269 с.
2. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 361 с.
3. Бессонова О. Л. Эмотивные концепты в ценностной картине мира // Наука и культура России: материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара, 2011. С. 146-148
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. М. 2001. № 1. С. 64-72.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка: фреймворковые сети // Мова. Науково-теоретичний часопис із мовознавства. Одеса: Астропринт. 2004. № 9. С. 81-94.
7. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 234 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Маслова В. А. НОМО LINGUALIS в культуре. М.: Гнозис, 2007. 319 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.
11. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М: Языки славянских культур, 2007. 602 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. An Etymological Dictionary of Modern English. London: Dover Publications, 1967. 1660 p [EDME].
2. The Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. 3809 p. [SOED].

REFERENCES

1. Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeplogicheskoy semantike yazyka*. [The Types of Concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh. (In Russ).
2. Bessonova, O. L. (2002). *Otsinnyy tezaurus angliyskoy movy: kognitivno-genderni aspekty* [The evaluative thesaurus of the English language: cognitive and gender aspect].

Donetsk. (In Russ).

3. Bessonova, O. L. (2011). Emotivnye kontsepty v tsennostnoy kartine mira [Emotive concepts in the language picture of the world]. In *Nauka i kultura Rossii: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu slavyanskoy pismennosti i kultury pamyati svyatykh ravnoapostolnykh Kirilla i Mefodiya*. Samara. Pp. 146-148. (In Russ).

4. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculture, linguistic person, concept: the establishment of anthropocentric paradigm]. In *Filologicheskie nauki*. No 1. Pp. 64-72. (In Russ).

5. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [The Functional semantics of the evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ).

6. Zhabotinskaya, S. A. (2004). Kontseptualnyy analiz yazyka: phreymovye seti [The conceptual analysis: the networks of frames]. In *Mova. Naukovo-teoretychnyy chasopys iz movoznavstva*. Odessa. No 9. Pp. 81-94. (In Russ).

7. Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaya matritsa kultury* [Linguistic matrix of culture]. Moskva. (In Russ).

8. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd. (In Russ).

9. Maslova, V. A. (2007). *HOMO LINGUALIS v kulture* [HOMO LINGUALIS in culture]. Moskva. (In Russ).

10. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2003). *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh. (In Russ).

11. Stepanov, Yu. S. (2007). *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. The thin film of civilization]. Moscow. (In Russ).

LEXICOGRAPHIC REFERENCES

1. *An Etymological Dictionary of Modern English*. London. Dover Publications, 1967.

2. *The Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles*. Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2.

Морозенко Елена Александровна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: len.chic@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Morozenko Elena A. – Postgraduate Student at the
Department of the English Philology
(e-mail: len.chic@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education “Donetsk National
University”
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 15 февраля 2018 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

© 2018 Т. Н. Глоба

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

В статье рассматривается проблема фразеологической синонимии. Автор анализирует стилистические особенности фразеологических оборотов разных функциональных стилей на материале фразеологических синонимов французского языка, встречающихся в художественной литературе, публицистике и живой разговорной речи. Автор приводит классификацию фразеологических оборотов, имеющих стилистические особенности, которые возникают вследствие принадлежности синонимов к разным функциональным стилям французского языка.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические синонимы, функциональный стиль, стилистическая характеристика, фразеологический ряд, фразеологические варианты.

© 2018 T. N. Globa

STYLISTIC FEATURES OF FRENCH PHRASEOLOGICAL SYNONYMS

The article deals with phraseological synonymy. The author analyzes the distinctive shades between phraseological turns of different functional styles on the material of the phraseological synonyms of the French language, found in fiction, journalism and lively spoken language. The author gives a classification of phraseological turns having stylistic features that arise due to the belonging of synonyms to different functional styles of French.

Key words: phraseology, phraseological synonyms, functional style, stylistic characteristics, phraseological series, phraseological variants.

Фразеология – важный раздел лингвистики, изучение которого остаётся актуальным на протяжении многих лет, так как фразеологический фонд постоянно изменяется вместе с языком. Фразеологические синонимы являются высокоинформативным лингвистическим источником, от умелого пользования которым зависит степень проникновения в систему иностранного языка. Фразеологические синонимы обогащают лексическую систему языка, которая не может в полной мере обеспечить наименование познанных человеком сторон реальной действительности, и в большинстве случаев являются единственным обозначением предметов, свойств, состояний, процессов. На современном этапе развития французского языка образование новых фразеологизмов дополняет и расширяет его лексические ресурсы. В тех случаях, когда у уже существующих в языке фразеологизмов появляется лексический синоним, их начинают различать по стилистической принадлежности.

Проблему фразеологической синонимии французского языка изучали в разных аспектах отечественные (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Н. Е. Каика, Л. П. Кофанова, Э. И. Липшицене-Зибуцайте, Е. З. Ленец, Л. В. Мурадова) и зарубежные (Ш. Балли, П. Гиро, Ж. Марузо, М. Ра, А. Рей, С. Шантро) лингвисты.

Понятие «фразеологических оборотов» трактуется отечественными и зарубежными лингвистами по-разному. В советской научной литературе этот термин использовался для обозначения совокупности выражений, в которых значение одного элемента зависит от другого, независимо от структуры и свойств целого; для номинации устойчивых выражений, которые не обладают экспрессивностью или эмоциональной окраской [Виноградов, 1977: 21].

На современном этапе развития отечественной лингвистической науки существует мнение, что термин фразеологических синонимов может быть применим к так называемым фиксированным контекстным устойчивым выражениям, то есть к выражениям, в которых невозможна замена какого-либо компонента без изменения значения не только целого выражения, но и элементов, которые остались неизменными [Ленец, 2007: 4].

Швейцарский языковед французского происхождения Ш. Балли в начале XX века впервые в истории языкознания осмыслил фразеологические явления, заложив тем самым основы современной фразеологии. Учёный рассматривал французские фразеологические единицы как устойчивые сочетания слов с различной степенью спаянности содержательных компонентов. Он различал внешние и внутренние признаки фразеологических оборотов, понимая под первыми их структурные особенности, а под вторыми – семантические. Исследователь проводил чёткое разграничение между формальными признаками фразеологизма и характеристиками, «которые вытекают из соответствия между формой и мыслью, то есть из того, как мыслится данный оборот говорящим» [Балли, 1961: 5].

Теория Шарля Балли была положена в основу дальнейших исследований в области французской фразеологии XX века. Так, французские исследователи Морис Ра и Жюль Марузо определяют фразеологические единицы «expressions, façons de parler, locutions» в широком смысле как синонимические выражения, а в узком – как «объединение нескольких слов, образующих известного рода лексическую единицу» [Ленец, 2007: 8].

У исследователей фразеологических единиц разных языков имеется множество разнообразных мнений о том, что такое фразеологизмы, каковы их различительные

оттенки, причем наблюдаются разногласия во взглядах на состав таких единиц в каждом из языков. У английских, американских и немецких лингвистов позиция по этому поводу совершенно отличается от выводов их французских коллег. Для этих единиц не существует специальной отрасли знания, и термин «фразеология» является сугубо стилистическим [Ленец, 2007: 5].

Несмотря на значительное количество зарубежных и отечественных исследований, посвящённых особенностям функционирования в речи французских фразеологических синонимов, а также на наличие французских печатных и электронных фразеологических словарей, данные формы лингвистических единиц остаются наиболее сложными для восприятия студентов, изучающих французский язык.

Цель статьи – выявить сущность фразеологической синонимии и разъяснить различительные оттенки фразеологических единиц разных функциональных стилей на материале фразеологических синонимов французского языка, встречающихся в художественной литературе, публицистике, живой разговорной речи, некоторых фразеологизмов, характерных для литературы более ранних веков, а именно – арготизмов и архаизмов, с которыми неизбежно встречаются преподаватели и студенты в процессе изучения отрывков из французской литературы разных временных периодов.

Материалом исследования послужили данные словарей «Le Petit Robert», «Dictionnaire des expressions et locutions» А. Рея, «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» В. Г. Гака, «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов» Л. П. Кофановой, а также лингвистический корпус «Фразеологические синонимы французского языка» Э. И. Липшицене-Зибуцайте.

В научной литературе фразеологические синонимы французского языка рассматриваются как устойчивые обороты, выражающие в языке одно и то же значение или близкие значения, способные в конкретном акте коммуникации выступать с единым лексическим содержанием, так как семантические и стилистические оттенки, дифференцирующие значения синонимов, могут реализоваться или не реализоваться в речи [Зибуцайте, 1969: 283].

Внутриязыковые фразеологические синонимы соотносятся, как правило, по семантическому значению, по функции в языке и, возможно, по грамматическому оформлению; они различаются, главным образом, по сфере употребления и /или по степени экспрессивности их лексических компонентов [Каїка, Kofanova, 2005: 25].

Оборотам, имеющим стилистические различия, возникающие вследствие принадлежности синонимов к разным функциональным стилям, принято давать

следующую стилистическую характеристику: 1) литературно-разговорные обороты, признанные языковой нормой; 2) нейтральные, имеющие нулевую стилистическую окраску; 3) фамильярные – употребляемые, главным образом, в фамильярно-разговорной речи, но не нарушающие литературную норму языка; 4) просторечные – в той или иной мере нарушающие литературную норму; 5) книжные – употребляемые в книжно-письменных стилях и обычно не используемые в обыденном разговоре; 6) высокого и официально-делового стиля; 7) арготизмы и архаизмы [Липшицене-Зибуцайте, 1971: 4].

Учитывая постоянную эволюцию языка, постоянный переход фразеологических оборотов из одного стиля речи в другой, например, арготические единицы часто переходят в категорию просторечных фразеологизмов, просторечные в фамильярные и т.д., при написании работы использованы данные новейших словарей французского языка – В. Гака, П. Робера, Ларусса, а также данные современных электронных словарей.

Рассмотрим на конкретных примерах из произведений французской художественной литературы особенности употребления фразеологических синонимов, относящихся к разным функциональным стилям. Так, например, фразеологические синонимы *battre la campagne*, *battre le pavé* с общим значением ‘бродить, шататься, слоняться’ относятся к литературно-разговорному стилю. Зачастую подобные обороты трудно отличить от стилистически нейтральных, которые могут быть употреблены как в различных функциональных стилях так и в разговорной речи. Фразеологический синоним данного ряда *battre le pavé* имеет более узкое значение ‘шататься, слоняться без дела по улице’.

La morte-saison arrêtait les affaires; plus de cinq mille employés de commerce, congédiés comme elle, battaient le pavé sans place ‘Мёртвый сезон остановил торговлю; более пяти тысяч работников торговли, уволенных как она, слонялись без дела по улице’ [Золя, 2011: 54].

Bonjour, monsieur Sylvestre Bonnard. Où donc alliez-vous, battant la campagne de votre pied léger, tandis que je vous attendais devant la gare avec mon cabriolet? ‘Здравствуйте, господин Сильвестр Боннар. Где же вы бродили в то время, как я ждала вас у вокзала в своем экипаже?’ [Dictionnaire français-russe des idiomes].

Au beau milieu de, au ceur de ‘в самой середине, на середине’. Оба члена ряда относятся к нейтральному функциональному стилю, совпадают по своим семантическим и стилистическим особенностям, но *au ceur de* обладает несколько большей выразительностью благодаря ослабленной метафоре, содержащейся в этом обороте:

C’était une brave petite ville chaudement tapie au pied des premiers contreforts de la montagne comme au coeur d’un giron avec de vieilles maisons baroques [...]. ‘Это был небольшой хороший городок со старинными домами в стиле барокко, глубоко

скрывавшийся у подножия первых отрогов горного хребта, словно в самой середине недр' [Daix, 1961:451].

Notre cocher n'a eu que le temps de fermer le landau; et nous voilà en plein désert, en pleine montagne, sous un déluge accompagné de grêlons énormes, au beau milieu des coups de foudre qui frappaient les arbres autour de nous 'Наш кучер едва успел закрыть карету. Мы оказались в горах, словно посреди пустыни; кругом бушевал ливень с градом, вокруг нас сверкали молнии, ударявшие в деревья' [Dictionnaire français-russe des idiomes].

Фразеологические синонимы *faire la noce, faire la vie* 'кутить, вести разгульный образ жизни', относятся к фамильярному стилю речи и имеют уничижительную окраску. *Faire la noce* 'вести легкомысленный образ жизни, кутить'. *Faire la vie* 'только о женщине, которая кутит, распутничает, развратничает'.

Colette a fait sa vie. Elle n'a plus besoin de nous. 'Колетта уже прокутила свою жизнь. Она больше в нас не нуждается' [Моруа, 2010: 167].

Ряд фразеологических синонимов *avoir de l'argent plein les poches, avoir du fric plein les poches, être aux as* 'иметь много денег, быть богатым'. *Avoir de l'argent plein les poches* 'иметь много денег, быть при деньгах'. *Avoir du fric plein les poches* имеет то же значение, но является просторечным синонимом ряда. *Etre aux as* (as – античная римская монета) имеет то же значение, принадлежит также к просторечию, является менее употребительным синонимом ряда, которому соответствует русский устаревший эквивалент *иметь туго набитую кошину*:

Je reviendrai te chercher pour dîner...Avec du fric plein les poches ! 'Я вернусь за тобой к ужину... Я буду при деньгах!' [Barbusse, 2006: 238].

Contrairement à Max Jacob, dont la vraie force était la pauvreté, notre Monocolard était plein aux as 'В противоположность Максу Жакобу, сила таланта которого подстегивалась бедностью, у нашего Моноколара была туго набитая кошина' [Сандрар, 1995: 217].

Фразеологические синонимы *faire le panégyrique de qn, porter aux nues qn* относятся к книжно-письменному стилю и имеют общее семантическое значение 'расхваливать, хвалить'. Член ряда *faire le panégyrique de qn* 'произносить панегирики, петь дифирамбы', имеет уничижительно-оценочный оттенок и книжную окраску. *Porter aux nues qn* выражает наибольшую степень интенсивности: 'расхваливать сверх меры', имеет русский эквивалент *превознести до небес*.

Enfin vous n'allez pas me forcer à faire le panégyrique de cet individu tout de même 'И всё-таки, вы не заставите меня петь дифирамбы этому человеку' [Anouil, 1973 : 48].

Tout ce qui hait la tyrannie le porte aux nues; tout ce qui vit de la tyrannie l'exècre et le calomnie. 'Все, кто ненавидит тиранию, превозносят его до небес; все, живущие тиранией, не выносят его и обливают грязью' [Stendhal, 1964: 179].

Faire des réprimandes (remontrances) à qn, chanter pouilles à qn 'отругать, отчитать, пробрать кого-либо'. Синонимы относятся к высокому стилю речи. *Faire des réprimandes (remontrances) à qn* имеет наиболее широкое значение. *Chanter pouilles à qn* употребляется в более возвышенном контекстуальном дискурсе и имеет русский эквивалент *оскорблять кого-либо бранными словами*:

L'orgueil a plus de part que la bonté aux remontrances que nous faisons à ceux qui commettent des fautes. 'В нас больше гордости, чем доброты, когда мы ругаем тех, кто совершает ошибки' [Rey, 2006: 1510].

Ne voyez-vous donc pas qu'elle se rengorge d'aise, quand vous vous chantez pouilles? 'Разве вы не видите, что она вне себя от радости, когда вы бранитесь?' [Роллан, 2012: 137].

Faire montre de qch, se mettre en vue 'выставлять напоказ'. Синонимы являются архаизмами. Члены ряда различаются по смыслу, сочетаемости и стилистической окраске. *Faire montre de qch* 'намеренно выставлять что-либо напоказ, неумеренно восхваляя достоинства'. Указанное значение оборота проявляется только тогда, когда дополнение-существительное сопровождается притяжательным местоимением, в обратном случае означает «показать».

Il était heureux de faire montre de son crédit 'Он был счастлив, намеренно выставляя напоказ свою значимость' [Роллан, 2016: 139].

Se mettre en vue 'выставлять себя напоказ с целью привлечь внимание'. В качестве подлежащего может иметь только одушевлённое существительное. Имеет также архаическую окраску:

A quoi bon se mettre en vue, quand un homme à fortes épaules veut bien endosser toutes les sottises d'un parti 'Зачем выставлять себя напоказ, когда сильный мужчина жаждет взвалить на свои плечи все ошибки партии' [Zola, 2004: 394].

Исходя из вышеизложенных примеров, констатируем, что в речи возможна замена синонимов на основе одинаковой понятийности, но подобная замена представляет собой довольно редкое явление, так как основу синонимии должно составлять уточнение мысли, выявление нюансов значения. Стилистические синонимы не могут взаимозаменяться без нарушения стиля изложения, поскольку стилистические различия всегда реализуются в речи [Гапотченко, 2006: 41]. Фразеологические обороты, различающиеся только по лежащим в их основе образам, взаимозаменяются в одинаковых контекстах. В данном

случае разные образы, лежащие в основе оборотов, позволяют своеобразно выразить одну и ту же мысль, избежать частого повтора одинакового фразеологического оборота, вызывают разные ассоциации и придают контексту особый колорит.

Фразеологические синонимы существенно отличаются от фразеологических вариантов. Вариантами принято считать фразеологизмы, которые полностью совпадают семантически и стилистически, обладают одинаковыми или очень близкими образами и частичной общностью лексического состава.

В некоторых случаях фразеологические обороты, несмотря на близость их лексического значения, не являются синонимами, так как их специфические семантические оттенки не исчезают, а наоборот, регулярно реализуются в процессе употребления в речи. Следовательно, если фразеологические языковые обороты, связанные близким значением, постоянно проявляют в речи свои специфические семантические оттенки, то они не синонимы. Например, фразеологические обороты *mettre la clef sous la porte* и *partir à l'anglaise*, с общим смыслом 'уйти незаметно, потихоньку, не сообщив никому о своем уходе' [Rey, 2003: 597], не являются синонимами, так как специфические семантические оттенки каждого оборота в отдельности (*mettre la clef sous la porte* имеет специфическое значение 'покинуть свой дом на длительное время или навсегда'; *partir à l'anglaise* 'уйти из чужого дома, будучи в гостях или на деловом приёме') постоянно проявляются при употреблении в речи.

Констатируем, что превалирующим признаком большинства устойчивых оборотов является их образность, поэтому при рассмотрении фразеологических синонимов необходимо учитывать, наряду с семантическими и стилистическими отличиями, различия по образности [Глоба, 2017: 149]. Речь идёт о синонимических оборотах, которые совпадают по объёму значения и стилистическим особенностям, но различаются по лежащим в их основе образам и имеют различия экспрессивного порядка, как например, ряд фразеологических синонимов *se porter garant de qch, de qn – donner sa tête à couper – (en) mettre sa main au feu* с общим значением 'ручаться, поручиться'. *Donner sa tête à couper* сравнимо с русским выражением 'дать голову на отсечение', *mettre sa main au feu* сравнимо с 'готов заложить за него правую руку'. Данные два оборота выражают большую степень интенсивности и отличаются большой выразительностью благодаря своим ярким образам, на фоне которых *se porter garant de qch, de qn* 'ручаться, поручиться', лишенный образности, представляется тусклым, нейтральным. На основе приведённого примера можем сделать вывод о том, что различная образность, лежащая в основе фразеологических синонимов одного ряда, вызывает различные представления и ассоциации.

При этом необходимо помнить, что существуют и такие фразеологические синонимы, семантические и стилистические различия которых вытекают из сопоставления образного оборота с оборотом, лишенным образности, как например, члены ряда *se laisser faire – se laisser marcher sur les pieds* с общим значением ‘дать себя обмануть’ [Гак, 2005: 983]. Члены данного ряда различаются только по степени выразительности, а именно: *se laisser marcher sur les pieds* имеет русский эквивалент ‘попасться на удочку’ и обладает большей яркостью и красочностью по сравнению с оборотом *se laisser faire* ‘дать себя обмануть’. В этом случае мы видим, как синонимы одного ряда различаются по степени выразительности: образный оборот обладает большей экспрессивностью по сравнению с необразным оборотом.

Таким образом, сделаем вывод, что тесная связь стилистических параметров фразеологизма с его образным и семантическим планами влечет за собой достаточно редкие расхождения в стилистической характеристике сопоставляемых фразеологических синонимов во французском языке, а также обуславливает строгую закреплённость данного параметра в словарях за определенными сферами употребления. Наиболее богато во французских фразеологических словарях представлены глагольные фразеологические сочетания литературно-разговорного и нейтрального стилей речи, так как во французском языке глагольные обороты чаще всего вступают в синонимические отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Русский язык, 1961. 144 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 278 с.
3. Гапотченко Н. Е. Стилистичний аспект часу у творах сучасних французьких письменників // Проблеми семантики слова, речення та тексту. К.: КНЛУ, 2006. Вип. 16. С. 38-44.
4. Глоба Т. Н. Фразеологические синонимы разговорно-фамильярного стиля в современном французском языке // Донецкие чтения 2017: II междунар. науч. конф. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. Т. 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология. С. 148-150.
5. Зибуцайте Э. И. Проблема фразеологического синонима // Ученые записки Вильнюсского государственного педагогического института. Вильнюс: ВГПИ, 1962. Вып. 4. С. 231-302.
6. Липшицене-Зибуцайте Э. И. Фразеологические синонимы французского языка. Л.: Просвещение, 1971. 296 с.
7. Ленец Е. З. Конвенциональные фразеологизмы с соматизмами в современном французском языке. Гродно: ГрГУ, 2007. 143 с.

СПИСОК ЛЕКSIKOГPAФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гак В. Г., Мурадова Л. А. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Медиа, 2005. 1625 с.

2. Dictionnaire français-russe des idiomes. Доступ: <http://www.dic.academic.ru>. (дата обращения: 26.08.2017).
3. Каїка Н. Е., Кофанова Л. П. Le dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français. Donetsk: SARL «Yugo-Vostok, Ltd», 2005.
4. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. 2003. 1088 p.
5. Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 2006. 2900 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Морюа А. Карьера и другие новеллы. СПб.: КАРО, 2010. 256 с.
2. Сандрап Б. Рассказы. М.: Текст, 1995. 287 с.
3. Роллан П. Кола Брюньон. СПб.: КАРО, 2012. 289 с.
4. Роллан П. Жан-Кристоф. СПб.: КАРО, 2016. 317 с.
5. Золя Э. Дамское счастье. СПб.: КАРО, 2011. 346 с.
6. Anouil J. La Répétition ou l'amour puni. P.: éditions Gallimard, Folio, 1973. 124 p.
7. Barbusse H. Le Feu. P.: éditions Gallimard, Folio. Folioplus classiques, 2006. 435 p.
8. Daix P. La rivière profonde. P.: Rene Juillard, 1961. 512 p.
9. Stendhal. Rome, Naples et Florence. P.: É. Champion, 1964. 450 p.
10. Zola E. La Fortune des Rougon. P.: Librairie Générale Française, 2004. 475 p.

REFERENCES

1. Balli, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).
2. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. M.: Nauka. (In Russ.).
3. Gapotchenko, N. E. (2006). Stylistychnyy aspekt chasu u tvorakh suchasnykh frantsuzkykh pysmennykiv [Stylistic Aspect of Time in the Works of Contemporary French Writers]. In *Problemy semantyky slova, rechennya ta tekstu*. K.: KNLU. Vyp. 16. Pp. 38-44. (In Ukr.).
4. Globa, T. N. (2017). Frazеологические синонимы разговорно-семейного стиля в современном французском языке [Phraseological Synonyms Spoken-Familiar Style in Modern French Language]. In *Donetskie chteniya 2017: II mezhdunar. nauch. konf.* Donetsk: Izd-vo DonNU. T. 4: Filologicheskie nauki. Ch. 1: Inostrannaya filologiya. Pp. 148-150. (In Russ.).
5. Zibutsaite, E. I. (1962). Problema frazeologicheskogo sinonima [The Problem of Phraseological Synonym]. In *Uchenye zapiski Vilnyusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Vilnyus.: VGPI. Vyp. 4. Pp. 231-302. (In Russ.).
6. Lipshitsene-Zibutsaite, E. I. (1971). *Frazeologicheskie sinonimy frantsuzskogo yazyka* [Phraseological Synonyms of the French Language]. L.: Prosveshchenie. (In Russ.).
7. Lenets, E. Z. (2007). *Konventsionalnye frazeologizmy s somatizmami v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Conventional Phraseological Units with Somatism in Modern French]. Grodno: GrGU. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Gak, V. G., Muradova, L. A. (2005). *Novyi bolshoy frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [New large French-Russian phraseological dictionary]. M.: Media. (In Russ.).
2. *Dictionnaire français-russe des idiomes*. Available at: <http://www.dic.academic.ru>. (accessed: 26.08.2017).
3. Каїка, Н. Е., Кофанова, Л. П. (2005). *Le dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français*. Donetsk: SARL «Yugo-Vostok, Ltd».
4. Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions*.
5. Rey, A. (2006). *Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française*. Paris.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Maurois, A. (2010). *Karera i drugie novelly* [Career and other stories]. SPb.: KARO. (In Russ.).
2. Cendrars, B. (1995). *Rasskazy* [Stories]. M.: Tekst. (In Russ.).
3. Rolland, R. (2012). *Kola Bryunon* [Colas Breugnon]. SPb.: KARO. (In Russ.).
4. Rolland, R. (2016). *Zhan-Kristof* [Jean-Christophe]. SPb.: KARO. (In Russ.).
5. Zola, E. (2011). *Damskoe schaste* [Happiness for Women]. SPb.: KARO. (In Russ.).
6. Anouil, J. (1973). *La Répétition ou l'amour puni*. P.: éditions Gallimard, Folio.
7. Barbusse, H. (2006). *Le Feu*. P.: éditions Gallimard, Folio. Folioplus classiques.
8. Daix, P. (1961). *La rivière profonde*. P.: Rene Juillard.
9. Stendhal. (1964). *Rome, Naples et Florence*. P.: É. Champion.
10. Zola, E. (2004). *La Fortune des Rougon*. P.: Librairie Générale Française.

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: tat-globa@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of the Romance Philology (e-mail: tat-globa@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 января 2018 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373.237

© 2018 В. Д. Калиущенко,
Е. В. Поляруш

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается семантика наименований лиц мужского и женского пола по профессии на материале немецкого, английского и русского языков. Устанавливается, что наименования лиц по профессии в немецком, английском и русском языках обладают как изоморфными, так и алломорфными особенностями.

Ключевые слова: семантика, номинация, профессия, мужской род, женский род.

© 2018 V. D. Kaliuščenko,
E. V. Poliarush

SEMANTICS OF THE NAMES OF PEOPLE BY PROFESSION IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN

The paper deals with semantics of the names of male and female persons by profession based on the German, English and Russian languages. The authors come to the conclusion that the names of people by profession in German, English and Russian are characterized by both isomorphic and allomorphic features.

Key words: semantics, naming, profession, masculine gender, feminine gender.

1. Вводные замечания. В данной работе рассматриваются наименования лиц мужского (НМ) и женского (НЖ) пола по профессии на материале немецкого, английского и русского языков, напр.: нем. *der Arzt* ‘врач’ – *die Ärztin* ‘врач-женщина’, англ. *mediator* ‘посредник’ – *mediatrix* ‘посредница’, рус. *актер* – *актриса*.

Актуальность работы заключается в ее сопоставительном подходе, который позволяет не только осуществить описание НМ и НЖ по профессии в отдельных языках, но и выявить изоморфные (общие) и алломорфные (индивидуальные) особенности НМ и НЖ во всех трёх языках.

Объектом исследования являются имена существительные – наименования мужчин и женщин по профессии в трёх представленных языках.

Цель работы заключается в структурно-семантической классификации НМ и НЖ по профессии в вышеуказанных языках.

Основной материал работы был получен из специальных исследований и лексикографических источников, а также из классификаторов профессий. Количество единиц выборки составило 750 наименований лиц (НЛ) в немецком, английском и

русском языках. В немецком языке количество НМ составило 165 единиц, НЖ – 151 единицу. В английском языке выборка НМ составила 166 единиц, НЖ – 41 единицу. В русском языке количество НМ составило 164 единицы, НЖ – 63 единицы.

2. Профессия как объект изучения терминологии в немецком, английском и русском языках

2.1. Согласно толковому словарю современного русского языка Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000] под профессией понимают род трудовой активности человека, владеющего комплексом теоретических знаний и навыков, приобретённых в ходе специальной подготовки. В немецком языке толковый словарь «Duden» [Duden, 2002] даёт также ещё одно значение слова «Beruf» ‘профессия’, которое имеет возвышенное значение призвания человека. Более того, в английском языке «Cambridge Dictionary» [Cambridge Dictionary, 2013] профессией «profession» называет оплачиваемый род деятельности, навыки которого приобретаются в специализированном учебном заведении. В современном обществе под профессией понимают такое занятие человека, которое требует специальной подготовки, обучения, практикуется человеком регулярно и служит источником средств к существованию [Иванова, 2006]. Таким образом, данные определения термина во всех трёх языках содержат неоднозначное понимание термина «профессия» в разных лингвокультурах.

2.2. В отличие от профессии следует разграничивать такие понятия, как «специальность» и «должность». Специальность – это конкретный вид деятельности в рамках какой-либо профессии. Например, к профессии «врач» относятся такие специальности, как терапевт, хирург, окулист, педиатр и ещё несколько десятков конкретных профилей деятельности. Должность – это конкретный трудовой пост в организации. Таким образом, профессия, специальность, должность – это разные понятия; обычно в рамках одной профессии можно приобрести несколько специальностей, также возможно занять разные должности. В «Международном стандарте классификации профессий» описаны 9333 профессий, в то же время среднестатистический человек может назвать только 3-5% профессий от общего количества.

2.3. Для выведения более точной формулы и обзора схемы карты мира профессий Е. А. Климов привёл классификацию профессий, которая разделяется на 4 яруса, в свою очередь делящиеся на подгруппы [Климов, 2004]:

1) первый ярус составляют пять типов профессий по признаку различий их объектных систем (человек–живая природа (Ч–П); человек–техника (Ч–Т); человек–человек (Ч–Ч); человек–знаковая система (Ч–З); человек–художественный образ (Ч–Х));

2) на втором ярусе в пределах каждого типа профессий выделяются три класса по

признаку целей труда (гностические профессии (Г); преобразующие профессии (П); изыскательские профессии (И));

3) на третьем ярусе каждый из предыдущих трех классов профессий разделяется на четыре отдела по признаку основных орудий (средств) труда (профессии ручного труда (Р); профессии машинно-ручного труда (М); профессии, связанные с применением автоматических и автоматизированных систем (А); профессии, связанные с преобладанием функциональных средств труда (Ф));

4) на четвертом ярусе в каждом из четырех отделов профессий выделяются четыре группы профессий по признаку условий труда (У) (работа в помещении с нормальным микроклиматом (М); работа на открытом воздухе (О); работа в необычных условиях (Н); работа в условиях повышенной ответственности (М)).

Данная классификация послужила опорой для разграничения профессий, однако в данной работе не задействована.

3. «Мужское» и «женское» в языковой системе номинации лиц. В последние десятилетия в языкознании уделяется все большее внимание проблеме наименования лица, а также связанными с ней вопросами изучения средств и методов обозначения предметов и явлений окружающей действительности. Проблеме наименования посвящено множество научных исследовательских работ, в которых подробно анализируются различные аспекты данного процесса, а также рассматривается специфика акта номинации отдельных групп языковых единиц.

Названия профессий в современных немецком, английском, русском и украинском языках характеризуются морфологическим типом мотивированности, т.е. их мотивирующими признаками выступают компоненты слова, которые раскрывают его значение (лексическая мотивированность), а также структурные сегменты, содержащие категориальную информацию о лексеме (структурная мотивированность) [Маслова-Лашанская, 1973].

Проблематика изучения НЛ имеет двойственную природу: лингвистическую и гендерную. Лингвистическая сторона вопроса рассматривается как совокупность внутриязыковых свойств, влияющих на количественную и качественную представленность в языке группы номинации лица. Гендерная сторона вопроса связана, прежде всего, с теми социокультурными факторами, которые базируются на биологическом показателе, оказывающего влияние на появление и употребление наименования лица в речи. Таким образом, гендерный аспект изучения наименования лица является важным с точки зрения обучения межкультурной коммуникации. Изучение

гендерного аспекта методов наименования лица непосредственно относится к сфере компетенции гендерного языкознания, в частности, к тому его направлению, которое занимается исследованием номинативной системы изучаемого языка с целью выявления существующих или существовавших в нем гендерных стереотипов [Спендер, 2001].

НЛ относится к тем лексическим слоям, в обновлении которых решающую роль исполняют внешние факторы, такие как социально-культурные изменения, развитие производственных отношений, политико-идеологические воздействия и научно-технический прогресс. Изменения качественного и количественного наполнения номинативной системы детерминированы социальными факторами. Попытка изменить английскую номинативную систему, осуществляется феминистической критикой языка, в большей степени, представляет собой намеренное вмешательство в язык с целью преодоления гендерной асимметрии, существующей в данном языковом сообществе.

Современная парадигма теоретической лингвистики опирается на антропоцентрический подход, задачей которого является всестороннее изучение проблемы «человека в языке». Наиболее ценной характеристикой человека является его социокультурная или гендерная принадлежность, напрямую зависящая от его пола и отражается в языке. Гендерный подход в языкознании продолжает идеологию антропоцентризма и позволяет полностью брать в расчет человеческий фактор в языке [Апресян, 1995] благодаря внедрению смежных дисциплин (биологии, антропологии, философии, психологии, социологии, и т.д.), данные которых необходимо учитывать при изучении языковых явлений.

Проблемы различий и взаимоотношений между мужчиной и женщиной существовали всегда и везде, кроме этого они были предметом множества научных исследований в работах социологов, философов, лингвистов, психологов и этнографов. Проблематика разграничения пола уходит своими корнями далеко в античный период и связана с такими именами, как Платон и Аристотель, уже позднее Ж. Ж. Руссо представил различные нормы поведения в обществе для обоих полов, Э. Кант выделил свойственные для мужского и женского пола способности и характеристики, которые связаны с их жизненным предназначением [Бёрн, 2004]. Среди социологов, посвятивших свои научные труды данной проблематике, широко известны имена И. Гоффмана и Т. Парсона. В сфере деятельности психологии гендерной проблематикой занимались Э. Игли, З. Фрейд, М. Мид, С. Бем, С. Кросс, Э. Маккоби и другие, в российской психологии – Т. В. Бендас, И. С. Кон, В. Е. Каган, и др. Гендерные исследования также широко ведутся в языкознании зарубежными и российскими учеными: О. Л. Каменской, Р. Лакофф, М. Р. Кей, Д. Кэмерон,

А. В. Кирилиной, Е. И. Горошко, А. Г. Фоминым, И. И. Халеевой, Е. В. Луганской, Е. А. Здравомысловой, А. М. Холод, И. В. Зыковой.

На сегодняшний день существует большое количество фактов подтверждения того, что женщина и мужчина по-разному представлены в системе многих мировых и, в частности, в системе представленных в данной работе языков. Дискриминация по половому признаку может быть выражена в системе национального языка, а также в его индивидуальных речевых практиках. Влиять на языковые различия в речи мужчин и женщин могут общественные процессы, примером которых служит японский язык. Об этом свидетельствует тот факт, что в раннем Средневековье статус женщины в Японии был выше и соответственно различий между мужской и женской речью было меньше. По данным большого количества исследований, максимальные различия между речью мужчины и женщины приходятся на возрастную категорию от 50 до 60 лет, т. е. на тот период, когда японские мужчины обычно поднимаются на самый верх по социальной лестнице. Когда же они перестают работать и уходят на заслуженный отдых, речевые различия несколько сглаживаются [Алпатов, 1980].

Вторичное начало и подчиненность женского пола отражаются и в словарном составе языка, в его номинативной системе, в частности, в системе личных наименований. Очевидным является то, что номинативной единицей при этом выступает мужчина, который всегда обладал главной социально значимой ролью. Здесь можно упомянуть отражение в языке стереотипных представлений о понятиях «маскулинность» и «фемининность», а также доминирование патриархатного строя социального образа жизни и положение женщины в обществе, демонстрируемые на материале анализа средств и способов наименования лица русского и английского языков [Николаева, 2010].

Таким образом, все сказанное выше очерчивает круг проблем, стоящий уже несколько десятилетий перед лингвистами – наименования лиц по половому признаку в сфере профессиональной деятельности. Мужчина и женщина обладают равными правами в государстве, однако в обществе и, в частности, в языке женщина продолжает оставаться «неравной» мужчине. В английском языке в большинстве НЛ существует тенденция добавлять вспомогательное нейтральное слово «person», давая возможность избежать вообще упоминания гендерного пола человека. В русском языке в официально-деловой речи предпочтение отдается НМ, даже если по данной профессии работает женщина, добавляется только фамилия ее обладательницы. Однако, в немецком языке наблюдается совершенно иная картина – большинство профессий, даже такие, которые ранее и сейчас

считаются чисто «мужскими», обладают НЖ. Данный процесс в научной литературе получил название «феминизация языка».

4. Сравнительная семантика наименований лиц по профессии в немецком, английском и русском языках. В результате проведенного исследования среди семантики НМ и НЖ в немецком, английском и русском языках было установлено следующее:

1) всего 22 НП имеют оба рода в немецком, английском и русском языках, напр.: нем. *der Kellner, die Kellnerin* – англ. *waiter, waitress* – рус. *официант, официантка*; нем. *der Schriftsteller, die Schriftstellerin* – англ. *author, authoress* – рус. *писатель, писательница*; нем. *der Masseur, die Masseurin* – англ. *masseur, masseuse* – рус. *массажист, массажистка* и др.;

2) у 14 НП в немецком, английском и русском языках нет формы женского рода, напр.: нем. *der Image-Berater* – англ. *image-maker* – рус. *имиджмейкер*; нем. *der Warensachverständige* – англ. *goods manager* – рус. *товаровед*; нем. *der Absatzforscher* – англ. *marketing manager* – рус. *маркетолог* и др.;

3) у 28 НП в английском языке отсутствуют НЖ, в то время как в остальных представленных языках существуют оба рода, напр.: нем. *der Journalist, die Journalistin* – англ. *journalist* – рус. *журналист, журналистка*; нем. *der Gärtner, die Gärtnerin* – англ. *gardener* – рус. *садовник, садовница* и др.;

4) такие чисто «женские» НП как нем. *die Waschfrau* – англ. *washerwoman* – рус. *прачка*, нем. *die Zimmerfrau* – англ. *maid* – рус. *горничная*, нем. *die Näherin* – англ. *seamstress* – рус. *швея*, нем. *die Ausnäherin* – англ. *needle-woman* – рус. *вышивальщица* не имеют мужских соответствий ни в одном из трёх языков. Но такая профессия как *die* нем. *Ballettänzerin* – англ. *ballerina* – рус. *балерина* не имеет производного мужского рода в английском и русском языках. Для НМ в русском языке используют описательное словосочетание *танцор балета*, а в английском *ballet dancer*, но в немецком он *der Ballettänzer*. Более того, такая профессия, как нем. *der Handpfleger, die Handpflegerin* – англ. *manicurist* – рус. *мастер маникюра* в английском и русском языках не имеют аналогичного НЖ. В английском языке также имеет тенденцию употребление данной профессии таким наименованием, как *nail artist*;

5) кроме того, такая «женская» профессия как нем. *die Schreibkraft* – англ. *woman typist* – рус. *машинистка* имеет производное НМ только в английском языке – *typist*. В русском языке «машинистом» называют механика, управляющего машиной, в немецком языке данная профессия представлена безличной величиной «пишущая сила». У такого НП, как нем. *der Dressman, das Mannequin* – англ. *mannequin* – рус. *манекенищик*,

манекенищица оба рода присутствуют только в русском языке. В немецком языке функцию женского эквивалента выполняет средний род;

6) у 82 НП в английском и русском языках нет формы женского рода, в то время, как в немецком она присутствует, *напр.*: нем. *der Politiker, die Politikerin* – англ. *politician* – рус. *политик*; нем. *der Taucher, die Taucherin* – англ. *diver* – рус. *водолаз*; нем. *der Archäologe, die Archäologin* – англ. *archeologist* – рус. *археолог* и др.;

7) такие 21 сугубо «мужских» НП как *электрик, кузнец, металлург, токарь, сапер, телохранитель и др.* в английском и русском языках не имеют НЖ. Но в немецком языке эти же профессии имеют женские формы, *напр.*: нем. *der Metallurg, die Metallurgin* – англ. *metallurgist* – рус. *металлург*; нем. *der Pionier, die Pionierin* – англ. *sapper* – рус. *сапёр*; нем. *der Dachdecker, die Dachdeckerin* – англ. *roofer* – рус. *кровельщик* и др.;

8) новые НП (т.е. профессии, которые возникли в результате появления информационных и интернет технологий) не имеют женского рода в английском и русском языках, в то время, как в немецком данная НЖ имеет место. *Напр.*: нем. *der Händler, die Händlerin* – англ. *trader* – рус. *трейдер*; нем. *der IT-Systemelektroniker, die IT-Systemelektronikerin* – англ. *IT system technician* – рус. *IT-специалист*; нем. *der Headhunter, die Headhunterin* – англ. *headhunter* – рус. *хедхантер* и др. Примечательно то, что такие НП имеют английские корни и транслитерируются в русском языке, а не переводятся. Данная тенденция широко используется в отельном бизнесе.

9) профессия *священнослужителя* во всех представленных языках не имеет НЖ. Поскольку в христианской религии, как и в большинстве религий, женщина не имеет права быть священнослужителем: нем. *der Priester* – англ. *prist* – рус. *священнослужитель*.

10) такая профессия, как *кастеляниша* имеет различные временные рамки. В то время, как женская форма профессии в настоящее время означает «заведующую бельём в больнице, гостинице и т.д.», *кастелян* являлся и является смотрителем замка. В средневековой Европе данной профессией заведовали в основном мужчины. В английском языке в данной профессии НЖ не представлено: нем. *der Kastellan, die Kastellanin* – англ. *castellan* – рус. *кастелян, кастеляниша*.

4. Выводы. В результате проведенного исследования изученного материала и последующего семантического анализа, были сделаны следующие выводы:

1. Профессия и в немецком, и в английском, и русском языках имеет одинаковое значение рода деятельности человека, который служит источником средств к существованию. В английском языке подразумевается, что данная сфера деятельности приобретается только в специализированном учебном заведении, а в немецком вторым

значением также выделяют возвышенное значение «призвания». Профессию следует отличать от специальности и должности, а также серьезно подходить к ее выбору, затем постоянно совершенствоваться и практиковать свое мастерство.

2. По Е. А. Климову, существует четырёхъязырусная классификация профессий для более точного определения данного термина и облегченного выбора сферы деятельности.

3. Проблема взаимоотношений мужчин и женщин, существовавшая на протяжении столетий, нашла отражение и в языковой системе номинации лица. Основным критерием изучения наименований лиц в работе является гендерная принадлежность лица к биологическому полу. Как показал анализ литературы по данной проблеме, существенное влияние на номинацию лица оказывают внешние факторы, такие, как социально-культурные изменения, политико-идеологическое воздействие, развитие производственных отношений и научно-технический прогресс, а также различные социальные течения, такие, как феминистическое движение, борьба за равноправие и др. Мнение о существовании мужских и женских языков, высказываемое рядом ученых, представляется недостаточно обоснованным. Можно согласиться с теми авторами, которые выделяют разговорные стили, употребляемые только мужчинами и только женщинами, использование определенной лексики лицами того или иного пола.

4. В немецком языке большинство профессий имеют и женский, и мужской род, в то время, как в английском и русском языках наблюдается совершенно иная тенденция. В русском языке предпочтение отдается наименованию лиц обоих полов при помощи НМ, в частности, в официально-деловом стиле. В английском языке большинство профессий имеет только мужской род и предпочтение отдается нейтральному «person».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М., Крючкова Т. Б. О мужском и женском вариантах современного японского языка // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1980. № 3. С. 58-68.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1995. № 1. С. 37-67.
3. Бёрн Ш. М. Гендерная психология. The Social Psychology of Gender. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 320 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
5. Иванова Е. М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. М.: ПЕР СЭ, 2006. 208 с.
6. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 304 с.
7. Маслова-Лашанская С. С. О процессе наименования // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти Коолат, 1973. Вып. XVIII. С. 130-135.
8. Николаева И. Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ, 2010. № 3. С. 93-97.
9. Спендер Д. Гендерная проблематика в языкознании: Введение в гендерные

исследования: в 2 ч. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2: Хрестоматия. 991 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2013. 1844 p.
2. Der Duden: in 12 Bänden. Dudenverlag, 2002. Bd 10: Das Bedeutungswörterbuch. 1103 s.

REFERENCES

1. Alpatov, V. M., Kryuchkova, T. B. (1980). O muzhskom i zhenskom variantakh sovremennogo yaponskogo yazyka [About the men's and women's version of the modern Japanese]. In *Voprosy Yazukoznaniya*. Moskva: Nauka. No 3. Pp. 58-68. (In Russ.).
2. Apresyan, Y. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The man's image according to the language: an attempt of system description]. In *Voprosy Yazukoznaniya*. Moskva: Nauka. No 1. Pp. 37-67. (In Russ.).
3. Burn, S. M. (2004). *Gendernaya psikhologiya* [The Social Psychology of Gender]. St. Petersburg: Praym-Evroznak. (In Russ.).
4. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatelnyy* [The new dictionary of Russian language. The explanatory word-formation dictionary] Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).
5. Ivanova, E. M. (2006). *Osnovy psikhologicheskogo izucheniya professionalnoy deyatel'nosti* [Principals of the psychological study of the professional activity]. Moskva: PER SE. (In Russ.).
6. Klimov, E. A. (2004). *Psikhologiya professionalnogo samoopredeleniya* [Psychology of the professional identity]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
7. Maslova-Lashanskaya, S. S. (1973). O protsesse naimenovaniya [About the naming process]. In *Skandinavskiy sbornik*. Tallinn: Eesti Koolat. Vyp. XVIII. Pp. 130-135. (In Russ.).
8. Nikolaeva, I. Y. (2010). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola po professii, dolzhnosti v gendernom aspekte* [The names of female persons by profession, position in gender aspect]. In *Vestnik MGOU. Seriya "Russkay philologiya"*. Moskva: MGOU. No 3. Pp. 93-97. (In Russ.).
9. Spender, D. (2001). *Gendernaya problematika v yazukoynanii: Vvedenie v gendernye issledovaniya* [The gender issues in linguistics: Introduction to Gender Studies]: v 2 ch. Kharkov: KhTsGI, St. Petersburg: Aleteyya. Ch. 2: Khrestomatiya. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2013.
2. Der Duden in 12 Bänden. Dudenverlag, 2002. Bd 10: Das Bedeutungswörterbuch.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: vlaimirkaliuscenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Germanic Philology (e-mail: vlaimirkaliuscenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поляруш Екатерина Валериевна – магистр кафедры германской филологии (e-mail: poliarush320@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», 283001, Донецк, Университетская, 24

Poliarush Ekaterina V. – Master of the Department of the Germanic Philology (e-mail: poliarush320@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 января 2018 г.

УДК: 811.133.1'373.7

© 2018 Е. К. Крамаренко

ГИПЕРБОЛИЗИРУЮЩИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная работа посвящена изучению английских и испанских гиперболизирующих фразеологических единиц с опорным компонентом-соматизмом. Основное внимание уделяется анализу компонентом-соматизмов в составе вышеупомянутых фразеологизмов и выявлению степени их продуктивности в формировании языковых единиц в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, гипербола, соматизм, семантика.

© 2018 Ye. K. Kramarenko

HYPERBOLIC PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SOMATISM COMPONENT IN ENGLISH AND SPANISH

This paper focuses on the study of English and Spanish hyperbolizing phraseological units with a supporting somatic component. The main attention is paid to the analysis of somatic components in the above-mentioned phraseological units and to the identification of the degree of their productivity in the formation of the linguistic units in the compared languages.

Key words: a phraselological unit, hyperbole somatism, semantics.

1. Вводные замечания. Данная работа посвящена рассмотрению гиперболизирующих фразеологических единиц с опорным компонентом-соматизмом, или соматических гиперболизирующих фразеологических единиц (далее СГФЕ) в английском и испанском языках.

Примерами таких единиц могут служить англ. *from the bottom of one's heart* 'от чистого сердца', букв. 'из глубины чьего-л. сердца', исп. *con el corazón en los labios* букв. 'с сердцем на губах'; англ. *to be all ears*, исп. *ser todo oídos* 'превратиться в слух, слушать с напряженным вниманием', букв. 'быть целиком ушами'; англ. *in a twinkling of an eye*, исп. *en un abrir y cerrar de ojos* 'в мгновение ока', букв. 'открыв и закрыв глаза'.

Объектом настоящего исследования выступают разнообразные по семантике СГФЕ в английском и испанском языках, а **предметом** семантические особенности вышеупомянутых языковых единиц в сопоставляемых языках.

Основная **цель** исследования состоит в выявлении опорных компонентом-соматизмов, входящих в состав СГФЕ, анализе их семантики и определении степени их продуктивности в формировании данных единиц.

Материал исследования составляют 609 СГФЕ (198 СГФЕ – в английском языке и 411 СГФЕ – в испанском языке), полученные методом сплошной выборки из

современных одноязычных и двуязычных фразеологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок английского и испанского языков [Кунин, 1984; Испанско-русский фразеологический словарь, 1985; Vuitrago, 2007; Cambridge International Dictionary of Idioms, 1998].

Актуальность данной работы обусловлена важной ролью, которую играют соматизмы, принадлежащие к базовому фонду любого языка и служащие основой для создания новых языковых единиц, в том числе и фразеологизмов. Существенным также является тот факт, что СГФЕ с семантикой гиперболизации остаются малоизученными в сопоставительном аспекте.

2. Соматизмы и гипербола во фразеологии. Термин «соматизм» в настоящем исследовании рассматривается с традиционной точки зрения и трактуется как лексема, обозначающая часть тела или внутренний орган человека [Зими́на, 2007: 10].

Традиционно соматизмы подразделяют на два типа. Первый тип составляют соматизмы внешней сферы человека, то есть те части тела, которые являются видимыми (голова, рука, нога и т.п.). Второй тип образуют соматизмы внутренней сферы человека, то есть внутренние органы (сердце, печень, мозг и т.п.) Значение большинства фразеологизмов с компонентом-соматизмом обуславливается семантикой самого соматического компонента, который, в свою очередь, является стержнем фразеологического образа и обладает определённым символическим значением [Синельников, Мамадалиева, 1999: 110].

Под гиперболой в современном литературоведении и языкознании понимают фигуру речи, которая состоит в заведомом преувеличении, что в свою очередь усиливает выразительность высказываемого и придает ему эмфатический характер [Ахманова, 1969: 99].

Таким образом, под исследуемыми единицами понимают фразеологизмы, в состав которых входит компонент-соматизм, с одной стороны, и, с другой стороны, в семантике которых прослеживается заведомое преувеличение или преуменьшение признака предмета, явления или действия, актуального для говорящего, т.е. языковое выражение которых представляет собой намеренное искажение реальности.

Впервые феномены гиперболизации, как процесса мышления, которое сопровождает создание и восприятие гиперболического наименования, и гиперболы как результата данного процесса [Курахтанова, 1978] становятся объектом пристального внимания еще ученых Древней Греции (Аристотель, Деметрий и др.) [Античные теории языка и стиля, 1936: 187, 226].

В современной лингвистической науке исследование различных аспектов языковой гиперболы вообще, и фразеологической гиперболы в частности, проводится как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте. Так, стилистический прием гиперболы, а также его языковая природа и функциональные характеристики становятся предметом исследования в работе И. С. Курахтановой [Курахтанова, 1978]. Исследование С. А. Тихомирова посвящено изучению синтагматических, структурных и семантических особенностей гиперболы как средства выражения категории градуальности в современном русском языке [Тихомиров, 2006]. В работе Л. П. Крысина рассматриваются особенности функционирования гиперболы в русской разговорной речи на различных уровнях (фонетическом, фразеологическом, морфологическом и синтаксическом) [Крысин, 1988]. Исследование С. Н. Сыроваткина посвящено изучению гиперболы в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах на материале русского языка [Сыроваткин, 1977]. М. Т. Султанова изучает особенности гиперболы в английском языке как средства реализации категории интенсивности на материале постмодернистской литературы [Султанова, 2007]. В работе О. В. Федосовой также исследуется феномен разговорной гиперболы и ее истоки, но уже на материале пиренейского варианта испанского языка [Федосова, 2009].

Фразеологическая гипербола как объект исследования впервые упоминается в статье А. В. Кунина, в которой автор определяет важное место гиперболы в сфере английской фразеологии и настаивает на перспективности изучения данного феномена, в силу многогранности, сложности и неэлементарности явления гиперболизации и способности СГФЕ высветить этнокультурную специфику английского лингвосообщества [Кунин, 1989]. Мнение А. В. Кунина находит свое дальнейшее развитие в работе М. И. Черновой, в которой проводится сопоставительный анализ структурно-грамматических и лексико-семантических особенностей фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках [Чернова, 2008].

Это является закономерным, потому что изучаемые единицы обладают богатейшими возможностями для выражения эмоционального отношения человека к окружающей действительности и являются интересным объектом исследования, потому что будучи объединенными преувеличением или преуменьшением отдельных элементов окружающей действительности, они формируют яркие культурно-маркированные образы.

Кроме того, являясь образной интерпретацией фрагментов действительности, исследуемые единицы становятся выразительным средством эмоционального воздействия и приобретают, как правило, яркую и неординарную эмотивность и оценочность [Чернова, 2008:10].

3. СГФЕ в английском и испанском языках

3.1. Общее количество соматизмов в составе СГФЕ сопоставляемых языков составило 55, из которых 34 являются общими для сопоставляемых языков, 7 характерны только для английского языка и 14 – только для испанского языка. Следует отметить, что значительный количественный перевес испанских СГФЕ и соматизмов в их составе обусловлен рядом факторов. Во-первых, в составе испанских СГФЕ можно выделить соматизмы, которые реализуются с помощью ряда синонимичных лексем: волос(ы) (*cabello*, *pelo*), голова (*cabeza*, *coco*), живот (*barriga*, *tripa*, *vientre*), ухо (*oído*, *oreja*). Например, *cortar un cabello (un pelo) en el aire* ‘схватывать все на лету’, букв. ‘разрезать волос в воздухе’ или *sacar el vientre (la barriga, la tripa) de mal año* ‘наестся до отвала’, букв. ‘достать живот (брюхо) плохого года’. Данные синонимические группы могут выступать в составе СГФЕ в качестве полных синонимов и быть взаимозаменяемыми, но, в подавляющем большинстве случаев, каждая из вышеперечисленных лексем характерна для определенной единицы. Например, о человеке, лишенном музыкального слуха, которому «медведь на ухо наступил» испанцы скажут *duro de oído* букв. ‘твердый ухом’ или иронично *buena oreja* букв. ‘хорошее ухо’. Во-вторых, испанцы тяготеют к тому, чтобы называть не просто часть тела, а фрагмент от этой части. Так, в английских СГФЕ отсутствуют такие соматизмы, как ‘губа’, ‘лоб’, ‘запястье’, ‘ладонь’, ‘пупок’, ‘лодыжка / щиколотка’, которые в испанском языке нередко приспособляются для обозначения соответствующей «внешней» части тела или части тела в целом (губа – рот, лоб – голова, запястье, ладонь – рука, пупок – живот, лодыжка / щиколотка – нога). К примеру, *coserse los labios* ‘молчать как рыба’, букв. ‘зашить губы’ – *coserse la boca* букв. ‘зашить рот’, *conocer como a las palmas de sus manos* ‘знать как свои пять пальцев’, букв. ‘знать как ладони на своих руках’ – *conocer como a sus manos* букв. ‘знать как свои ладони’, *perder los tobillos* ‘удирать со всех ног’, букв. ‘терять лодыжки, щиколотки’ – *salvarse por piernas* букв. ‘спасаться ногами’. И, в-третьих, тенденция к гиперболизации является свойством испанского народного коллективного сознания и часто включает в себе смеховое начало, восходящее к карнавальным традициям народной испанской культуры, которая сохраняется и сегодня в различных формах, таких как народная площадная культура, карнавальные празднества и малые жанры устного народного творчества. Именно юмор и ирония, являющиеся характерными чертами народного испанского самосознания, и на которые в разные времена указывали разные исследователи разговорной испанской речи [Beinhauer, 1973; Criado de Val M., 1962], находят свое отражение в стремлении к гиперболизации [Федосова, 2009: 81].

3.2. С другой стороны, для английского языка характерно употребление двух различных лексем для обозначения пальца руки (*finger*) и пальца ноги (*toe*), в то время как в испанском языке для обозначения данных частей тела используется единая лексема *dedo*. Например, англ. *from top to toe* ‘с головы до пят’, букв. ‘от верхушки до пальцев ног’, англ. *can (could) be counted on the fingers of one hand* ‘по пальцам можно пересчитать’, букв. ‘можно (можно было бы) пересчитать на пальцах одной руки’, исп. *poderse contar con los dedos de la mano* букв. ‘можно пересчитать на пальцах руки’. Помимо этого, для обоих языков характерна приверженность к «рентгеноскопии» [Городецкая, 2007: 12] и употреблению слов, обозначающих различные детали скелета человека (в английском языке – кость, позвоночник, скелет; в испанском языке – ребро; в обоих языках – челюсть, костный мозг). К примеру, англ. *to the marrow of one's bones*, исп. *hasta la médula de los huesos* ‘до глубины души’, букв. ‘до мозга костей’.

3.3. Выделенные в составе СГФЕ соматизмы были условно разделены на два типа: соматизмы, относящиеся к внешней сфере и обозначающие внешние физические формы организма человека, и соматизмы, относящиеся к внутренней сфере и называющие внутренние органы и элементы сердечнососудистой, нервной и других систем человеческого организма (см. п. 2).

3.4. Все соматизмы были разделены на три ранга, от большего к меньшему, в зависимости от количества СГФЕ, образованных с их помощью. Первый ранг насчитывает от 44 до 20 СГФЕ, второй – от 19 до 10 СГФЕ и третий – от 9 до 1 СГФЕ.

Таблица 1. Классификация соматизмов в составе испанских СГФЕ первого ранга

Соматизм	Кол-во СГФЕ (%)	Пример
1. Нога (стопа, ступня)	44 (21,6)	<i>armado de pies a cabeza</i> ‘вооруженный до зубов’, букв. ‘вооруженный с ног до головы’
2. Рука (кисть)	40 (19,6)	<i>de una mano a otra</i> ‘вмиг, в два счета’, букв. ‘с одной руки на другую’
3. Рот	28 (13,7)	<i>andar boca abajo</i> ‘идти через пень колоду’, букв. ‘идти ртом вниз’
4. Глаз	25 (12,2)	<i>¡ni por un ojo de la cara!</i> ‘ни за какие блага!’, букв. ‘ни за глаз на лице’
5. Ухо	25 (12,2)	<i>asombrar la oreja</i> ‘откуда ни возьмись’, букв. ‘удивить ухо’
6. Волос(ы)	22 (10,8)	<i>no verle el pelo a uno</i> ‘как в воду кануть’, букв. ‘не видеть чьего-л. волоса’
7. Голова	20 (9,9)	<i>como mi cabeza</i> ‘большущий, здоровенный’, букв. ‘как моя голова’
Всего	204 (100)	

3.5. В испанском языке в первый ранг входят всего 7 соматизмов (см. табл. 1) и наибольшее количество СГФЕ с этими соматизмами. Многочисленность данной группы обусловлена характером соматизмов, входящих в ее состав – все они относятся к соматизмам внешней сферы и, с одной стороны, являются функционально очевидными для человека, так как номинируют наружные органы человеческого тела и их составные части – верхние или нижние конечности. С другой стороны, данные соматизмы являются базовыми органами чувств и инструментами передачи и получения информации из внешнего мира. Кроме того, наибольшее количество фразеологизмов с данными компонентами объясняется не только частотностью употребления этих лексем, но и тем, что в фольклорных традициях испанского народа с ними связано множество символов, которые могут обозначать как определенные понятия и состояния, так и выражать конкретные позитивные или негативные эмоции [Городецкая, 2007: 12-13]. Следует отметить, что в английском языке данный ранг СГФЕ отсутствует. Далее будут рассмотрены СГФЕ с двумя наиболее продуктивными соматизмами каждого из трех рангов в сопоставляемых языках.

3.5.1. Соматизм ‘нога (стопа, ступня)’ представлен в количестве 44 СГФЕ (21,6%) и реализует в основном свое прямое значение и обозначает «орудие» передвижения человека. Он также передает различные оттенки, производные от главного на основе переноса: *нога* – опора, средство передвижения, *нога* – способ передвижения [Городецкая, 2007: 15-16]. Например, *perder pie* ‘почувствовать, что почва уходит из-под ног’, букв. ‘потерять ногу’; *faltarle a uno los pies* ‘валиться с ног’, букв. ‘не хватать ног кому-л.’; *no poner uno los pies en el suelo* ‘бежать со всех ног’, букв. ‘не ставить ногу на землю’. Данный компонент также может употребляться в значении способа действия (*pie con bola* ‘тютелька в тютельку’, букв. ‘нога с мячом’; *eso está escrito con los pies* ‘как курица лапой нацарапала’, букв. ‘это написано ногами’) или давать качественную характеристику человеку или предмету (*ser el mismo pie de Judas* ‘быть сущим дьяволенком (о ребенке)’, букв. ‘быть самой ногой Иуды’; *más antiguo que el andar a pie* ‘старо как мир’, букв. ‘старше, чем ходить пешком (дословно – ходить ногой)’).

3.5.2. Соматизм ‘рука (кисть)’ количественно представлен 40 СГФЕ (19,6%) и воспринимается испанцами как первичный и в то же время универсальный орган труда [Городецкая, 2007: 13]. Например, *dormirsele a uno las manos* ‘еле шевелить руками’, букв. ‘у кого-л. спят руки’; *con sus manos lavadas (limpias)* ‘не ударив палец о палец’, букв. ‘с помытыми (чистыми) руками’. Как и вышеуказанный соматизм, данный компонент может использоваться для обозначения образа действия (*sin levantar la mano*

‘не покладая рук’, букв. ‘не подымая руки’) или для описания внешности (*como las manos de un carbonero* ‘руки как у трубочиста’, букв. ‘как руки угольщика’), характера (*estar dejado de la mano de Dios* ‘не иметь ни стыда, ни совести’, букв. ‘быть оставленным рукой Бога’) или эмоционального состояния (*echarse las manos a la cabeza* ‘прийти в ужас’, букв. ‘схватиться руками за голову’) человека.

Таблица 2. *Классификация соматизмов в составе английских и испанских СГФЕ второго ранга*

Английский язык		Испанский язык	
Соматизм	Кол-во СГФЕ (%)	Соматизм	Кол-во СГФЕ (%)
1. Глаз	15 (17,6)	1. Кровь	16 (16,1)
2. Голова	14 (16,5)	2. Сердце	15 (15,1)
3. Нога (стопа, ступня)	12 (14,1)	3. Ноготь	13 (13,1)
4. Рука (кисть)	12 (14,1)	4. Зуб	12 (12,2)
5. Сердце	12 (14,1)	5. Палец	12 (12,2)
6. Нос	10 (11,8)	6. Тело	11 (11,1)
7. Ухо	10 (11,8)	7. Нос	10 (10,1)
		8. Язык	10 (10,1)
Всего	85 (100)	Всего	99 (100)

3.6. Второй ранг соматизмов представлен компонентами как внешней, так и внутренней сфер человека, из которых общим для сопоставляемых языков является соматизм ‘сердце’, 6 характерны только для английского языка, 7 – только для испанского языка (см. табл. 2). Данный ранг занимает среднюю позицию по числу представленных в нем СГФЕ и соматизмов. В силу того, что испанские СГФЕ отмечены гораздо более высокой продуктивностью и количественно превышают английские СГФЕ в два раза (см. п. 3.1.), большинство соматизмов первого ранга, представленные в испанских СГФЕ, «сместились» и перешли во второй ранг соматизмов в составе СГФЕ английского языка. Так, в состав английских СГФЕ второго ранга входят такие компоненты, как ‘глаз’, ‘голова’, ‘нога (стопа, ступня)’, ‘нос’, ‘рука (кисть)’, ‘ухо’, что подтверждает тот факт, что представители двух различных лингвокультур, английской и испанской, воспринимают, в большинстве случаев, одинаково окружающую действительность и считают вышеуказанные компоненты базовыми органами движения, зрительного, ольфакторного, вкусового и тактильного восприятия информации, а также инструментами передачи разнообразных эмоций и чувств. Наиболее продуктивными компонентами английских СГФЕ являются соматизмы ‘глаз’ и ‘голова’.

3.6.1. Соматизм ‘глаз’ представлен в количестве 15 английских СГФЕ (17,6%) и актуализирует сему ‘получение достоверной информации’, являясь базовым органом

зрительного восприятия. Так, человеку свойственно глядеть во все глаза (*to be all eyes* букв. 'быть целиком глазами') или таращить глаза от удивления или неожиданности (*to give smb the eye* 'пялить глаза на кого-л. (от восхищения)', букв. 'дать кому-л. глаз'), или когда он с интересом наблюдает за чем-либо (*to have one's eyes glued on smth* 'глаз не спускать с чего-л.', букв. 'чьи-л. глаза приклеились на чем-л.'). Иногда данный соматизм мыслится как часть человека, как его способность воспринимать или не воспринимать окружающую действительность, как свойство человеческой природы в целом [Городецкая, 2007: 15]. Например, характеризуя крайне наблюдательного и проницательного человека англичане могут сказать *to have eyes at the back of one's head* букв. 'иметь глаза на затылке' или *to have eyes like a hawk* букв. 'иметь глаза как у ястреба'. И, наоборот, если кто-то не отличается особой наблюдательностью – *if you had half an eye* 'если бы вы не были совершенно слепы', букв. 'если бы у вас не было половины глаза'. Кроме того, глаза являются важнейшим инструментом передачи разнообразных эмоций, чувств и переживаний человека, как положительных, так и отрицательных. К примеру, они могут метать молнии, когда кто-то недоволен или рассержен (*one's eyes shoot fire* букв. 'чьи-л. глаза стреляют огнем').

3.6.2. Соматизм 'голова' количественно представлен 14 английскими СГФЕ (16,5%) и представляет собой физическоеместилище знаний, мыслей и идей человека, управляя мышлением и рассудком, поэтому, в первую очередь, свидетельствует о наличии или отсутствии у человека рассудительности или ума [Аверина, 2013: 12] (*to have a head like a sieve* 'иметь голову, как решето', *soft (tweak) in the head* 'мозги набекрень', букв. 'мягкий (слабый) на голову'). Помимо этого, он может актуализировать сему 'жизнь', так как является жизненно важным органом [там же]: *to cost smb his (her) head* 'стоять кому-л. его (ее) головы'. Данный компонент также может употребляться в значении способа действия: *head first (foremost)* 'стремительно, во весь опор', букв. 'голова вперед'; *one's head off* 'сколько влезет, напрапалую', букв. 'без головы'.

3.6.3. Соматизм 'сердце' (12 английских СГФЕ (6%) и 15 испанских СГФЕ (3,6%)), являющийся общим для сопоставляемых языков и наиболее продуктивным компонентом данного ранга в составе испанских СГФЕ, в большинстве случаев используется для передачи разнообразных оттенков эмоций и чувств, как позитивных (исп. *llevar el corazón en la mano* 'душа нараспашку', букв. 'нести сердце в руке', англ. *to wear one's heart upon one's sleeve* букв. 'носить сердце на рукаве'; исп. *con todo el corazón* 'от чистого сердца, от всей души', букв. 'со всем сердцем', англ. *with all one's heart and soul* букв. 'от всего сердца и души'), так и негативных (исп. *tener el corazón en la garganta* 'сердце

обрывается’, букв. ‘иметь сердце в горле’, англ. *to make smb’s heart bleed* ‘заставить сердце кровью обливаться’).

Таблица 3. *Классификация соматизмов в составе английских и испанских СГФЕ третьего ранга*

Английский язык		Испанский язык	
Соматизм	Кол-во СГФЕ (%)	Соматизм	Кол-во СГФЕ (%)
1. Кровь	9 (7)	1. Лицо	9 (8)
2. Палец (руки)	8 (7,1)	2. Рука (от плеча до кисти)	9 (8)
3. Язык	8 (7,1)	3. Нога (по всей длине)	7 (6,2)
4. Волос(ы)	7 (6,2)	4. Внутренности, кишки	6 (5,3)
5. Кость	7 (6,2)	5. Слюна	6 (5,3)
6. Зуб	6 (5,3)	6. Живот	5 (4,4)
7. Кожа	6 (5,3)	7. Кожа	5 (4,4)
8. Внутренности, кишки	6 (5,3)	8. Локоть	5 (4,4)
9. Спина	6 (5,3)	9. Печень	5 (4,4)
10. Шея	6 (5,3)	10. Плоть	5 (4,4)
11. Лицо	4 (3,5)	11. Почка	5 (4,4)
12. Нога (по всей длине)	4 (3,5)	12. Шея	4 (3,5)
13. Мозг	4 (3,5)	13. Борода, подбородок	3 (2,6)
14. Рот	3 (2,6)	14. Губа	3 (2,6)
15. Рука (кисть)	3 (2,6)	15. Желчь	3 (2,6)
16. Тело	3 (2,6)	16. Ладонь	3 (2,6)
17. Большой палец (руки)	2 (1,7)	17. Легкое	3 (2,6)
18. Костный мозг	2 (1,7)	18. Пятка	3 (2,6)
19. Локоть	2 (1,7)	19. Слеза	3 (2,6)
20. Нерв	2 (1,7)	20. Спина	3 (2,6)
21. Пятка	2 (1,7)	21. Лоб	2 (1,7)
22. Бровь	1 (0,8)	22. Лодыжка, щиколотка	2 (1,7)
23. Колено	1 (0,8)	23. Нерв	2 (1,7)
24. Легкое	1 (0,8)	24. Пот	2 (1,7)
25. Ноготь	1 (0,8)	25. Пупок	2 (1,7)
26. Палец (ноги)	1 (0,8)	26. Ресница	2 (1,7)
27. Подбородок	1 (0,8)	27. Бровь	1 (0,8)
28. Позвоночник	1 (0,8)	28. Запястье	1 (0,8)
29. Плечо	1 (0,8)	29. Костный мозг	1 (0,8)
30. Плоть	1 (0,8)	30. Плечо	1 (0,8)
31. Ресница	1 (0,8)	31. Ребро	1 (0,8)
32. Скелет	1 (0,8)	32. Челюсть	1 (0,8)
33. Челюсть	1 (0,8)		
Всего	112 (100)	Всего	113 (100)

3.7. В третий ранг соматизмов входят 33 соматизма в английском языке и 32 – в испанском языке (см. табл. 3). В большинстве случаев соматизмы соотносятся с внутренней сферой человека. Общими для сопоставляемых языков являются 17 соматизмов, 17 характерны только для английского языка, 15 – только для испанского языка.

3.7.1. Для обоих сопоставляемых языков характерно употребление соматизмов, которые называют 1) внутренний орган (внутренности, кишки, легкое, нерв): англ. *to scream at the top of one's lungs* 'кричать во все горло', букв. 'кричать на вершине чьих-л. легких'; исп. *a pulmón lleno* 'во всю глотку, во всю мочь', букв. 'в полное легкое'; 2) часть туловища (плечо, спина, шея): англ. *with one's shoulder to the collar* 'в напряженном труде', букв. 'с плечом у воротника'; исп. *apretar el hombro* 'трудиться не покладая рук', букв. 'прижимать плечо'; 3) верхнюю или нижнюю конечность и ее часть (локоть, (нога (по всей длине), пятка): англ. *up to one's the elbows*, исп. *hasta el codo* 'по горло, по уши', букв. 'по локти (локоть)'; 4) часть лица (подбородок): англ. *up to the chin* 'по горло, по уши', букв. 'до подбородка'; исп. *en las mismas barbas* 'под самым носом', букв. 'под самыми подбородками'; 5) волосяной покров (бровь, ресница); 6) кость и ее часть (челюсть, костный мозг); 7) кожу или плоть человека.

3.7.2. Интересен тот факт, что среди соматизмов, характерных только для испанского языка, можно выделить компоненты, называющие различные внутренние органы (печень, почка) и части / элементы различных систем человеческого организма: нервной (нерв), выделительной (слеза, пот), пищеварительной (желчь, слюна). Например, исп. *moler los hígados* 'сидеть в печенках', букв. 'измельчать печенки'; исп. *llorar con lágrimas de sangre* 'плакать кровавыми слезами', исп. *parece que está pegado con saliva* 'держаться на честном слове', букв. 'кажется, что что-л. приклеено слюной'. Подобная детализация несвойственна для представителей английского лингвосообщества, и может объясняться присущей англичанам сдержанностью и, в некоторых случаях, чопорностью, а также стремлением неукоснительно следовать правилам и нормам этикета и поведения в обществе.

4. Выводы

4.1. Общее количество соматизмов в составе английских и испанских СГФЕ составляет 55 компонентов, 34 из которых являются общими для сопоставляемых языков, 7 характерны только для английского языка и 7 – для испанского языка.

4.2. Факторами, обуславливающими значительный численный перевес испанских СГФЕ, являются наличие синонимичных лексем, тенденция называть часть от части тела и стремление к преувеличению, являющееся неотъемлемой частью испанского народного коллективного сознания и берущее свои истоки из карнавальных традиций народной испанской культуры.

4.3. Система рангов, исходя из количества СГФЕ в сопоставляемых языках, образованных с помощью определенного соматического компонента, включает три ранга (первый ранг – 44-20 СГФЕ, второй ранг – 19-10 СГФЕ, третий ранг – 9-1 СГФЕ).

4.4. Первый ранг представлен 7 соматизмами в составе только испанских СГФЕ (см. табл. 1) и является наиболее количественно представленным по числу попадающих в него СГФЕ и наименее – по числу соматизмов. Многочисленность данной группы обусловлена характером соматизмов, входящих в ее состав.

4.5. Второй ранг соматизмов представлен компонентами как внешней, так и внутренней сфер человека, из которых общим для сопоставляемых языков является соматизм ‘сердце’, 6 характерны только для английского языка, 7 – только для испанского языка (см. табл. 2).

4.6. Большинство соматизмов первого ранга, представленные в испанских СГФЕ, «сместились» и перешли во второй ранг соматизмов в составе СГФЕ английского языка.

4.7. Высокая продуктивность ряда соматизмов в сопоставляемых языках (‘глаз’, ‘голова’, ‘нога (стопа, ступня)’, ‘нос’, ‘рука (кисть)’, ‘ухо’) говорит о сходных чертах, присущих представителям английской и испанской лингвокультур.

4.8. Третий ранг соматизмов в составе английских и испанских СГФЕ является наиболее количественно представленным по числу компонентов и насчитывает 33 соматизма в английском языке, и 32 – в испанском языке (см. табл. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина М. А. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). С. 11-13.
2. Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936. 344 с.
3. Городецкая И. Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2007. 22 с.
4. Зими́на Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2007. 22 с.
5. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1988. С. 95-111.
6. Кунин А. В. Гипербола в сфере английской фразеологии. О фразеологической гиперболе // Английская фразеология в функциональном аспекте. М., 1989. Вып. 336. С. 349-350.
7. Курахтанова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1978. 24 с.
8. Синельников Ю. Г., Мамадалиева Т. У. Сниженная лексика в языке дикторов французского радио // Вопросы романо-германского языкознания. 1999. Вып. 13. С. 108-114.

9. Султанова М. Т. Гипербола как средство реализации категории интенсивности в постмодернистской литературе // Культура народов Причерноморья. 2007. № 110. Т. 2. С. 199-202.

10. Сыроваткин С. Н. Явление гиперболизации в плане функциональной лингвосомиотики // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. Калинин, 1977. С. 106-129.

11. Тихомиров С. А. Гипербола в градуальном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2006. 21 с.

12. Федосова О. В. Гипербола в разговорном стиле и речи (на материале пиренейского варианта испанского языка) // Вестник РУДН. Серия. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 2. С. 78-86.

13. Чернова М. С. Фразеологические единицы, построенные на гиперболе, в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 19 с.

14. Beinhauer W. El humorismo en el español hablado. Madrid: Gredos, S.A., 1973. 268 p.

15. Criado de Val M. La fisonomía del idioma español. Madrid: Aguilar, 1962. 254 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 605 с.

2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-ое изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

3. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. 1080 с.

4. Buitrago A. J. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 2007. 989 p.

5. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998. 504 p.

REFERENCES

1. Averina, M. A. (2013). Somatism kak komponent frazeologicheskoy edinitsey russkogo i angliyskogo yazykov [Somatism as a component of the phraseological unit of Russian and English]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota. No 6 (73). Pp. 11-13. (In Russ.).

2. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style]. Moskva, 1936. (In Russ.).

3. Gorodetskaya, I. E. (2007). *Frazeologizmy-somatizmy v russkom i frantsuzskom yazykakh* [Somatic phraseological units in Russian and French]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Pyatigorsk. (In Russ.).

4. Zimina, L. I. (2007). *Natsionalnaya spetsifika frazeologicheskoy semantiki (na materiale frazeologizmov s naimenovaniyami chastey litsa v nemetskom i russkom yazykakh)* [National specificity of phraseological semantics (on the material of phraseological units with the names of parts of the person in German and Russian)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russ.).

5. Krysin, L. P. (1988). Giperbola v russkoy razgovornoy rechi [Hyperbole in the Russian colloquial speech]. In *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moskva: Nauka. Pp. 95-111. (In Russ.).

6. Kunin, A. B. (1989). Giperbola v sfere angliyskoy frazeologii. O frazeologicheskoy giperbole [Hyperbole in the field of English phraseology. On the phraseological hyperbole] In *Angliyskaya frazeologiya v funktsionalnom aspekte*. Moskva. No 336. Pp. 349-350. (In Russ.).

7. Kurakhtanova, I. S. (1978). *Yazykovaya priroda i funktsionalnaya kharakteristika stilisticheskogo priema giperboly* [Linguistic nature and functional characteristic of the stylistic device of hyperbole]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
8. Sinelnikov, Yu. G., Mamadalieva, T. U. (1999). Snizhennaya leksika v yazyke diktorov frantsuzskogo radio [Reduced vocabulary in the language of the French radio broadcasters]. In *Voprosy romano-germanskogo yazykoznaniiya*. Vol. 13. Pp. 108-114. (In Russ.).
9. Sultanova, M. T. (2007). Giperbola kak sredstvo realizatsii kategorii intensivnosti v postmodernistskoy literature [Hyperbole as a means of implementing the intensity category in postmodern literature]. In *Kultura narodov Prichernomorya*. No 110. Vol. 2. Pp. 199-202. (In Russ.).
10. Syrovatkin, S. N. (1977). Yavlenie giperbolizatsiy v plane funktsionalnoy lingvosemiotiki [The phenomenon of hyperbolization in terms of functional linguistic semiotics]. In *Voprosy leksikologii, stilistiki i grammatiki v aspekte obshchego yazykoznaniiya*. Kalinin. Pp. 106-129. (In Russ.).
11. Tikhomirov, S. A. (2006). *Giperbola v gradualnom aspekte* [Hyperbole in the gradient aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
12. Fedosova, O. V. (2009). Giperbola v razgovornom stile i rechi (na materiale pireneiskogo varianta ispanskogo yazyka) [Hyperbole in colloquial style and speech (on the material of the Pyrenean variety of the Spanish language)]. In *Vestnik RUDN. Seriya. Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. No 2. Pp. 78-86. (In Russ.).
13. Chernova, M. S. (2008). *Frazeologicheskie edinitsy, postroennyye na giperbole, v angliyskom i russkom yazykakh* [Phraseological units based on hyperbole in English and Russian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).
14. Beinhauer, W. (1973). *El humorismo en el español hablado*. Madrid: Gredos.
15. Criado de Val, M. (1962). *La fisonomía del idioma español*. Madrid: Aguilar.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
2. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [English-Russian phraseological dictionary] / M. D. Litvinova (eds). Moskva: Rus. yaz.
3. *Ispansko-russkiy frazeologicheskiy slovar: 30000 frazeologicheskikh edinits* [Spanish-Russian phraseological dictionary: 30,000 phraseological units] / pod red. E. I. Levintovoi (eds). Moskva: Rus. yaz., 1985.
4. Buitrago, A. J. (2007). *Diccionario de dichos y frases hechas*. Madrid: Espasa-Calpe, S.A.
5. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge University Press, 1998.

Крамаренко Елизавета Константиновна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: herinspiration@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kramarenko Yelyzaveta K. – Postgraduate Student the Department of the Germanic Philology (e-mail: herinspiration@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.

НАИМЕНОВАНИЯ МУЖА И ЖЕНЫ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций в образовании английских, немецких, русских и украинских субстандартных наименований мужа и жены. Детально проанализированы такие виды семантической деривации, как метафорический и метонимический переносы, выявлены их основные типы и определена степень их продуктивности.

Ключевые слова: метафора, метонимия, сравнение, сращения, субстандартная лексика.

NAMES OF HUSBAND AND WIFE IN SUBSTANDARD LEXIS: COMPARATIVE ASPECT

The article deals with the most conspicuous trends in the formation of the English, German Russian and Ukrainian substandard nominations of husband and wife. Such key types of semantic derivation as metaphoric and metonymic transference have been thoroughly analyzed, their basic types and degree of their productivity have been determined.

Key words: metaphor, metonymy, comparison, fusion, substandard lexis.

1. Введение

Семья является важнейшим звеном в обществе и выполняет репродуктивную функцию не только в плане продолжения физического рода, но и в плане сохранения традиций, обычаев, обрядов и ритуалов народа, отражающих его языковую картину мира. В каждой культуре наименования лиц по родственным отношениям (НЛРО) относятся к лексике, которая исторически, генетически и культурно является одной из самых древних. Установление родственных отношений шло параллельно с формированием и развитием общества.

Среди НЛРО особое место занимают названия субъектов брачных отношений, а именно: мужа и жены.

Настоящая статья посвящена изучению проблем номинации мужа и жены в субстандартной лексике английского, немецкого, русского и украинского языков. Исследуется семантика имен существительных типа англ. *sparring partner* (букв. спарринг партнер) 'муж / жена'; нем. *Gans* (букв. гусыня) 'глупая жена'; русск. *сладкий* разг. 'муж'; укр. *солдафон* 'властный муж'. Изучением проблематики НЛРО занимались многие лингвисты, в частности Ш. Р. Басыров [Басыров, 2012], О. В. Близнюк [Близнюк, 2005], В. Д. Калиущенко [Kaliuščenko, 2013], М. М. Лютянская [Лютянская, 2009],

Л. Б. Николаева [Nikolayeva, 2014], однако данный пласт лексики не был предметом специального исследования в английском, немецком, русском и украинском субстандартном языках, что обуславливает **актуальность** предлагаемой работы.

Объектом исследования служат лексические единицы (ЛЕ), номинирующие *мужа* и *жену* в английской, немецкой, русской и украинской лексике, а **предметом** – семантические особенности их субстандартной номинации в названных германских и славянских языках.

Целью настоящего исследования является выявление общего и отличительного в номинации мужа / жены в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.

Материалом исследования послужила сплошная выборка ЛЕ со значениями ‘*муж*’ и ‘*жена*’ из словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков (англ. – 162 ЛЕ; нем. – 116 ЛЕ; русск. – 139 ЛЕ; укр. – 96 ЛЕ). Для семантического анализа отбирались лексемы, которые реализуют свои значения независимо от контекста, т.е. в материал исследования не включались фразеологически связанные значения.

За единицу семантического и количественного анализа взято слово в одном значении, которое обозначает мужа / жену.

Отметим, что во всех сопоставляемых языках наименования жены количественно преобладают над номинациями мужа, ср:

наименования жены: англ. – 125 ед.; нем. – 68 ед.; русск. – 42 ед.; укр. – 64 ед.

наименования мужа: англ. – 34 ед.; нем. – 45 ед.; русск. – 21 ед.; укр. – 32 ед.;

Добавим также, что в русском и английском языках зафиксированы ЛЕ, которые используются как для номинации жены, так и мужа (русск. – 76 ед., англ. – 3 ед.), ср.: англ. *candy* (букв. ‘леденец / конфета’) ‘муж / жена’, *sugar* (букв. ‘сахар’) ‘муж / жена’; русск. *солнце* ‘муж / жена’, *золотце* ‘муж / жена’, *котенок* ‘муж / жена’. Напротив, в украинском и немецком подобных субстандартных ЛЕ не обнаружено.

2. Метафорические номинации мужа и жены

Вопросы лексико-семантического словообразования до сих пор не нашли своего полного освящения, хотя в последнее время в лингвистике появился ряд исследований, посвященных образованию новых ЛЕ путем семантической деривации [Варламова, 2006; Калугина, 2012; Катермина, 2004; Мурашова, 2015]. Лексико-семантическое словообразование в языке связано, в частности, с образованием новых

лексических единиц путем метафорических и метонимических переносов с одного понятия на другое.

Метафора представляет собой неиссякаемый источник пополнения словарного состава языка. Благодаря ей возникают как новые словарные единицы, так и синонимы к уже существующим единицам основного словарного фонда.

Существует много определений метафоры, однако в данном исследовании применяется следующая дефиниция: «Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Апресян, 1966: 296].

Анализ метафорических номинаций мужа и жены в сопоставляемых субстандартных языках свидетельствует, во-первых, об определенных количественных расхождениях лексем, репрезентирующих мужа и жену в каждом из них, ср.:

‘жена’: англ. – 43 ед.; нем. – 78 ед.; русск. – 74 ед.; укр. – 36 ед.;

‘муж’: англ. – 24 ед.; нем. – 19 ед.; русск. – 52 ед.; укр. – 23 ед..

Аналогичная картина наблюдается и в сфере метонимических наименований мужа и жены в субстандартной лексике анализируемых языков. Хотя здесь диспропорция жена-муж выражена в меньшей степени, ср.:

‘жена’: англ. – 13 ЛЕ; нем. – 28 ЛЕ; русск. – 18 ЛЕ; укр. – 7 ЛЕ;

‘муж’: англ. – 9 ЛЕ; нем. – 10 ЛЕ; русск. – 18 ЛЕ; укр. – 6 ЛЕ.

Рассмотрим основные типы метафорических переносов у субстандартных номинатом «муж» (СНМ) и «жена» (СНЖ) в сопоставляемых языках:

2.1. СНМ и СНЖ зоонимного типа. Самыми продуктивными в английском, немецком, русском и украинском языках являются метафоры, построенные на переносе свойств животного на мужа или жену. С помощью зооморфизмов дается оценка различных внешних и внутренних свойств партнеров в браке, а именно:

а) **внешности**, ср.: англ. *cow* (букв. ‘корова’) ‘некрасивая, толстая, неряшливая жена’), нем. *Hausgorilla* (букв. ‘домашняя горилла’) перен. разг. ‘толстая жена’, русск. *жаба* – перен. разг. ‘некрасивая жена’, укр. *жаба* перен. разг. ‘некрасивая жена’;

б) **личных качества / характера**, ср.: англ. *gander* (букв. ‘гусак’) перен. разг. ‘муж, которым полностью управляет жена’; нем. *Godzilla* (букв. ‘годзилла’) перен. разг. ‘властная жена’, русск. *тигрица* перен. разг. ‘сварливая жена’, укр. *змія*. перен. разг. ‘сварливая жена’,

в) **интеллекта**, ср.: англ. *monkey* (букв. 'обезьяна') перен. разг. 'глупая жена', нем. *Gans* (букв. 'гусыня') перен. разг. 'глупая жена', русск. *курица* перен. разг. 'глупая жена', укр. *курка* перен. разг. 'глупая жена'.

г) **поведения**, ср.: англ. *adult / full-grown wolf / old wolf* (букв. 'старый волк') перен. разг. 'гулящий муж'; русск. *кобель* перен. разг. 'гулящий муж', русск. *волчара* груб. 'гулящий муж'; укр. *кобель / кабель / кобиль / кобель* вульг. 'гулящий муж', *коза* груб. 'жена, которая изменяет своему мужу'.

Во всех сопоставляемых языках отмечены, с одной стороны, СНЖ, обозначающие доминирующую роль в браке, ср.:

– англ. *grey (gray) mare* (восходит к пословице *the grey mare is the better horse* 'в парной упряжке верховодит кобыла', т.е. жена управляет мужем). Приведем контекстное употребление этой СНЖ:

'Rob has a grey mare in his stable at home.' *'A grey mare?'* said I. *'The wife, man – the wife, – an awful wife she is'* [Scott, 2012: ch. XXVI] '– Роб в своей домашней конюшне держит чересчур норовистую лошадку. – Лошадку? – спросил я. – Жену, приятель, жену. Чудовищная женщина!';

– нем. *Godzilla* (букв. 'годзилла') перен. разг. 'полная и властная жена, которая притесняет своего мужа и командует своим мужем':

'Jungs, ich kann heute nicht mitkommen auf Sauf-Tour... sonst gibt's wieder Ärger mit Godzilla!' [WDU]. 'Ребята, я не могу прийти с вами сегодня на Sauf-Tour ... а то снова будут проблемы с моей Годзиллой!';

– русск. *змея / змеюка* груб. 'властная / сварливая жена':

'Заела меня, моя змеюка. Жизни никакой нет. Вот и бутылку от нее в поленнице спрятал' [Тюрин, 2017];

– укр. *змія* груб. 'властная сварливая жена'.

Как видно из выше приведенных примеров, в немецком и русском языках в основе метафоры лежит образ животного или рептилии, для которых характерны своенравный нрав и агрессивное поведение.

Также отмечен зоонимный образ глупой жены, ср.: англ. *monkey* (букв. 'обезьяна') перен. разг. 'глупая жена', нем. *Ziecke* (букв. 'молодая коза') перен. разг. 'глупая жена', русск. *курица* перен. разг. 'глупая жена', укр. *курка* перен. разг. 'глупая жена'. Глупость курицы и козы в данном случае сравнивается с глупостью жены. Следует также отметить, что в английском языке в отличие от русского и украинского зоонимный образ обезьяны

(*monkey*) используется для номинации интеллекта жены, а в русском и украинском – для оценки внешности, ср.: русск. *обезьяна* перен. разг. ‘некрасивая жена’, аналогично укр. *обезьяна* перен. разг. ‘некрасивая жена’.

С другой стороны, в английском, немецком, русском и украинском языках зафиксирован зоонимный образ мужа, которым полностью управляет женщина, ср.: нем. *Haushammel* (букв. ‘домашний баран’) перен. разг. ‘муж, который берет на себя все заботы по дому’; англ. *tup* (букв. ‘баран’) груб. ‘муж-подкаблучник’; русск. *баран* перен. разг. ‘муж-подкаблучник’; укр. *баран* перен. разг. ‘муж-подкаблучник’. Сходные зоонимные образы используются в сопоставляемых языках и для номинации мужа, которому изменяет жена, ср.: англ. *moose* (букв. ‘лось’) перен. разг. ‘обманутый муж’, нем. *Elch* (букв. ‘лось’) перен. разг. ‘обманутый муж’, русск. *олень* перен. разг. ‘обманутый муж’, укр. *олень* перен. разг. ‘обманутый муж’.

2.2. СНМ и СНЖ артефактного типа. В основе метафор данного типа лежит перенос различных предметов на мужа и жену, а именно:

а) **предметов быта**, ср.: англ. *alarm clock* (букв. ‘будильник’) ‘сварливая жена’; нем. *Waschlappen* (букв. ‘тряпка, мочалка’) ‘муж-подкаблучник’; русск. *кастрюля* ‘сварливая жена’; укр. *тряпка* ‘муж-подкаблучник’;

б) **музыкальных инструментов**, ср.; нем. *Trompete* (букв. ‘труба’) ‘сварливая жена’;

в) **транспортных средств**, ср.: укр. *паровозик* ‘ворчливый муж’;

г) **игрушек**, например, русск. *пупсик* ‘муж’, укр. *лялечка* ‘жена’) на мужа или жену.

Так, в английском, немецком, русском и украинском языках жены, ограничивающие свободу мужчины, ассоциируются в языковом сознании мужчин с такими предметами:

а) **металлическими предметами**: англ. *ball-and-chain* (букв. ‘ядро на цепи / чугунный шар на цепи, прикованный к ноге каторжника’);

б) **инструментами**: нем. *Beißzange* (букв. ‘клещи, кусачки’);

в) **приборами**: англ. *handbrake* (букв. ‘ручной тормоз’);

г) **приборами для вливания**: русск. *прищепка / присоска*; укр. *клізма*;

д) **ношей / багажом**: нем. *Geräsk* (букв. ‘багаж, ноша’), в основе данного СНЖ лежит идея «тяжести», «груза», «остановки движения».

Набор таких артефактов свидетельствует о конкретном (рациональном) мышлении мужчин, так как с этими предметами они имеют дело в семейной и повседневной жизни.

В немецком и русском языках зафиксированы СНЖ, которые ассоциируются у мужей с идеями «тепла», «мягкости», «уютя», «предметов быта», ср.: англ. *pillow-mate* (букв. ‘подушка’) / *lawful blanket* (букв. ‘шерстяное одеяло’), русск. *одеяло / грелка*.

В английском языке оценки внешнего вида жены формируются на основе функциональных качеств артефакта. Так, функциональная непригодность транспортного средства из-за длительной эксплуатации метафорически ассоциируется с пожилым возрастом и непривлекательным внешним видом жены, ср.: англ. *old boot* (букв. 'старая лодка') груб. 'стареющая непривлекательная женщина'; а в украинском и немецких языках негативная оценка связывается с шумом работающего транспортного средства, ср.: нем. *Dampfer* букв. ('пароход; паровое судно') 'сварливая жена'; укр. *паровозик* 'ворчливый муж').

В английском и русском языках отмечены СНЖ, построенные на одновременном использовании метафорического и метонимического переносов, а именно: метонимический перенос наименования предмета одежды / аксессуара → наименование человек, а также сравнение внешнего вида предмета быта с внешними качествами жены. Так, полная жена, с одной стороны, метонимически ассоциируется у мужа с ее хозяйственной сумкой, наполненной продуктами питания, а с другой стороны, метафорически сравнивается с формами и весом жены, ср.: англ. *fat bag* букв. 'жирная / полная сумка' груб. 'некрасивая / полная жена', русск. *авоська перен. разг.* 'некрасивая / полная жена'.

В русской субкультуре отмечен и другой предмет домашнего хозяйства (*кастрюля*), который вызывает у мужчин метонимические ассоциации с женой.

В немецком, русском и украинском языках обнаружены СНМ, обозначающие мужчину, в том числе и мужа, полностью подвластного жене. При этом муж сравнивается с тряпкой, ср.: нем. *Waschlappen* (букв. 'махровая тряпка, которая используется в качестве мочалки), русск. *тряпка*; укр. *тряпка*. Данные СНМ имеют явную пейоративную оценку. Мягкость характера мужа, его податливость и аморфность ассоциируется у жены с бесформенностью тряпки, как инструмента в руках жены, предмета быта, которым она пользуется ежедневно в домашнем хозяйстве. С другой стороны, в русском и английском языках обнаружены СНМ с позитивной оценкой, обозначающие мужа как защитника от любых жизненных ненастий, ср.: русск. *зонтик*; англ. *umbrella* (букв. 'зонтик').

Итак, анализ СНМ и СНЖ артефактного типа позволил выделить следующие свойства предметов, которые используются в качестве номинативно-мотивирующих признаков при метафорических переносах:

а) **звучание** (музыкальных инструментов / предметов быта – голос сварливой, постоянно ругающейся и недовольной жены), ср.: англ. *old saw* (букв. 'старая пила'), нем. *Trompete* (букв. 'труба');

б) **срок службы**, ср.: англ. *old blade* (букв. 'старое лезвие') разг. 'старая ворчливая жена';

в) **функционирование** транспортных средств и их деталей, ср.: англ. *handbrake* (букв. 'ручной тормоз') разг. 'жена, которая мешает мужу хорошо проводить время', нем. *Dampfer* букв. ('пароход; паровое судно') 'сварливая жена'; укр. *паровозик* 'ворчливый муж');

г) **назначение** инструментов / предметов в домашнем хозяйстве, ср.: англ. *mat* (букв. 'половик / коврик у двери, для вытирания ног'); нем. *Hausbesen* (букв. 'домашний веник') разг. 'невыносимая жена', нем. *Spülmittel* (букв. 'моющее средство') 'муж, который моет посуду'; русск. *швабра/щетка* 'жена'. В данных примерах также присутствует элементы метонимического переноса.

2.3. СНМ и СНЖ социального типа. В основу наименований данных языковых единиц положено сходство контролирующих (управляющих) функций государственных учреждений / должностных лиц (руководителей) / титулованных особ и функций мужа и / или жены в семье, ср.: англ. *boss-lady/boss-woman* (букв. 'леди-босс') 'властная жена', *gaffer* 'бригадир / руководитель; лицо, ответственное за других' (букв. 'надзиратель') 'муж'; нем. *Vorgesetzte* (букв. 'начальница') 'властная жена', *Zahlmeister* 'казначей' 'муж'; русск. *таможня* 'властная жена', *хозяин* 'муж'; укр. *цариця* 'властная жена', *солдафон* 'властный муж'.

Образ мужа, как главы семьи, добытчика, который берет на себя функцию экономического благополучия и удовлетворения материальных потребностей семьи, представлен следующими метафорами: англ. *gaffer* (букв. 'бригадир; лицо, ответственное за других'); нем. *Zahlmeister* (букв. 'казначей, начальник финансовой части'); русск. *хозяин*.

В субстандарте исследуемых языков идея доминирования жены в семье, стремление женщины быть главной, управлять мужчиной, находит свое отражение в метафорах, в основе которых лежит:

а) перенос функции учреждения / ведомства на функцию жены в семье, ср.: англ. *war department* (букв. 'военное министерство'); русск. *таможня*;

б) перенос функции, выполняемой титулованной особой на функцию жены в семье, ср.: англ. *duchess* (букв. 'герцогиня'); нем. *Donna / Donnja* (букв. 'донна, госпожа'); русск. *королева*; укр. *королева / цариця*;

в) перенос военного звания / должности на функцию жены в семье ср.: *first sergeant* (букв. 'первый сержант'); нем. *Vorgesetzte* (букв. 'начальник, шеф') / *Feldwebel* (букв. 'старший сержант, фельдфебель').

2.4. СМ и СНЖ глуттонимного типа. Среди метафор, основанных на переносном употреблении глуттонимов (семантических единиц, восходящих к потреблению пищи), преобладают наименования жены как сексуального объекта, т. е. подчеркивается «потребительское» отношение мужа к жене (жена – то, что можно ежедневно «потреблять») [Лютянская, 2009: 143], ср.: англ. *cheese* (букв. 'сыр'), нем. *Rindfleisch* (букв. 'говядина'), русск. *булочка*, укр. *вишкварка*. На фоне английских, русских и украинских СНЖ типа англ. *sugar* (букв. 'сахар') / *candy* (букв. 'конфета') / *honey* (букв. 'мед'), русск. *шоколадка / конфетка / ватрушка*, укр. *цукерка / іриска* в словарях немецкого субстандартного языка подобные метафоры не зафиксированы.

Следует добавить, что лишь в немецком языке не зафиксированы сравнения мужа с продуктами питания, ср., однако, в других языках: англ. *egg* (букв. 'яйцо'), русск. *пирожок*, укр. *кексик*.

2.5. СМ и СНЖ – мифонимы. Сексуальное влияние и могущество жены, с одной стороны, скверный характер и сварливость, с другой, отражаются в метафорах с привлечением демонических образов, ср.: англ. *witch* (букв. 'ведьма') / *devil's daughter* (букв. 'дочь дьявола') / *old hige* (букв. 'старая ведьма'), нем. *Weibsteufel* (букв. 'чертовка') / *Hausteufel* (букв. 'домашний черт') 'невыносимая жена' / *Gewitterhexe* (букв. 'проклятая ведьма') 'жена, которая постоянно чем-то недовольна', русск. *ведьма / мегера / чертенок*, укр. *карга / відьма*. В приведенных примерах жена предстает в образе ведьмы, завлекающей мужчину в свои объятия, манипулирующая мужем при помощи своей красоты и различных уловок.

В украинском субстандартном языке жена именуется своего красивого статного мужа *суперменом*, а невзрачного, ничем неприметного мужа невысокого роста – *смурфіком*.

2.6. СМ и СНЖ – наименования болезней. В русском языке жену сравнивают с недугом (*болячка / язва*), в английском языке с головной болью (*headache* букв. 'головная боль') / *sore-head* (букв. 'больная, распухшая голова')). Жена и брак представляют собой препятствие для мужчины, т. е. создают ему проблемы, связанные с ограничением его свободы, лишением комфорта, индивидуальности и сделают его жертвой брака: в немецкой субкультуре образ мужа, над которым доминирует жена, представлен лексемой *Ehstandskrüppel* (букв. 'брачный инвалид'). Отметим, что в украинском языке подобные сравнения не зафиксированы.

2.7. СНМ и СНЖ ботанического типа. Для наименования жены, зависящей от своего мужа, в английском языке используется метафора *clinging vine* (букв. ‘обвисшая виноградная лоза’), например:

Mary is a clinging vine, she cannot do anything without her husband [Large English-Russian phrasebook] ‘Мери совершенно беспомощна. Она без мужа и шагу ступить не может’.

В немецком: *Zimmerlinde* (букв. ‘комнатная липа’) перен. разг. ‘жена, зависящая от своего мужа’. В обоих сопоставляемых языках СНЖ имеют ярко выраженную пейоративную оценку.

Единственный пример подобной метафоры для номинации мужа зафиксирован лишь в украинском языке (*мухаморик*). В русском языке СНМ и СНЖ данного типа выявлены не были.

3. Метонимические номинации мужа и жены

Метонимия – это троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [Арутюнова, 1998: 300].

В сопоставляемых языках выявлены следующие типы метонимических переносов:

3.1. В английском, немецком и русском языках выявлена метонимическая модель «**наименование части тела человека → наименование мужа / жены по части тела**». В немецком языке для наименования жены без приданного используются метоним *Nacktarsch* (букв. ‘голый зад’), в русском языке жена называет мужа с избыточным весом *пузатиком*. Библейское предание о том, что первая женщина была сделана из ребра Адама, нашло свое отражение в англ. СНЖ: *rib / left rib / spare rib / left forepart* ‘жена’.

3.2. Имя собственное → наименование мужа / жены этим именем. Низкую продуктивность в германских языках обнаруживают наименования мужа (англ. – 3 ед.; нем. – 1 ед.) и жены (англ. – 3 ед.; нем. – 4 ед.), в которых имя собственное употребляется в значении имени нарицательного. Так, в немецком языке неверную жену называют *Martha* (речь идет о неверной жене Марте из оперы «Марта» Фридриха фон Флотова), а сварливую – *Xantippe* – (речь идет о Ксантиппе, жене Сократа, известной своим плохим характером). В английском языке для номинации мужа, которым полностью управляет женщина, используется *Job / Jobe* (речь идет о библейском страдальце Иове), а для номинации обманутого мужа – *holy Moses* (букв. ‘Святой Моисей, муж Марии’). Данный тип метонимического переноса в славянских языках не зафиксирован.

3.3. В английском, русском и украинском языках отмечен тип метонимического переноса «**наименование одежды человека → наименование мужа (русск. – 1 ед.) / жены (англ. – 3 ед.; русск. – 3 ед.; укр. – 1 ед.) по этому атрибуту одежды**», который является малочисленным, ср.: англ. *apron* (букв. ‘фартук’) ‘жена’; русск. *паранджа* ‘жена’; укр. *протигаз*.

4. Отфраземные сращения

4.1. Для номинации обманутого мужа в сопоставляемых языках используются лексемы: англ. *horn-grower/horn-merchant* (букв. ‘тот, кто выращивает рога’), англ. *cuckold* перен. разг. ‘рогоносец’, нем. *Hornträger* (букв. ‘рогоносец’), русск. *рогоносец*, укр. *рогоносець*. Точная этимология слова *рогоносец* неизвестна. Данная лексема возникла в славянских языках путем сращения компонентов фразеологизма *носить рога* (прост. шутил.-ирон. ‘быть жертвой супружеской неверности’). Существует несколько версий происхождения окказиональных фразем *наставить рога* (разг. ‘оскорблять, задевать честь, достоинство кого-нибудь, соблазнив его жену, возлюбленную, склонив ее к измене’) и *носить рога*. Данные фразеологизмы допускают конверсную трансформацию, при которой глагольные компоненты могут заменять друг друга, передавая т.о. обратные отношения. Таким образом, происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом (например, женой), – ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом [Апресян, 1966: 63-64]. Таким образом, значение фразы *наставить рога* и слова *рогоносец* совпадают и имеют один источник происхождения. По одной из версий, фраза заимствована из немецкого языка и связана с военным снаряжением древних германцев [Мелерович, Мокиенко, 2001]. Обязательным атрибутом снаряжения воинов в древней Германии был шлем с оленьими рогами. По традиции жена, провожая мужа на войну, надевала на его голову шлем с оленьими рогами. Снарядив т.о. мужа в долгий поход (а походы в те времена продолжались годами), женщина оставалась свободной, поэтому возникал соблазн супружеской измены.

По другой версии, фразема *носить рога* восходит к византийскому императору Андронику Комнину (1183–1185), который славился своими амурными похождениями. Император выбирал возлюбленных из числа жён своих вельмож. В знак высочайшей милости любвеобильный император разрешал обманутым мужьям тех женщин, с которыми имел любовную связь, охотиться на зверей в собственных владениях, где паслись огромные стада оленей. Над воротами жилищ этих обманутых мужей

подвешивали олени рога, что указывало на распутство их жён. В шутку о таком муже говорили, что у него на лбу рога.

По третьей версии слово *рогоносец* пришло в русский язык из французского (*cocu / cornard* ‘рогоносец’ означали ‘муж постоянной или временной любовницы короля’). Выражение *наставить рога* происходит из средневекового французского *porter des cornes* ‘украсить мужа рогом, или рогами’ означало ‘навесить ему лишний, чужой член / кол’. Впоследствии рогоносцами стали называть всех супругов, жёны которых вступали в незаконную связь с другими мужчинами. С нашей точки зрения, более убедительной является первая версия.

4.2. В английском языке, для обозначения мужа, которому изменила жена используется слово *Cuckold*, производное от *cuckoo* ‘кукушка’, которой свойственно подкладывать свои яйца в чужие гнезда. В аналогичном значении используется выражение *wearing the horns of a cuckold* ‘носить рога обманутого мужа’, а также его сокращенная форма *wearing the horns* ‘носить рога’.

4.3. Коллоквиализм *Hahnrei* разг. ‘рогоносец’ и коллоквиальное выражение *jm Hörner aufsetzen* ‘наставить рога’ возникло в немецком на базе кастрированных, специально откормленных на мясо петухов – каплунов (Kapaun) [Duden].

4.4. Примерами сращения компонентов фразеологизмов являются в английском языке СНЖ *ball-breaker* груб. ‘властная жена, подавляющая своего мужа’ ← *to break somebody's balls* груб. ‘докучать, заставлять (кого-л.) страдать, надоедать, быть очень трудным, унижать (чьё-л.) мужское достоинство’, *ball-cutter* груб. ‘властная жена, подавляющая своего мужа’ ← *to cut somebody's balls* груб. ‘унижать (чьё-л.) мужское достоинство’, *ball-tearer* груб. ‘властная жена, подавляющая своего мужа’ ← *to tear somebody's balls* груб. ‘унижать (чьё-л.) мужское достоинство’.

5. Выводы

Сопоставительный анализ субстандартных наименований мужа / жены в английском, немецком, русском и украинском языках, позволил сделать следующие выводы:

5.1. Основным механизмом образования субстандартных наименований мужа и жены в сопоставляемых языках является метафора и метонимия. Данные лексемы обладают яркой образностью, экспрессивно-эмоциональным и оценочным значением. В целом, в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках они образуются по единым типам метафорических и метонимических переносов, но различаются своей продуктивностью.

5.2. Самыми продуктивными во всех сопоставляемых языках являются 3 типа метафорических переносов: а) наименования животных / птиц / рыб / рептилий → наименования мужа / жены, б) артефакты → наименования мужа / жены, в) наименование государственных учреждений / должностных лиц (руководителей) / титулованных особ → наименования мужа / жены.

5.3. При образовании СНМ и СНЖ используются преимущественно обиходные слова (наименования продуктов питания, животных и артефактов), а также наименования должностей, титулов и учреждений. Развитие у данных слов вторичных значений объясняется тем, что данные лексемы часто употребляются в повседневной жизни и обозначают предметы, с которыми говорящие часто сталкиваются в быту и при организации досуга, а также особенностями распределения их ролей в семье (иерархические, психологические, инициативные и др.), свойствами их характера, внешними данными, поведением.

5.4. Метафорические и метонимические образы мужа и жены представлены в субстандарте сопоставляемых языков с различной продуктивностью. Во всех языках отмечается количественное преобладание «женских» метафорических моделей и репрезентирующих их номинаций. Многоплановость и сложность роли жены и ее функций в семье находят свое разнообразное и доминантное воплощение в языке.

5.5. Метафорические и метонимические наименования жены в целом базируются на ее восприятии как объекта сексуальных желаний мужа, и как человека, ограничивающего мужскую свободу и создающего ему, таким образом, много «неприятностей». Вместе с тем, во всех сопоставляемых субстандартных языках с женой ассоциируется, с одной стороны, тепло, уют, а с другой, препятствие, помеха. В английском, немецком и русском языках жена часто представляется как недуг. Муж, в свою очередь, с одной стороны, воспринимается как лидер в супружеских отношениях, защитник и опора семьи, а с другой, как бесхарактерный, беспомощный человек, которым управляет жена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 296-297.
3. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 300-301.
4. Басыров Ш. Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. Материалы международной научно-практич. конференции 29-30 ноября 2012 г. Донецк, 2012. С. 35-38.

5. Близинок О. В. Семантическое описание терминов кровного родства с помощью методов компонентного и семантического анализа // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып.2. С. 60-64
6. Варламова М. Ю. Отражение русской культуры в наименованиях лица с общим значением оценки // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. Казань: ТГГПУ, 2006. Вып.6. С. 27-36.
7. Калугина Е. Н. Метафорические наименования мужчины и женщины в субстандарте английского языка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 2. С. 4-10.
8. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). Краснодар: КубГУ, 2004. 250 с.
9. Лютянская М. М. Метафорическое представление концепта "WIFE" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 2. Ч. II. С. 140-145.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Издательство: РУССКИЕ СЛОВАРИ: АСТРЕЛЬ, 2001. 855 с.
11. Мурашова Л. П. Метафорическое конструирование женской идентичности (на материале английского языка) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2015. № 2. С. 97-101.
12. Kaliuščenko V. D. Die Nominationstypologie eines Begriffs // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
13. Nikolayeva Larysa. Typology of Kinship Terms. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. 227 p. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Vol. 2).

СПИСОК ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО МАТЕРИАЛА

1. Тюрин В. Ангел с железными крыльями. М.: АСТ, 2017. 384 с.
2. Large English-Russian phrasebook. Доступ: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/221. (дата обращения: 22.12.2017).
3. Scott W. Rob Roy. Collins Classics, 2012. 672 p.
4. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Доступ: <https://www.mundmische.de/bedeutung/30269-Godzilla>. (дата обращения: 20.12.2017). [WDU].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1966). *Idei i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki* [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1998). Metafora [Metaphor]. In *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. M. Pp. 296-297. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1998). Metonimiya [Metonymy]. In *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. M. Pp. 300-301. (In Russ.).
4. Basyrov, Sh. R. (2012). Nominatsiya muzh / zhena, vozlyublennyy / vozlyublennaya v nemetskom, angliyskom i ukrainskom yazykakh [Nomination husband / wife, beloved / beloved in German, English and Ukrainian languages]. In *Filologicheskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konferentsii 29-30 noyabrya 2012 g.* Donetsk. Pp. 35-38. (In Russ.).
5. Bliznyuk, O. V. (2005). Semanticheskoe opisanie terminov krovnoy rodstva s pomoshchyu metodov komponentnogo i semanticheskogo analiza [Semantic description of terms of blood relationship with the help of methods of component and semantic analysis]. In *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. Tver: Tver. state. university. Vyp. 2. Pp. 60-64. (In Russ.).

6. Varlamova, M. Yu. (2006). Otrazhenie russkoy kultury v naimenovaniyakh litsa s obshchim znacheniem otsenki [Reflection of Russian Culture in names of a person with a general value of evaluation]. In *Lingvostranovedcheskiy aspekt prepodavaniya inostrannykh yazykov* Kazan: TGGPU. Vyp. 6. Pp. 27-36. (In Russ.).

7. Kalugina, E. N. (2012). Metaforicheskie naimenovaniya muzhchiny i zhenshchiny v substandarte angliyskogo yazyka [Metaphorical denominations of men and women in the substandard of the English language]. In *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*. Vyp. 2. Pp. 4-10. (In Russ.).

8. Katermina, V. V. (2004). *Nominatsii cheloveka: natsionalno-kulturnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Nominations of the person: national-cultural aspect (on a material of Russian and English languages)]. Krasnodar: KubSU. (In Russ.).

9. Lyutyanskaya, M. M. (2009). Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta "WIFE" [Metaphorical representation of the concept «WIFE»]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. Vyp. 2. Ch. II. Pp. 140-145. (In Russ.).

10. Meleorovich, A. M., Mokienko, V. M. (2001). *Frazeologizmy v russkoy rechi*. [Phraseologisms in Russian speech]. M.: Izdatelstvo: RUSSKIE SLOVARI: ASTREL. (In Russ.).

11. Murashova, L. P. (2015). Metaforicheskoe konstruirovaniye zhenskoy identichnosti (na materiale angliyskogo yazyka) [Metaphorical construction of female identity (on the material of the English language)]. In *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. Krasnodar. No. 2. Pp. 97-101. (In Russ.).

12. Kaliušchenko, V. D. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).

13. Nikolayeva, Larysa. (2014). *Typology of Kinship Terms*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 2).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Tyurin, V. (2017). *Angel s zheleznymi krylyami* [Angel with iron wings]. M.: AST. (In Russ.).

2. *Large English-Russian phrasebook*. Available at: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/221. (accessed: 22.12.2017).

3. Scott W. (2012). *Rob Roy*. Collins Classics.

4. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Available at: <https://www.mundmische.de/bedeutung/30269-Godzilla>. (accessed: 20.12.2017).

Петрищева Елена Игоревна – преподаватель
кафедры германской филологии
(e-mail: petrishchewa-elen@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Lecturer at the
Department of the Germanic Philology
(e-mail: petrishchewa-elen@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education is «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ РЕЦИПРОКАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются реципрокальные глаголы (РецГ) в немецком и украинском языках. Описываются структурные типы производных РецГ, устанавливается категориальная принадлежность мотивирующих основ, а также определяется продуктивность словообразовательных аффиксов.

Ключевые слова: реципрокальный глагол, производный, рефлексивный показатель, мотивирующая основа, аффикс.

MORPHOLOGICAL TYPES OF RECIPROCAL VERBS IN GERMAN AND UKRAINIAN

The article studies the reciprocal verbs (the RecVs) in the German and Ukrainian languages. The structural types of the derivative RecVs have been described, the categorial types of the motivating bases have been established and the productivity of the derivational affixes has been determined.

Key words: reciprocal verb, derivative, reflexive indicator, motivating bases, affix.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются реципрокальные глаголы (РецГ), которые относятся к морфологическому способу образования, и в которых реципрокальное значение регулярно выражается исходной основой глагола в сочетании с определёнными словообразующими аффиксами (рефлексивным показателем – РП, префиксами и т.д.).

Под реципрокальными глаголами понимаются единицы, которые обозначают взаимное (симметричное) действие субъекта и объекта относительно друг друга [Виноградов, 1947: 113; Генюшене, 1983: 13].

Материалом для настоящего исследования послужила выборка немецких и украинских производных РецГ, выполненная на базе толковых и переводных словарей, а также специальных исследований данных языковых единиц [Бусел, 2003; Вихованець, 1982; Князев, 2007; Русанівський, 1971; Словник української мови в 11 томах, 1970-1980; Admoni, 1986; Duden, 1970-1980; Fleischer, 1974; Kluge, 1989; Wahrig, 1980].

2. Структурные типы производных РецГ в немецком и украинском языках

Для анализа производных РецГ немецкого и украинского языков учитываются следующие признаки:

- 1) категориальная принадлежность мотивирующей основы (МО) РецГ;

2) количественный состав словообразовательных аффиксов, участвующих в образовании РецГ;

3) качественный состав словообразовательных аффиксов.

С точки зрения категориальной принадлежности МО в немецком и украинском языках, выделяются три основные группы РецГ:

1) отглагольные РецГ;

2) отсубстантивные РецГ;

3) отадъективные РецГ.

Анализируя пару «исходная (мотивирующая) основа» → «производная основа», РецГ немецкого и украинского языков распадаются на четыре структурных типа:

1) РецГ, которые образуются путем присоединения к МО только РП (-ся – в украинском языке; *sich* – в немецком языке);

2) РецГ, которые образуются путем добавления к МО одного словообразовательного аффикса (префикса или суффикса);

3) РецГ, образованные путем присоединения к МО на одном деривационном шаге словообразовательного аффикса (префикса и/или суффикса) и РП;

4) вторичные РецГ, которые образуются от рефлексивного глагола (РГ) при помощи префикса.

Рассмотрим выделенные структурные типы РецГ подробнее.

1. РецГ типа «МО + РП». К этому структурному типу в немецком и украинском языках относятся РецГ, которые образуются путём присоединения к мотивирующей основе одного только РП; ср.:

(1) нем. *j-n sehen* ‘видеть кого-л.’ → *sich sehen* ‘видеть друг друга’; укр. *вітати кого-н.* → *вітатися* и др.

Рассматриваемые РецГ являются в обоих языках самым продуктивным типом и составляют в немецком языке 75,83% (204 ед.) в общем объеме производных РецГ (269 ед.), а в украинском – 48,41% (259 ед.) в общем корпусе производных РецГ (535 ед.).

РецГ этого типа образуются в немецком и украинском языках только от глагольных основ. Исходной основой этих РецГ могут выступать как непродуцированные (корневые / простые) глаголы (нем. *lieben* ‘любить’; *schlagen* ‘бить’; укр. *бачити*, *бити* и т.д.), так и производные (нем. *ansehen* ‘смотреть, рассматривать’; *bereden* ‘обговаривать, говорить’; укр. *роз’єднувати*, *здружити* и т.д.).

РецГ, образованные от производных глаголов (нем. – 70,1% или 143 ед.; укр. – 73% или 189 ед.), количественно преобладают в обоих языках над РецГ, мотивированными

корневыми глаголами (нем. – 29, 9% или 61 ед.; укр. – 27% или 70 ед.).

2. РецГ типа «МО + словообразовательный аффикс». РецГ, образованные путем присоединения к МО словообразовательных аффиксов (префикса и/или суффикса), составляют второй структурный тип морфологических РецГ в немецком и украинском языках, ср.:

(2) нем. *sprechen* → *absprechen*; *kommen* → *zusammenkommen*; укр. *приятелювати* → *заприятелювати*; *дружити* → *подружити* и т.д.

В немецком языке этот структурный тип РецГ насчитывает 11,52% (31 ед.). Объем украинских РецГ составляет 7,85% (42 ед.).

С точки зрения категориальной принадлежности МО, рассматриваемые РецГ распадаются в сравниваемых языках на три структурных подтипа:

- 1) отглагольные РецГ (нем. – 21 ед.; укр. – 21 ед.);
- 2) отсубстантивные РецГ (нем. – 10 ед.; укр. – 21 ед.);
- 3) отадективные РецГ (нем. – 1 ед.).

Рассмотрим данные структурные подтипы РецГ.

2.1. *Отглагольные РецГ*. Отглагольные РецГ отмечены в немецком и украинском языках одинаковым количеством единиц (по 21 ед. в каждом языке). Этот тип образуется путем добавления к глагольной МО префикса или суффикса.

1) *Отглагольные префиксальные РецГ* (нем. – 15 ед.; укр. – 16 ед.) образуются путем присоединения к глагольной МО только префикса. Количественный набор префиксов, участвующих в образовании РецГ этого типа в немецком и украинском языках разный и насчитывает в немецком языке 7 префиксов, а в украинском – 4.

Производительность префиксов в обоих языках в целом невысокая и не превышает 5 единиц (за исключением украинского префикса *no-* – 9 ед.): в немецком – *zusammen-* (4 ед.), *be-*, *gegenüber-* (по 3 ед. с каждым префиксом), *ab-* (2 ед.), *aus-*, *ver-*, *wider-* (по одному РецГ с каждым префиксом); в украинском – *no-* (9 ед.), *za-* (3 ед.), *ob-*, *pere-* (по 2 ед. с каждым префиксом). Например:

(3) нем. *sprechen* → *besprechen*; *stoßen* → *zusammenstoßen*; укр. *товаришувати* → *затоваришувати*, *балакати* → *побалакати*.

2) *Отглагольные суффиксальные РецГ* (нем. – 6 ед.; укр. – 5 ед.) образуются путем добавления, часто к заимствованной МО, в немецком языке суффиксов *-ier (en)* (4 ед.), *-en* (1 ед.): *coaliser* (фр.) ‘объединять в союз’ → *(mit j-m) koalisieren* ‘объединяться в коалицию с кем-л.’; *correspondere* (лат.) ‘переписываться’ → *korrespondieren* ‘переписываться с кем-л.’.

В украинском языке к МО прибавляются префиксы *-ува-* / *-юва-*. Например:

(4) *воркати* → *воркувати*; *обговорити* → *обговорювати*; *переговорити* → *переговорювати*; отмечены случаи, когда к МО присоединяется только суффикс *-a-* в сопровождении интерфикса; ср.: *зустріти* → *зустрічати*.

Отметим, что в структуре некоторых РецГ появляется интерфикс, то есть межморфемная прокладка в структуре слова, которая имеет исключительно соединительную функцию [Земская, 1973: 113] (*воркати* → *воркувати*; *обговорити* → *обговорювати*; *переговорити* → *переговорювати*). Добавим также, что в немецком языке суффикс *-ier(en)* является заимствованным и присоединяется к глагольным основам, взятым из латинского или французского языков [Fleischer, 1974: 322].

2.2. *Отсубстантивные РецГ*. Отсубстантивные РецГ образуются путем присоединения к исходной субстантивной основе только суффикса и насчитывают в немецком 10 ед., а в украинском – 21 ед.

Отсубстантивные РецГ образуются в немецком языке с помощью суффиксов *-en* (8 ед.), *-l(n)* (2 ед.), а в украинском – с помощью суффиксов (*-ува/-юва-*) (12 ед.), *-i/-u-* (5 ед.), *-a/-я-* (4 ед.); ср.:

(5) нем. *die Rede* → *reden* ‘разговаривать с кем-л.’; укр. *ворог* → *ворогувати* и т.д.

2.3. *Отадъективные РецГ*. Только в немецком языке зафиксирован единичный РецГ, который образуется путем добавления к предложной МО префикса *be-* и суффикса *-en* (*gegen* ‘против’ → (*j-m*) *begegnen* ‘*sich mit jmdm zufällig zusammentreffen; jmdn. zufällig treffen*’ ‘встретить случайно кого-л.’).

3. *РецГ типа «МО + (РП + словообразовательный аффикс)»*. Следующую подгруппу морфологического типа РецГ составляют единицы, образованные путем одновременного присоединения к МО на одном деривационном шаге комбинированного форманта, состоящего из РП (*sich; -ся*) и префикса и/или суффикса; ср.:

(6) нем. *der Freund* ‘друг’ → *sich anfreunden* ‘подружиться’; *die Brüder* ‘братья’ → *sich verbrüdern* ‘брататься’; укр. *мигнути* → *змигнутися*; *приятелювати* → *сприятелюватися*.

В немецком языке эта подгруппа РецГ немногочисленна и насчитывает 5,58% (15 ед.). Количество украинских РецГ значительно больше и насчитывает 24,5% (131 ед.).

С точки зрения категориальной принадлежности МО, РецГ этой подгруппы распадаются в сопоставляемых языках на такие структурные подтипы:

- 1) отсубстантивные РецГ (нем. – 11 ед.; укр. – 19 ед.);
- 2) отглагольные РецГ (нем. – 3 ед.; укр. – 104 ед.);
- 3) отадъективные РецГ (укр. – 7 ед.);

4) РецГ, образованные от других частей речи (нем. – 1 ед.; укр. – 1 ед.).

Рассмотрим данные структурные подтипы РецГ.

3.1. *Отсубстантивные РецГ*. РецГ этого структурного подтипа образуются путем присоединения к субстантивной МО на одном деривационного шаге комбинированного словообразовательного форманта, состоящего из РП, префикса и/или суффикса.

В зависимости от состава комбинированного словообразовательного форманта, отсубстантивные РецГ распадаются в сопоставляемых языках на три подтипа:

1) *Отсубстантивные префиксальные РецГ* обнаружены только в немецком языке и насчитывают 6 единиц. Они образуются путем одновременного присоединения к субстантивной основе префикса и РП *sich*. В образовании немецких отсубстантивных РецГ участвуют 3 приставки: *an-*, *be-*, *ver-* (по 2 ед. с каждым префиксом), например:

(7) нем. *der Freund* ‘друг’ → *sich anfreunden* ‘подружиться, сдружиться’; *der Freund* ‘друг’ → *sich befreunden* ‘подружиться, сдружиться, сблизиться’; *der Bruder* ‘брат’ → *sich verbrüdern* ‘брататься, объединяться друг с другом’.

2) *Отсубстантивные суффиксальные РецГ* представлены в немецком языке 5 примерами, а в украинском – 18 примерами, ср. .:

(8) нем. *das Duell* ‘дуэль’ → *sich duellieren* ‘биться на дуэли’; *der Balg* ‘баловник, шалун’ → *sich balgen* ‘биться, бороться’; *der Krach* ‘ссора’ → *sich krachen* ‘ссориться, спорить друг с другом’;

(9) укр. *кум(а)* → *куматися*; *лист* → *листуватися*; *родич* → *родичатися*.

В деривации анализируемых РецГ в украинском языке участвуют суффиксы *-ува/-юва-*, *-а/-(-j)a-*, *-и-* (по 6 ед. с каждым суффиксом). Деривация 4 РецГ сопровождается усечением флексии в именной МО (см. (8)).

3) *Отсубстантивные префиксально-суффиксальные РецГ* выявлены только в украинском языке и представлены лишь единичным примером:

(10) укр. *зір* → *ззиратися* ‘обмениваться быстрыми взглядами’.

3.2. *Отглагольные РецГ* являются наиболее многочисленным типом в украинском языке (104 ед.). В немецком языке этот тип представлен только тремя примерами. Среди отглагольных РецГ выделяются такие формальные подтипы:

1) *Отглагольные префиксальные РецГ*, которые образуются путем присоединения к глагольной МО префикса и соответствующего РП. Этот тип образования отглагольных РецГ насчитывает в немецком языке 3 примера, а в украинском языке – 56:

(11) нем. *leben* → *sich einleben*; *kriegen* → *sich zerkrigen*; укр. *товаришувати* → *стоваришуватися*; *гукнути* → *згукнутися*; *лягати* → *злягатися*.

Набор префиксов, которые участвуют в образовании РецГ этого подтипа в украинском языке разнообразен и насчитывает 8 префиксов. Среди них наиболее продуктивными оказались *пере-* (21 ед.), *з-/зі-* (17 ед.), *с-* (9 ед.), а менее продуктивными – префиксы *роз-*, *до-* (по 3 ед. с каждым префиксом), *в-*, *за-*, *на-* (по одному РецГ с каждым префиксом):

(12) *говорити* → *зговоритися*; *глянути* → *переглянутися*; *писати* → *списатися*; *ходити* → *розходитися*; *йти* → *зійтися*.

2) *Отглагольные префиксально-суффиксальные РецГ* образуются в украинском языке путем одновременного присоединения к исходной глагольной основе комбинированного форманта, состоящего из трех компонентов: префикса, суффикса и РП *-ся*. Этот подтип РецГ встречается только в украинском языке и насчитывает 48 единиц. Например:

(13) *говорити* → *договорюватися*; *глядіти* → *зглядатися*; *жити* → *зживатися*.

Инвентарь словообразовательных аффиксов, которые участвуют в деривации рассмотренных РецГ, представлен 10 типами сложных формантов. Среди них наиболее продуктивным является комбинированный формант *«пере- + -ува-/юва- + -ся»* (31 ед.):

(14) *гукати* → *перегукуватися*; *мигати* → *перемигуватися*.

РецГ, образованные с помощью этого сложного форманта, обозначают действия, состоящие из неопределенной множественности отдельных однородных актов, участники которых (субъект и адресат) меняются местами. Такие глаголы объединяют значение взаимности и многоактности (мультипликативности) и называются мультипликативно-взаимными [Князев, 2007: 337].

Низкую производительность имеют комбинированные форманты, в состав которых входят РП *-ся* и такие префиксы и суффиксы как: *«з- + -ува-/юва- + -ся»* (4 ед.), *«з- + -а- + -ся»* (4 ед.), *«пере- + -а- + -ся»* (3 ед.), *«в- + -а- + -ся»*, *«до- + -юва- + -ся»*, *«за- + -ува- + -ся»*, *«с- + -а- + -ся»*, *«с- + -ува- + -ся»*, *«роз- + -а- + -ся»* (по одному РецГ). Например:

(15) *текти* → *стікатися*; *глядіти* → *зглядатися*; *рости* → *зростатися*; *говорити* → *зговорюватися*; *моргати* → *зморгуватися*; *нюхати* → *знюхуватися*.

3.3. *Отадъективные РецГ*. Сюда вошли только украинские РецГ, которые образуются путем одновременного присоединения к мотивирующему прилагательному РП *-ся*, префикса и/или суффикса (7 ед.).

Среди отадъективных РецГ в украинском языке отмечены следующие структурные подтипы дериватов:

1) *отадъективные суффиксальные РецГ* (6 ед.), образованные путем присоединения к адъективной МО РП *-ся* и суффиксов *-а-* (2 ед.), *-и-*, *-ка-*, *-ува-*, *-юва-* (по одному РецГ

с каждым суффиксом):

(16) *чужий* → *чужатися*; *здоровий* → *здороватися*; *солідарний* → *солідаруватися*.

2) *Отадъективные* префиксально-суффиксальные РецГ, которые образуются путем присоединения к адъективной МО префикса *з-*, суффикса *-а-* и РП *-ся*:

(17) *липкий* → *злипатися* ‘крепко, неразрывно связаться между собой’.

3.4. *РецГ, мотивированные другими частями речи*. Выше были рассмотрены основные морфологические типы РецГ, образованных от глаголов, существительных и прилагательных. Большая часть немецких и украинских РецГ (98%) сохраняет категориальную принадлежность МО (глагол → глагол) (так называемая внутрикатегориальная транспозиция или внутриглагольное словообразование). У единичных РецГ наблюдается изменение категориальной принадлежности МО (так называемая межкатегориальная транспозиция).

В украинском языке в одном случае РецГ мотивируется междометием:

(18) *цур!* → *цуратися* ‘держаться в стороне, избегать кого-л., друг друга’.

В украинском языке отмечен также однокоренной префиксальный РецГ *розцуратися* ‘прекратить дружеские отношения, перестать признавать близкого человека своим’, который мог образоваться или от междометия ‘цур!’ с помощью префикса *роз-*, суффикса *-а-* и РП *-ся*, или в результате вторичной рефлексивизации, то есть от глагола *цуратися* с помощью одного лишь префикса *роз-*.

В немецком языке обнаружен один РецГ, мотивированный числительным:

(19) *sich zweien* ‘поссориться’ (← *zwei* ‘два, двое’).

Указанный глагол функционировал уже в средневерхненемецком языке со значением ‘объединиться’, но в нововержненемецком языке он претерпел семантические изменения и функционирует в значении ‘поссориться’.

4. *Вторичные РецГ*. Эта подгруппа морфологических реципроков представлена в немецком и украинском языках вторичными РецГ, которые образуются от безпрефиксальных реципрокальных рефлексивных глаголов с помощью только префикса, ср.:

(20) нем. *sich begegnen* ‘видеться, встречаться’ → *sich wiederbegegnen* ‘снова увидаться, встречаться’; *sich streiten* ‘спорить, ссориться’ → *sich zerstreiten* ‘рассориться друг с другом’; аналогично: укр. *гризтися* → *загризтися* ‘начать ссориться, ругаться друг с другом’; *родичатися* – *породичатися* ‘сродниться, сблизиться друг с другом, стать родными друг другу’ и т.д..

В немецком языке анализируемая подгруппа насчитывает 6,67% (18 ед.). Количество украинских вторичных РецГ значительно больше и насчитывает около 19,25% (103 ед.).

Следует отметить, что в отдельных случаях мотивационные связи РецГ и исходной основы имеют неединичный характер. Так, украинский РецГ *побрататися* мог образоваться либо от существительного *брат* при помощи сложного словообразовательного форманта «префикс *по-* + суффикс *-а-* + *-ся*», либо от префиксального глагола *побратати* при помощи лишь РП *-ся*, либо от корневого глагола *братати* при участии префикса *по-* и РП *-ся*.

Вторичные РецГ образуются в немецком языке с помощью 8 префиксов, производительность которых в целом низкая и не превышает 5 единиц.

В украинском языке в образовании вторичных РецГ принимают участие 11 префиксов. Продуктивными оказались приставки *по-* (59 ед.) и *пере-* (14 ед.), а остальные префиксы имеют невысокую продуктивность.

3. Выводы

1. В немецком и украинском языках выявлены производные РецГ трёх структурных типов: а) «МО + РП»; б) «МО + словообразовательный аффикс»; в) «МО + словообразовательный аффикс + РП». Данные структурные типы образуются в сопоставляемых языках в целом путем добавления к МО словообразовательного форманта, который состоит из: а) РП (нем. – 204 ед.; укр. – 259 ед.); б) префикса (нем. – 16 ед.; укр. – 16 ед.); в) суффикса (нем. – 16 ед.; укр. – 26 ед.); г) префикса и РП (нем. – 9 ед.; укр. – 56 ед.); д) суффикса и РП (нем. – 5 ед.; укр. – 25 ед.). Только в украинском языке выявлены производные РецГ, которые образуются с помощью сложного (трёхморфемного) форманта: префикса, суффикса и РП (50 ед.).

2. В сравниваемых языках словообразовательные форманты сочетаются с различными типами категориальных основ, что позволяет сгруппировать все РецГ в 15 структурных подтипов. В немецком и украинском языках самым продуктивным является структурный подтип РецГ, к мотивирующей глагольной основе которых присоединяется только РП (нем. – 204 ед.; укр. – 259 ед.).

3. Среднюю производительность в немецком языке демонстрируют два структурных подтипа РецГ: а) мотивирующая глагольная основа + префикс (33 ед.); б) мотивирующая субстантивная основа + суффикс (10 ед.), а в украинском языке – РецГ, к мотивирующей глагольной основе которых на одном деривационном шаге присоединяются одноморфемный формант (120 ед.), двухморфемный формант (56 ед.) или трёхморфемный формант (48 ед.).

4. Наименее продуктивными в немецком языке оказались подтипы РецГ, образованные путем добавления к: а) предложной МО префикса; б) МО, выраженной числительным, суффикса и РП (по одному РецГ).

В украинском языке наименее продуктивными оказались структурные подтипы РецГ, образованные с помощью префикса, суффикса и РП, которые сочетаются с адъективной и субстантивной основами, а также РецГ, который образуется путем добавления к междометию суффикса и РП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 734 с.
2. Вихованець І. Р. Граматика української мови. К.: Рад. школа, 1982. 208 с.
3. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс: Мин-во высш. и сред. спец. образования ЛитССР, 1983. 168 с.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
5. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 702 с.
6. Русанівський В. М. Структура українського дієслова. К.: Наукова думка, 1971. 315 с.
7. Степанова М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
8. Холодович А. А. Реципрок // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 161-172.
9. Храковский В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. 288 с.
10. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Grammatik der deutschen Sprache. М.: Просвещение, 1986. 336 S.
11. Eisenberg P. Grundriß der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar; Metzler, 1994. 518 S.
12. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. 361 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К.: Ірпінь: ВТФ "Перун", 2003. 1440 с.
2. Словник української мови: в 11 т. К.: Наукова думка, 1970-1980. Т.1. 799 с.; Т. 2. 550 с.; Т. 3. 744 с.; Т. 4. 840 с.; Т. 5. 840 с.; Т. 6. 832 с.; Т. 7. 723 с.; Т. 8. 927 с.; Т. 9. 916 с.; Т. 10. 658 с.; Т. 11. 699 с.
3. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Mannheim, Wien, Zürich, 1970–1980. Bd. 1. 464 S.; Bd. 2. 928 S.; Bd. 3. 1408 S.; Bd. 4. 1904 S.; Bd. 5. 2432 S.; Bd. 6. 2992 S.
4. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York: de Gruyter, 1989. 822 S.
5. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag, 1980. 4358 S.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1947). *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical teaching about the word]. М.: Uchpedgiz. (In Russ.).

2. Vykhovanets, I. R. (1982). *Gramatyka ukraynskoy movy* [Grammar of Ukrainian language]. K.: Radyanska shkola. (In Ukr.).
3. Genyushene, Je. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and typology of reflexive verbs]. Vilnyus: Minvo vyssh. i sred. spec. obrazovaniya LitSSR. (In Russ.).
4. Zemskaya, E. A. (1973). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Wordformation]. M.: Prosveshhenie. (In Russ.).
5. Knyazev, Ju. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in the typological perspective]. M.: Yazyki slovyanskikh kultur. (In Russ.).
6. Rusanivskiy, V. M. (1971). *Struktura ukraynskogo dieslova* [Structure of Ukrainian verb]. K.: Naukova dumka. (In Ukr.).
7. Stepanova, M. D. (1984). *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke* [Theoretical basis of wordformation in German]. M.: Vysshaya shkola. (In Russ.).
8. Kholodovich, A. A. (1979). *Retsiprok* [Reciprocal]. In *Problemy grammaticheskoy teorii*. L.: Nauka. Pp. 161-172. (In Russ.).
9. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh* [Voice constructions in languages with different structure]. L.: Nauka. (In Russ.).
10. Admoni, W. (1986). *Der deutsche Sprachbau. Grammatik der deutschen Sprache*. M.: Prosveshhenie.
11. Eisenberg, P. (1994). *Grundriß der deutschen Grammatik*. Stuttgart; Weimar; Metzler.
12. Fleischer, W. (1974). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Busel, W. T. (2003). *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoy ukraynskoy movy* [Great explanatory dictionary of modern Ukrainian language]. K.: Irpin: VTV "Perun". (In Ukr.).
2. *Slovnyk ukraynskoy movy: v 11 t.* [Ukrainian language dictionary in 11 volumes]. K.: Naukova dumka, 1970–1980. Vol. 1–Vol. 11. (In Ukr.).
3. *Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden*. Mannheim, Wien, Zürich, 1970–1980. Bd. 1.–Bd. 6.
4. Kluge, F. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York: de Gruyter.
5. Wahrig, G. (1980). *Deutsches Wörterbuch*. München: Mosaik Verlag.

Юшкова Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (e-mail: teacher13@mail.ru), Автомобильно-дорожный институт Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет» 284646, Горловка, Кирова, 51

Yushkova Svetlana A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages (e-mail: teacher13@mail.ru), Automobile Highway Institute of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University» 51 Kirova, Gorlovka, 284646

Поступила в редакцию 26 февраля 2018 г.

ПЕРЕВОД

УДК 811.131.1

©2018 Д. Н. Войницкий

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ

В статье рассматриваются основные трудности, возникающие в процессе перевода религиозно-церковной лексики с русского языка на итальянский. Ошибки при переводе обусловлены наличием неточных эквивалентов указанной специальной лексики и терминов в словарях, а также отсутствием у переводчика соответствующих фоновых знаний. Приводятся пути возможных переводческих решений.

Ключевые слова: практика перевода, межкультурная коммуникация, религиозно-церковная лексика, фоновые знания, частично-эквивалентная лексика.

© 2018 D. N. Voinitskij

PECULIARITIES OF TRANSLATING RELIGIOUS AND CHURCH LEXIS FROM RUSSIAN INTO ITALIAN

The article is concerned with the main difficulties leading to mistakes in the process of translation of religious vocabulary from Russian into Italian. Such mistakes are accounted for by inaccurate equivalents of the lexical units in question registered in dictionaries as well as by the lack of sufficient background knowledge on the part of the interpreter. The article illustrates the ways of solving translation problems under discussion.

Key words: translation practice, intercultural communication, religious vocabulary, background knowledge, partially equivalent lexical units.

Проблема перевода христианской религиозно-церковной лексики с русского языка на итальянский ранее не исследовалась и почти не затрагивалась. В этой связи стоит лишь упомянуть шестязычный словарь религиозных терминов «Христианство», в котором представлен итальянский язык [Хр.]. Однако на практике, необходимость перевода (как устного, так и письменного) указанной лексики остается актуальной проблемой, и даже у опытного переводчика вызывает определенные трудности, обусловленные недостаточной подготовкой в области традиционной культуры и религии. Данная работа стремится восполнить отсутствие научно-практических исследований в области перевода христианской религиозно-церковной лексики на итальянский язык, при этом детально рассматриваются конкретные случаи, с которыми сталкивается переводчик. Настоящее исследование основано на личном опыте работы в качестве гида-переводчика и на материале устных текстов экскурсий, проводимых для итальянских туристов. Особенное значение данная проблематика приобретает при осуществлении устного перевода

переводчиками, работающими на исторических и культурных объектах (церкви, монастыри, музеи), где постоянно регистрируется большое количество иностранных туристов.

Религиозно-церковная лексика как вид специальной лексики охватывает слова и выражения, употребляемые не только представителями церкви в своей служебной деятельности, но также и многими верующими, которые широко используют этот пласт лексики при религиозных торжествах и отправлении культа. Данная лексика представляет интерес и для переводчиков-профессионалов, работающих как в сфере туризма, культуры, так и в области межцерковных отношений.

Перевод религиозной лексики является одним из аспектов межкультурной коммуникации, при этом он обусловлен многими различиями социального и культурного характера, которые отражаются на степени понимания информации участниками коммуникации.

Несмотря на сравнительно небольшой и ограниченный количественный состав религиозных и церковных терминов, многие слова и словосочетания, используемые в церковной сфере, имеют широкую известность. При этом, согласно теории перевода, рассматриваемая терминология представляет собой, прежде всего, частично-эквивалентную лексику. Эти термины, также как и специальная лексика других областей, «обозначают специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области... В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов» [Комиссаров, 1990: 110]. К первым можно отнести *дарохранительница, антиминос, амвон*, ко вторым – названия церковных праздников *Благовещение, Воздвижение Креста Господня* и др.

Для адекватного перевода религиозной и церковной лексики необходимо наличие так называемых фоновых знаний, без которых при переводе исходного текста будет искажена скрытая языковая информация [Томахин, 1997]. Фоновые знания, отражающие специфику другой культуры, являются необходимым условием адекватного профессионального перевода. Следует указать, что рассматриваемые лексические единицы фиксируют историческую долговременную фоновую информацию [Виноградов, 2009: 43], поэтому их перевод зачастую зависит от качества восприятия текста, обусловленного лингвокультурной компетенцией переводчика.

Рассматриваемую в данной работе религиозно-церковную лексику христианства можно разделить на следующие основные семантические группы:

- названия евангельских событий и церковных праздников;

- архитектурные термины, относящиеся к церковным храмам;
- названия предметов церковного культа и церковной утвари;
- имена христианских святых и отцов церкви;
- названия иконописных типов изображений Иисуса Христа и Девы Марии.

В большинстве случаев перевод религиозно-церковной лексики осуществляется устоявшимися эквивалентами тех или иных терминов. Так, *Святой Николай Чудотворец* – это всегда *San Nicola Taumaturgo* (или *San Nicola da Bari*), *Иоанн Креститель (Предтеча)* – *San Giovanni Battista (Precursore)*, *Иоанн Златоуст* – *San Giovanni Crisostomo*, *Рождество Христово* – *Natività di Cristo* (событие) и *Natale di Cristo* (праздник), *иконостас* – переводим *iconostasi*, а *ризница* – *sagrestia*.

Однако в практике перевода на итальянский язык часто встречаются ошибки, обусловленные недостатком фоновых знаний из евангельской истории. Речь идет, в частности, о переводе термина *Богоявление*, обозначающего конкретное событие и встречающегося также в названии православных храмов, например *Богоявленский собор*. Итальянскому (т.е. католическому) реципиенту на основании русско-итальянских словарей при переводе упомянутого названия предлагается эквивалент *la cattedrale dell'Epifania* [БРИС; М-тран]. Но для католиков термин *Epifania* означает, прежде всего, проявление божественной природы Господа Иисуса в облике младенца перед пришедшими поклониться Ему волхвами [Garz.]. Кроме того, корень этого термина созвучен народному итальянскому названию соответствующего праздника *Befana*, когда отмечается именно поклонение волхвов младенцу Иисусу. В русской же православной догматике термин *Богоявление* означает проявление Божества Христова при возвращении Иисуса Христа из пустыни после сорока дней поста и крещение Его в водах реки Иордан Иоанном Крестителем (Крещение Господне). Таким образом, речь идет о двух разных евангельских событиях и поэтому термин *Epifania* не является корректным для перевода лексической единицы *Богоявление*, которая используется в православной традиции. Для данного явления итальянский язык предлагает точный эквивалент *Teofania* [Garz.; Fabr.], который не приводится ни в одном русско-итальянском словаре. С другой стороны, при переводе с итальянского языка на русский, оба термина (*Epifania* и *Teofania*) следует переводить как *Богоявление*, с добавлением соответствующих вышеуказанных пояснений.

Другим очевидным примером недостатка фоновых знаний относительно православной и католической догматики является перевод термина *Успение Богородицы*. Словари предлагают два эквивалента *Assunzione* [Ков.; БРИС; М-тран] и *Dormizione* [Акад.]. Переводчик часто, ориентируясь на большинство словарей, делает интуитивный

выбор в пользу термина *Assunzione della Madonna*, который используется в итальянском языке для обозначения данного евангельского события и одноименного праздника в католической церковной традиции. Однако, следует принять во внимание, что событие Успения в православном и католическом учении трактуются по-разному. У католиков термин *Assunzione* обозначает вознесение Девы Марии из земной жизни на небеса душой и телом, в то время как *Dormizione* обозначает переход Богородицы на небеса только душой. Именно последнее слово приводится в итальянских словарях как термин, используемый в восточной (в т.ч. православной) церкви [Garz.]. Как подтверждение, следует отметить, что при переводе названий греческих православных икон, изображающих Успение Богородицы, используется термин *Dormizione* [Fabr.; Orler]. И поэтому именно *Dormizione* нужно принять как правильный эквивалент для перевода евангельского события согласно православной традиции и названий православных храмов, посвященных ему. Стоит сказать, что лишь один словарь дает корректный перевод термина *Успенская церковь*, а именно *la chiesa della Dormizione* [М-тран].

Следует иметь в виду, что два явления евангельской истории, а именно, Сретение и Введение во храм, переводятся на итальянский язык почти одинаково, т.е. одним и тем же словом, но с уточнением, о ком идет речь в данном событии. Так, *Сретение Господне* – это *Presentazione di Gesù al Tempio* (букв. ‘Принесение Иисуса во храм’) [М-тран], в то время как *Введение во храм Пресвятой Богородицы* – *Presentazione della Vergine Maria al Tempio* (букв. ‘Принесение Девы Марии во храм’) [Garz.]. Для акцента на православном характере данных событий можно использовать и имеющиеся параллельные варианты: *Сретение* – *Incontro di Nostro Signore* (букв. ‘Встреча Господа нашего’), *Введение во храм* – *Ingresso della Santissima Madre di Dio al Tempio* (букв. ‘Вхождение во храм Пресвятой Богородицы’) [Fabr.].

Кроме того, касаясь евангельского события и праздника Сретения, нужно указать, что словарь Ковалева дает для него неправильный эквивалент *Epifania* [Ков.]. А итальянский словарь переводит *Сретение* термином *Candelora* [DRI], и соответственно для термина *Candelora* дает эквивалент *Сретение* [DRI, также Зорько]. Действительно, католическая церковь отмечает праздник *Candelora* ‘День свечей’, *Purificazione di Maria* ‘Очищение Девы Марии’ и *Presentazione di Gesù al Tempio* ‘Принесение во храм младенца Иисуса’ как один праздник, т.к. исторически событие «принесения» и обряд очищения происходили в один день. По этому случаю в церквях благословлялись свечи (*candele*), отсюда и название праздника *Candelora*. В этой связи при переводе термина *Сретение* на итальянский язык нужно использовать эквивалент *Presentazione di Gesù al Tempio*, поскольку именно это событие читается и отмечается в православной традиции. Не следует

подменять вышеуказанный эквивалент некорректным термином [Бархударов, 1975: 131] *Candelora*, хотя в этом случае он может быть допустимым, но только с определенными разъяснениями. При переводе же *Candelora* на русский язык следовало бы избегать термина *Сретение* (т.к. праздник свечей – это не Сретение) и использовать более точные варианты: *День свечей* или *Очищение Девы Марии*, указав, что это события одной даты (2 февраля в католической церкви и 15 февраля в русской православной церкви). На данном примере так же подтверждается тезис о необходимости наличия у переводчика «глубоких экстралингвистических знаний» [Бархударов, 1975: 131].

Распространен неточный, но устоявшийся и широко применяемый перевод русского термина *часовня* итальянским эквивалентом *cappella*, который зафиксирован многими русско-итальянскими словарями. При этом следует иметь виду, что русская *часовня* – это небольшое, **отдельно стоящее** культовое сооружение, в котором, в отличие от обычного храма, **отсутствует алтарь** [Азбука; Акад.].

Прежде чем проследить варианты перевода термина *часовня*, рассмотрим основные значения итальянского термина *cappella*. В итальянском языке *cappella* – это **встроенное, пристроенное или стоящее вблизи** от церкви культовое здание или небольшая церковь, **оборудованная собственным алтарем** [Garz.; DeA]. По данным признакам в этом значении точным эквивалентом итальянской *капеллы* является термин *придел*, т.е. часть основного здания храма, либо пристроенная церковь, в которой размещается дополнительный алтарь [Азбука]. В словарях термин *придел* переводится точным эквивалентом *cappella* [БРИС], или описательно *chiesa secondaria annessa a quella principale* [Акад.] ‘дополнительная церковь, пристроенная к главной’. Капелла может находиться и при некультовых сооружениях, например, при дворце, – тогда на русский язык этот термин передают эквивалентом *домовая церковь*. Другое же значение термина *cappella* – это ‘церквушка или часовенка со священными изображениями’. Именно это значение является **близким аналогом** православной *часовни*.

Таким образом, при переводе русского термина *часовня*, ввиду частичного соответствия значений в двух языках, следует употреблять привычный термин *cappella*, к которому нужно добавить примечание об отсутствии алтаря. Кроме того, можно также использовать его синонимы *sacello* – *церквушка*, *tabernacolo* – *часовенка* или *oratorio* – *молельня* [Ков.; Garz.; DeA].

Среди архитектурной терминологии, применяющейся в русской церкви, интересно проследить перевод терминов *трапезная* и *звонница*. Для *трапезной* повсеместно и по праву используется эквивалент *refettorio* [БРИС; М-тран; DRI], при этом подразумевается

помещение для совместного приема пищи, которое строилось как в русских, так и в католических монастырях, а также и при церквях. Но при рассмотрении архитектуры русского православного храма часто употребляется тот же термин *трапезная*, который, однако, не относится к вышеуказанному значению данного слова. Здесь речь идет о помещении в церкви, которое располагается между средней частью храма (так наз. *наос*, храмовая часть) и входным крыльцом. Действительно, это помещение (часто довольно просторное) когда-то использовалось как трапезная, но таковым в полном смысле слова не являлось. При этом на практике для его перевода на итальянский язык часто используется все тот же (в данном случае, неточный) термин *refettorio*. Однако, ознакомившись с архитектурой православного храма, находим термин *притвор*, который точно обозначает данное помещение [Азбука]. Таким образом, *притвор* и *трапезная* в этом значении являются синонимами, причем только *притвор* является корректным термином, а *трапезная*, хоть и широко употребляемым, но некорректным. Для перевода указанных выше терминологических единиц в значении части храма предлагается итальянский эквивалент *nartece* [Garz.; Гугл], происходящий от греч. *narthex*.

В русском языке для обозначения церковного сооружения, в котором размещаются колокола, употребляются термины *колокольня* и *звонница*. *Колокольня*, имея полное соответствие в итальянском языке (т.е. сооружение башенного типа), во всех словарях переводится термином *campanile*. Что касается звонницы, то она представляет здание достаточно низкое, широкое, прямоугольного сечения, часто стенообразного типа, и, несмотря на то, что в ней имеются колокола (*campane*), она не подходит под описание итальянского термина *campanile* [Garz.]. Словари дают для *звонницы* некорректный эквивалент *campanile* [Ков.; DRI]. Неточными являются и другие словарные варианты перевода – *torre campanaria* [Яндекс] и *cella campanaria* [М-тран; Акад.]. Первый обозначает башню, т.е. колокольню, второй – помещение на вершине колокольни, в котором находятся колокола. Таким образом, термин *звонница* представляет собой реалию, которая «не вышла за национальные рамки» и, имея частичное соответствие в языке перевода, «должен переводиться описательно» [Корунец, 2008: 220]. Например, *costruzione in cui è collocato un sistema di campane* ‘сооружение, в котором размещена система колоколов’.

Среди названий церковной утвари многие термины имеют точные эквиваленты в итальянском языке. Например, *кадило* – *turibolo*, *потир* – *calice*, *подсвечник* – *candeliere*, *престол (алтарь)* – *altare*, *амвон* – *ambone*, *аналой* – *leggio (ambone)*, *вертеп* – *presepe*. Здесь следует различать использующиеся в православной церкви термины *дароносица* и

дарохранительница (то же, что *кивот*). Для перевода *дарохранительницы* словарь предлагает термины *tabernacolo* и *ostensorio* [М-тран]. При рассмотрении значений этих терминов в итальянском языке оказывается, что *ostensorio* в католической церкви служит для выставления остии перед верующими для поклонения – обряд и традиция, которых нет у православных, и поэтому термин *ostensorio* является некорректным для перевода *дарохранительницы* [Garz.; Faps]. Что касается *tabernacolo*, то этот термин можно считать частичным соответствием *дарохранительницы* и принять в качестве эквивалента для перевода. Следует, однако, заметить, что по внешней форме это совершенно разные предметы церковной утвари, несмотря на то, что в обеих церквях они служат для хранения Святых Даров – Тела и Крови Христовых [Церк. утв.; Faps]. Кроме того, у православных и католиков отличаются между собой и сами Святы Дары, для хранения которых служит эта утварь, поэтому данный факт можно считать ярким примером имплицитной экстралингвистической информации.

Говоря же о термине *дароносица*, тот же словарь предлагает два варианта – *ciborio* и *pisside* [М-тран]. Оба эквивалента корректны, но следует принимать во внимание форму дароносицы [Церк. утв.; Faps]. Если она выполнена в виде чаши с крышкой, то это *pisside*, если же она похожа на изображение храма, то это *ciborio* (ср. *кивот*, *киворий*) [БРИС].

Среди терминов, обозначающих изображения Иисуса Христа и Девы Марии, названий икон, имеется много устоявшихся эквивалентов. Например, *Спас Вседержитель* переводится на основе греческого варианта *Cristo Pantocratore* [М-тран] или, реже, *Cristo Onnipotente* [Акад.], *Вход Господень в Иерусалим – Ingresso di Gesù a Gerusalemme*, *Вербное Воскресение – Domenica delle Palme* [М-тран], *Казанская икона Богоматери – icona della Madre di Dio di Kazan*.

Следует отметить, что в названиях икон, которые несут, прежде всего, очевидную «историко-филологическую информацию, содержатся имплицитные сведения, которыми являются аллюзии, символы, реалии, идиоматика, цитаты» [Виноградов, 2009: 41]. Эти сведения отражают религиозную православную культуру и тесно связаны с фоновой информацией. В этой связи представляет определенную трудность, например, перевод названия иконы, которая расположена в середине Деисусного чина иконостаса, – *Спас в силах* работы Андрея Рублева. Исходя из утверждения, что независимо от контекста термин переводится его полным и абсолютным эквивалентом [Влахов, Флорин, 1980: 273], рассмотрим варианты перевода. Буквальный перевод типа *Salvatore in tutte le forze* ‘Спаситель во всех силах’ или *Salvatore onnipotente* ‘Спаситель всесильный’ допустим, и является описательным или приблизительным, когда переводчик спонтанно

прибегает к поиску аналога. Для определения полного эквивалента данного названия (термина), которое используется в итальянском языке, нужно принять во внимание смысловое содержание иконописного изображения, понять значение упомянутых сил, после чего приходим к корректному эквиваленту *Salvatore tra le Potenze Celesti* ‘Спаситель среди небесных сил’ [Orler], икона известна также как *Cristo in Gloria* ‘Христос во славе’. Нередко встречается изображение Иисуса Христа, сидящего на троне и увенчанного короной, – это икона *Спас Великий Архидиакон*. Также и здесь буквальный перевод будет неточным и некорректным. Исследуя итальянские источники, находим точный эквивалент *Cristo Gran Sacerdote* [Fabr.], икона известна также под названием *Il Re dei Re* ‘Царь Царей’ [Orler].

Очень распространенное изображение Иисуса Христа *Спас Нерукотворный* можно перевести описательно иногда используемым полным эквивалентом *il Salvatore non fatto da mano d'uomo* ‘Спаситель не сделанный рукой человека’ [М-тран]. Но существует и более широко применяется другой эквивалент, производный от греческого, *Cristo Acheropita* ‘Христос не сотворенный рукой’ [М-тран; Яндекс; Orler]. Меньше затруднений вызывает перевод икон *Спас Творец живота* – *Cristo salvatore e datore di vita*, *Спас на престоле* – *Cristo in trono*, *Христос лоза истинная* – *Cristo vera vite*, названия которых передаются на итальянский язык путем калькирования [Fabr.]. Тем не менее, рекомендуется уточнять итальянские эквиваленты по каталогам икон.

В православном иконографическом искусстве насчитывается несколько сотен икон, изображающих Богородицу, которые характеризуются четырьмя основными манерами исполнения [Дева]. Большинство икон представляют Деву Марию с Младенцем Иисусом, среди которых около двух десятков самые известные и распространенные [Мир икон, Regina, Orler]. По типологии названий эти иконы можно разделить следующим образом:

по месту обретения:

- *Икона Казанская Божией Матери* – *icona della Madre di Dio di Kazan*;
- *Икона Иверская Божией Матери* – *icona della Madre di Dio di Iveron*;
- *Икона Владимирская Божией Матери* – *icona della Madre di Dio di Vladimir*;
- *Икона Тихвинская Божией Матери* – *icona della Madre di Dio di Tichvin*.

Перевод вышеуказанных и подобных им терминологических единиц осуществляется путем калькирования с точной передачей информации о происхождении (обретении) иконы, при этом итальянский эквивалент конструктивно соответствует русскому;

по смысловому содержанию:

в русском языке Богородичные иконы называются следующим образом: Икона

Божьей Матери *Нечаянная радость*, Икона Божьей Матери *Неувядаемая чаша* [Дева, Мир икон]. В итальянском же языке иконы этого типа называются *Icona della SS. Madre di Dio della Gioia inattesa* ‘Икона Пресвятой Божьей Матери неожиданной радости’, или же *la Madonna del Perpetuo Soccorso* ‘Мадонна постоянной помощи’, или же *Madre di Dio Gioia degli afflitti* ‘Богоматерь радость страждущих’ [Regina]. Здесь также переводная конструкция итальянского языка близка к исходной русской.

Следует отметить, что лексически русские названия многих Богородичных икон имеют древнее происхождение. При этом, в данных фразеологических единицах отражается архаичность языка и возвышенность стиля. Поэтому в языке перевода должно сохраниться исходное стилистическое значение, содержащееся в наименованиях икон [Комиссаров, 2000: 133]. Данный факт представляет определенную трудность при поиске и подборе италоязычных эквивалентов. Например, в названии иконы Божией Матери *Взыскание погибших* возникает трудность в понимании слова *взыскание*. Название иконы Богородицы *Достойно есть* представляет собой первые слова хвалебной песни Богородице, поэтому, не обладая соответствующей культурно-религиозной информацией, не удастся достичь адекватного перевода.

Исходя из тезиса, что термин заменяется его эквивалентом в «общепринятой, официальной, утвердившейся в соответствующей терминологии форме» [Влахов, Флорин, 1980: 278], проследим ниже перевод названий Богородичных икон [Regina]:

Название иконы на русском языке	Название иконы на итальянском языке	Буквальный перевод с итальянского языка
<i>Икона Божьей Матери ...</i> <i>Взыскание погибших</i> <i>Всех скорбящих радость</i> <i>Достойно есть</i>	<i>Icona della Madre di Dio ...</i> <i>Salvezza dei moribondi</i> <i>Gioia di tutti gli afflitti</i> <i>E' veramente giusto</i> <i>glorificarti</i>	‘Икона Божьей Матери’ ‘спасение погибающих’ ‘радость всех страдающих’ ‘действительно истинно есть славить тебя’
<i>Живоносный источник</i> <i>Знамение (Оранта)</i>	<i>Sorgente di vita</i> <i>Madonna del Segno</i> <i>(Vergine Orante)</i>	‘источник жизни’ ‘Мадонна Знамения, молящаяся Дева’
<i>Млекопитательница</i> <i>Неопалимая купина</i> <i>Неувядаемый цвет</i> <i>Неувядаемая чаша</i> <i>Неустанная помощь</i> <i>Нечаянная радость</i> <i>Отрада и Утешение</i> <i>Путеводительница</i> <i>(Одигитрия)</i> <i>Скоропослушница</i>	<i>la Nutrice</i> <i>Roveto Ardente</i> <i>Rosa che non appassisce</i> <i>Maria Fonte della Salvezza</i> <i>Perpetuo soccorso</i> <i>Gioia inattesa</i> <i>Conforto e Consolazione</i> <i>Colei che indica la Via</i> <i>(Odighitria)</i> <i>Colei che esaudisce</i> <i>prontamente</i>	‘кормилица’ ‘пылающий терновник’ ‘неувядаемая роза’ ‘источник спасения’ ‘постоянная помощь’ ‘неожиданная радость’ ‘ободрение и утешение’ ‘указывающая путь’
<i>Троеручица</i>	<i>Dalle tre mani</i>	‘быстро исполняющая’ ‘о трех руках’

<p><i>Умиление</i> <i>Умягчение злых сердец</i> (<i>Семистрельная</i>)</p>	<p><i>Tenerezza</i> <i>Addolcimento dei cuori</i> <i>crudeli (Trafitta da sette</i> <i>spade), также известна как</i> <i>Madonna Addolorata, также</i> <i>La Madonna dei sette dolori,</i> <i>также La Madonna delle</i> <i>sette spade</i></p>	<p>‘нежность’ ‘умягчение жестоких сердец (пронзенная семью мечами) Мадонна скорбящая, Мадонна семи скорбей, Мадонна с семью мечами’</p>
<p><i>Утоли моя печали</i></p>	<p><i>Allevia le mie pene</i></p>	<p>‘облегчи мои страдания’</p>

Анализируя вышеприведенные примеры, можно отметить, что перевод большинства Богородичных икон основывается на регулярных традиционных соответствиях. Для передачи на итальянский язык указанных лексических и терминологических единиц применяется калькирование и лексическая замена на соответствующий итальянский эквивалент. В то же время названия вышеуказанных Богородичных икон, а также икон, изображающих Иисуса Христа, следует считать «лингвокультурологическими единицами, во внутренней форме которых отражено мировоззрение» [Артемова, 2009: 70] православного сообщества. Это, своего рода, особые фразеологические единицы, отражающие религиозно-культурные особенности народа. При переводе данной специальной лексики часто возникают затруднения в их восприятии и распознавании их значения (ср. *Неупиваемая чаша*, *Неопалимая купина*, *Скоропослушница*, *Спас в силах* и др.). Но переводчик должен «видеть и отражать в переводе то, что в оригинале является имплицитным» [Емельянова, 2010: 136].

Действительно, перевод коммуникативных единиц, относящихся к сфере религиозно-церковной лексики, требует от переводчика определенного объема фоновых знаний. Прежде всего, речь идет о владении информацией историко-культурного характера, касающейся как русской, так и итальянской истории. Рассматриваемая лексика не является безэквивалентной ввиду того, что христианская религия глубоко затронула как православную, так и католическую культуру. Следовательно, существует и «коммуникативная взаимосвязь между языком и культурой» в обоих обществах [Алексеева, 2010]. Поэтому почти каждый термин или лексическая единица имеют свой полный или частичный эквивалент в языке перевода. При этом требуется лишь преобразовать их в «адекватную вербальную форму» [Томахин, 1997], что особенно касается перевода названий икон, событий евангельской истории и предметов церковной утвари. Недостаточные религиозно-культурные фоновые знания, как о русском православии, так и о католической церковной традиции «могут привести к культурному барьеру в общении» [Артемова, 2009: 68].

Однако, несмотря на отсутствие явного лингвокультурного барьера, в рассматриваемом вопросе все же имеют место экстралингвистические факторы, обусловленные различиями православной и католической догматики, а также особенностями соответствующей церковной традиции и практики. Именно эти факторы, без обоюдного знания церковных реалий или терминов, могут затруднять осуществление перевода и, в конечном счете, понимание и общение [Емельянова, 2010: 50-53, 55]. Поэтому овладение фоновыми знаниями (реалиями) обоих языков является одним из обязательных условий становления переводчика [Корунець, 2008: 103].

В свете вышеизложенного, для преодоления рассматриваемых трудностей и переводческих проблем необходимы предварительная работа со справочной литературой, сбор соответствующей информации, умение видеть функцию и роль применяемых лексических единиц (терминов) с религиозно-церковной спецификой, избегать буквального подхода к терминам и реалиям. При этом важным условием корректного и адекватного перевода религиозно-церковной лексики, наряду с высокой профессиональной подготовкой и языковой компетенцией, является обладание культурно-исторической информацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2010. 368 с.
2. Артемова А. Ф. Особенности перевода единиц с культурной семантикой // Перевод: язык и культура. II форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии. Ереван: Лингва, 2009. С. 69-80. Доступ: http://old.brusov.am/docs/Translation_Forum.pdf. (дата обращения: 16.11.2017).
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2009. 238 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
6. Емельянова Я. Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика. Нижний Новгород, 2010. 201 с. Доступ: http://vsdzhbrailova.narod.ru/olderfiles/1/_data_2011_02_21_1224364322_D0BCD0-53081.pdf. (дата обращения: 16.11.2017).
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 252 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
9. Корунець І. В. Вступ до перекладознавства. Вінниця: Нова книга, 2008. 512 с.
10. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. М.: ИЯ, РАН, 1997. С. 129-137.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой русско-итальянский словарь. Доступ: <http://www.classes.ru/all-italian/dictionary-russian-italian-universal.htm>. (дата обращения: 16.11.2017). [БРИС].

2. Большой итальянско-русский словарь / под ред. Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцова. М.: Русский язык, 2002. 1018 с. [Зорько].
3. Итальянско-русский и русско-итальянский словарь. Dizionario italiano-russo e russo-italiano / под ред. В. Ф. Ковалев. 2003. (Электронный словарь АБВУ Lingvo 10). [Ков.]
4. Мультиязычный словарь Мультитран. Доступ: <https://www.multitran.ru>. (дата обращения: 16.11.2017). [М-тран].
5. Поташинская Н. Н. Христианство: словарь. М.: Международные отношения, 2001. 555 с. [Хр.].
6. Электронный словарь Академик. Доступ: <https://translate.academic.ru/>. (дата обращения: 10.11.2017). [Акад.].
7. Grande Dizionario Garzanti di Italiano. Garzanti Linguistica. 2004. 2268 p. [Garz.]
8. Dizionario russo-italiano. Доступ: <http://dizionario-italiano.net/dizionario-russo-italiano.html>. (дата обращения: 15.11.2017). [DRI].
9. Vocabolario della lingua italiana De Agostini. Novara, 2001. 1183 p. [DeA].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Каталог Богородичных икон. Доступ: <http://mirikon.org/katalog-ikon/bozhiya-mater/>. (дата обращения: 15.11.2017). [Мир икон].
2. Православная энциклопедия «Азбука веры». Доступ: <https://azbyka.ru/xram-viniamin>. (дата обращения: 15.11.2017). [Азбука].
3. Фонд Пресвятой Богородицы. Доступ: <http://www.deva-maria.ru/>. (дата обращения: 19.11.2017). [Дева].
4. Церковная утварь. Доступ: <https://cerkovna-utvar.com/>. (дата обращения: 12.11.2017). [Церк. утв.].
5. Электронный переводчик Гугл. Доступ: <https://translate.google.com/?hl=it#ru/it/притвор>. (дата обращения: 8.11.2017). [Гугл].
6. Электронный переводчик Яндекс. Доступ: <https://translate.yandex.ua/?ui=ru&lang=ru-it&text=звонница>. (дата обращения: 9.11.2017). [Яндекс].
7. Articoli religiosi e oggetti sacri. Доступ: <http://www.fapsparma.com/> (дата обращения: 14.11.2017). [Faps].
8. Icone Mariane / Icone ortodosse / Icone russe. Доступ: <http://www.reginamundi.info/icone/>. (дата обращения: 18.11.2017). [Regina].
9. Le icone bizantine. Доступ: <http://www.webalice.it/giovanni.fabriani/icone/testi/icone.htm>. (дата обращения: 18.11.2017). [Fabr.].
10. Le icone russe. Collezione Orler. Доступ: <http://www.collezioneorlericone.it/>. (дата обращения: 19.11.2017). [Orler].

REFERENCES

1. Alekseeva, I. S. (2010). *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to science of translation]. SPb.: SPbGU; M.: Akademiya. (In Russ.).
2. Artemova, A. F. (2009). *Osobnosti perevoda edinits s kulturnoy semantikoy* [Peculiarities of translating lexical units with cultural semantics]. In *Perevod: yazyk i kultura. II forum perevodchikov, pisatelei i izdatelei stran SNG i Baltii*. Erevan: Lingva. Pp. 69-80. Available at: http://old.brusov.am/docs/Translation_Forum.pdf. (accessed: 16.11.2017). (In Russ.).
3. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoy teorii perevoda)* [Language and Translation (Problems of general and special theory of translation)]. M.: Mezhdunarodnie otnosheniya. (In Russ.).
4. Vinogradov, V. S. (2009). *Perevod. Romanskie yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation. Romance languages: general and lexical problems]. M.: Books House University. (In Russ.).

5. Vlahov, S., Florin, S. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. M.: Mezhdunarodnie otnosheniya. (In Russ.)

6. Emeliyanova, I. B. (2010). *Lingvostranovedcheskaya kompetentsiya perevodchika: teoriya i praktika* [Language and area study competence of the interpreter: theory and practice]. Nizhni Novgorod. Available at: http://vsdzhabrailova.narod.ru/olderfiles/1/_data_2011_02_21_1224364322_D0BCD0-53081.pdf. (accessed: 16.11.2017). (In Russ.).

7. Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. M.: Vysshaya shkola. (In Russ.).

8. Komissarov, V. N. (2000). *Sovremennoe perevodovedenie* [The modern science of translation]. M.: ETS. (In Russ.).

9. Korunets, I. V. (2008). *Vstup do perekladoznavstva* [Introduction to science of translation]. Vinnitsa: Nova kniga. (In Ukr.).

10. Tomakhin, G. D. (1997). *Perevod kak mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Translation as intercultural communication]. In *Perevod i kommunikatsiya*. M.: IY, RAN, Pp. 129-137. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy russko-italianskiy slovar* [Russian-Italian dictionary]. Available at: <http://www.classes.ru/all-italian/dictionary-russian-italian-universal.htm>. (accessed: 16.11.2017). [BRIS]. (In Russ.).

2. *Bolshoy italiansko-russkiy slovar* [Italian-Russian dictionary] / pod red. G. F. Zorko, B. N. Maisel, N. A. Skvortsova. M.: Russkiy yazyk, 2002. [Zorko]. (In Russ.).

3. *Italiansko-russkiy i russko-italianskiy slovar* [Italian-Russian and Russian-Italian dictionary]. Dizionario italiano-russo e russo-italiano / pod red. V. F. Kovalev. (Elektronniy slovar ABBY Lingvo 10). [Kov.]. (In Russ.).

4. *Multiyazychnyy slovar Multitran* [Multitran multilingual dictionary]. Available at: <https://www.multitran.ru/>. (accessed: 16.11.2017). [M-tran].

5. Potashinskaya, N. N. (2001). *Khristianstvo: slovar* [Christianity. Dictionary]. M.: Mezhdunarodnie otnosheniya. [Chr.]. (In Russ.).

6. *Elektronniy slovar Academic* [Academic online dictionary]. Available at: <https://translate.academic.ru/>. (accessed: 10.11.2017). [Akad.]. (In Russ.).

7. *Grande Dizionario Garzanti di Italiano*. Garzanti Linguistica, 2004. [Gars.].

8. *Dizionario russo-italiano*. Available at: <http://dizionario-italiano.net/dizionario-russo-italiano.html>. (accessed: 15.11.2017). [DRI].

9. *Vocabolario della lingua italiana De Agostini*. Novara, 2001. [DeA].

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIALS

1. *Katalog Bogorodichnykh ikon* [Catalogue of the Marian icons]. Available at: <http://mirikon.org/katalog-ikon/bozhiya-mater/>. (accessed: 15.11.2017). [Mir ikon]. (In Russ.).

2. *Pravoslavnaya entsiklopediya «Azbuka very»* [Orthodox encyclopedia the ABC of faith]. Available at: <https://azbyka.ru/xram-viniamin>. (accessed: 15.11.2017). [Azbuka]. (In Russ.).

3. *Fond Presviatoy Bogoroditsy* [Fund of Blessed Virgin]. Available at: <http://www.deva-maria.ru/>. (accessed: 19.11.2017). [Deva]. (In Russ.).

4. *Tserkovnaya utvar* [Church plates]. Available at: <https://cerkovna-utvar.com/>. (accessed: 12.11.2017). [Tserk. utv.]. (In Russ.).

5. *Elektronnyy perevodchik Google* [Google online translator]. Available at: <https://translate.google.com/?hl=it#ru/it/притвор>. (accessed: 8.11.2017). [Googl]. (In Russ.).

6. *Elektronnyy perevodchik Yandex* [Yandex online translator]. Available at: <https://translate.yandex.ua/?ui=ru&lang=ru-it&text=звонница>. (accessed: 9.11.2017). [Yandex]. (In Russ.).

7. *Articoli religiosi e oggetti sacri*. Available at: <http://www.fapsparma.com/>. (accessed: 14.11.2017). [Fasp].

8. *Icone Mariane / Icone ortodosse / Icone russe*. Available at: <http://www.reginamundi.info/icone/>. (Accessed 18.11.2017). [Regina].

9. *Le icone bizantine*. Available at: <http://www.webalice.it/giovanni.fabriani/icone/testi/icone.htm>. (accessed: 18.11.2017). [Fabr.].

10. *Le icone russe. Collezione Orler*. Available at: <http://www.collezioneorlericone.it/>. (accessed: 19.11.2017). [Orler].

Войницкий Дмитрий Николаевич –
старший преподаватель кафедры романской
филологии (e-mail: amir04@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Voinitskij Dmitrij N – Senior Lecturer at the
Department of the Romance Philology
(e-mail: amir04@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaia, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 11 декабря 2017 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

УДК 371.315:81-25:811.124

© 2018 А. А. Агаркова,
О. А. Ширина

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРВОМ КУРСЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Статья посвящена рассмотрению целесообразности и методов использования крылатых выражений на занятиях по латинскому языку на 1-м курсе медицинского вуза. Крылатые выражения рассматриваются как способ достижения комплекса целей: учебной, практической, общеобразовательной, воспитательной, развивающей.

Ключевые слова: цели изучения латинского языка, фразеологизмы (крылатые выражения), аналитическое чтение.

© 2018 A. A. Agarkova,
O. A. Shirina

METHODS OF USING PHRASEOLOGY FOR STUDYING LATIN BY FIRST-YEAR MEDICAL STUDENTS

The article considers appropriateness and methods of phraseology application (idioms, proverbs, phrases) at classes of Latin for the first year medical students. Latin phraseology is studied as a method of achieving the integrated goals such as: training, practical; general educational; educative; developmental ones.

Key words: goals of the Latin language study, phraseology (proverbs, idioms, phrases), analytic reading.

Изучение латинского языка является одним из необходимых условий овладения профессиональным языком медицины и, шире – профессией медицинского работника. Латынь изучается в учебных учреждениях всех уровней аккредитации, готовящих медицинских работников любого уровня: медицинская сестра, фельдшер, провизор, фармацевт, врач. Усовершенствование методов и методик преподавания латинского языка как учебного предмета, улучшение результатов его усвоения, повышение результативности преподавания и, как следствие, улучшение качества образования медицинских работников – все это составляет предмет научного интереса.

Особую значимость приобретает изучение латинского языка для врачей, поскольку латынь является основой всей медицинской терминологии, выступает пространством интеграции доклинических и клинических дисциплин: анатомия, физиология, химия, биохимия, фармакология – и, как результат, применение всего комплекса знаний в

изучении клинических дисциплин. В этой цепочке латынь составляет языковую базу каждого предмета и объединяет их в единое целое, обеспечивая единство всей медицинской терминологии. «A knowledge of the meaning of the roots, prefixes, and suffixes enables the student to analyze the medical terms into component parts. This is of the greatest aid in learning to understand the vocabulary of medicine» [Banay, 1948: 1].

Для повышения качества обучения латинскому языку в традиции его преподавания широко распространена практика использования латинских крылатых выражений. Изучение крылатых выражений разных типов принято включать в состав курсов как филологических факультетов, так и при изучении ботаники и биологии, юриспруденции, медицины, истории.

Цели изучения латинского языка в системе высшего образования были выделены Н. Л. Кацман: практическая (овладение профессиональным языком для каждого направления), общеобразовательная, воспитательная, развивающая [Кацман, 2003: 17]. В системе высшего образования в целом, и медицинского в частности, обычно принято концентрировать внимание на достижении воспитательной цели (Н. Л. Кацман, Д. В. Дроздова, А. Н. Щукин, А. А. Качалкин и т.д.). Достижение остальных целей не актуализировано и, зачастую, не рассматривается практиками и авторами теоретических общедидактических исследований. К сожалению, мы не смогли найти работы, в которых возможные методики работы с крылатыми выражениями получили бы обстоятельное описание, хотя, безусловно, в практической деятельности преподаватели не пренебрегают столь универсальным и многообещающим компонентом изучения латинского языка. Поэтому задачей данной статьи было описание разработанной нами методики работы с латинскими крылатыми выражениями на практических занятиях по латинскому языку в медицинском вузе.

Во-первых, следует отметить особый характер самого предмета «Латинский язык и медицинская терминология», изучаемого на 1-м курсе медицинского вуза. В медицине латинский и древнегреческий языки составляют основу терминологической системы, медицинская терминология – это система систем, которая на сегодняшний день включает сотни тысяч терминов. Овладение латинским языком для студента первого курса является вступлением в профессию, поскольку уже в течение первого года, всего лишь за 72 часа практических аудиторных занятий, будущий врач должен понимать, уметь читать, писать и применять:

- термины анатомио-гистологические (используемые во всех доклинических профилирующих дисциплинах: анатомия, патологическая и топографическая анатомия,

гистология, физиология и т.д.);

- фармакологические (полностью вся номинация фармакологии, включая химию; фармагнозию – т.е. названия, свойства, способы заготовки, хранения, применения растений; фармакопею – т.е. названия лекарств, лекарственных форм, группы лекарств по действию; собственно рецептура – прописывание лекарств);

- клинические (названия болезней, различие их видов по имени – например, различие заболеваний воспалительного, невоспалительного характера, различие функциональных расстройств и нарушений, обусловленных повышением уровня или недостатком, виды опухолей, каменные болезни; названия некоторых процедур и операций; перевод составных диагнозов).

Таким образом, за 72 часа практических аудиторных занятий студенты должны овладеть собственно профессиональным языком врача. И если изучение анатомо-гистологической номенклатуры подкрепляется междисциплинарными связями с анатомией в первую очередь, то при изучении фармакологической и клинической терминологии координация с другими предметами невозможна: как фармакологию, так и клинические дисциплины не изучают на 1-курсе.

Для обеспечения успешности овладения программой и достижения более общих, но не менее важных целей, таких как: становление и развитие мышления; формирование профессионального языка врача; обеспечение профессиональной состоятельности; представление возможностей для дальнейшего саморазвития и совершенствования, – требуется приложить серьезные усилия со стороны и преподавателя, и самих студентов. Знание основ латинской грамматики, специальной лексики и основного греко-латинского словообразовательного фонда обеспечивает профессиональную подготовку, терминологическую грамотность специалиста, позволяет одновременно повышать уровень его общекультурного развития и способствовать самореализации личности.

Именно интенсификация работы над курсом латинского языка помогает достигать поставленной в программе цели за сравнительно небольшое количество часов. Н. Л. Кацман предлагает при работе над текстами для студентов-филологов выделять слова общего индоевропейского корня, латинские заимствования в новых языках, выявлять отражение фонетических явлений латинского языка в новых языках, сопоставлять конструкции (в латинском, русском и изучаемом языках), что позволяет выявить структурное сходство на уровне синтаксиса [Кацман, 2003: 13].

Однако она же справедливо указывает на недостаток времени для полного лингвистического анализа, равно как и недостаток кадров, поскольку для подобного анализа преподавателю рекомендуется знать несколько языков. Метод работы, называемый «аналитическое чтение», весьма продуктивен и при работе над латинским языком в медицинском вузе, но, учитывая специфику медицинской терминологии, программы обучения и количество предусмотренных часов, совершенно неприменим в своем оригинальном виде. В медицинском вузе чтение текста осуществляется только в очень редких случаях (из-за нехватки времени нами предусмотрено использование метода работы «домашнее чтение» для текстов исключительно медицинских), поэтому столь перспективный метод работы как «аналитическое чтение» мы применяем выборочно и на материале крылатых выражений. Таким образом, работа с крылатыми выражениями в нашем понимании должна преследовать не исключительно воспитательную, но весь комплекс целей.

Перечислим кратко те моменты, на которые мы обращаем внимание при рассмотрении крылатых выражений на занятиях.

Первое, что преподаватель должен сделать при подготовке работы с крылатыми выражениями – обеспечить адекватный отбор материала, который может обеспечить достижение целей. Как известно, крылатые выражения изучаются фразеологией и рассматриваются как тип фразеологизма. Существуют разные наборы критериев для описания фразеологических единиц; одной из наиболее известных и широко распространенных в лингвистике классификаций, является классификация, предложенная В. В. Виноградовым, которая основана на различной степени идиоматичности (немотивированности) компонентов в составе фразеологизма. Так, выделяют три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [Виноградов, 1977: 140]. Впоследствии Н. М. Шанский выделил также дополнительный вид – фразеологические выражения, имеющие принципиально важную синтаксическую особенность – представляющие собой не словосочетания, а целые предложения с утверждением, назиданием или выводом. Примерами таких фразеологических выражений являются пословицы и афоризмы. Если во фразеологическом выражении отсутствует назидание или имеются элементы недосказанности, то это поговорка или крылатая фраза. Другим источником фразеологических выражений является профессиональная речь. В категорию фразеологических выражений попадают также речевые штампы.

Исходя из общепринятой классификации фразеологизмов, стоит отметить, что большинство из отобранных нами единиц относится к группе фразеологических выражений, хотя встречаются и фразеологические сочетания, и единства. Среди отобранных единиц представлены пословицы, поговорки, профессиональные выражения и цитаты как из произведений, так и из известных исторических персоналий.

При отборе единиц для анализа и изучения мы руководствуемся такими критериями:

1. Простота орфоэпического ряда (только на начальной стадии изучения, в течение I семестра, уже в ноябре-декабре этот критерий исключают).

2. Простота грамматической и синтаксической конструкций (только на начальной стадии изучения, в течение I семестра, уже в ноябре-декабре этот критерий отбрасывается, впоследствии отбираются фразеологические единицы с наиболее типичными конструкциями).

3. Представленность изучаемой или повторяемой грамматической темы (в I семестре грамматические темы изучаются, во II семестре используются только в изучении химической, фармакологической и клинической терминологических систем).

4. Наличие корней и грамматических конструкций, которые существуют в русском, украинском, английском и других современных языках (здесь мы обращаем внимание как на наличие древних корней и грамматических конструкций, общих для индоевропейской семьи языков, так и на значение латыни в формировании современных западноевропейских языков и научной лексики).

5. Наличие словообразовательных единиц медицинской и, шире – научной терминосистемы.

6. Общекультурное значение выражения (в начале года мы используем более простые выражения, которые знакомы студентам из русского языка, например, «Пришел, увидел, победил» и «Разделяй и властвуй»; впоследствии выбираем более сложные выражения, которые нередко современным студентам совершенно не знакомы или же загадочны для них: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», «Бойся троянцев и дары приносящих»).

7. Общенаучное значение (только в начале года мы предлагаем выражения, речевые обороты и клише общенаучного характера: априори, постфактум и т.д.).

8. Профессиональное значение выражения.

9. Воспитательное значение выражения (этот критерий обычно определяет отбор народных пословиц и поговорок, мы практикуем поиск соответствия таковым в русском,

украинском, и, крайне редко (в исключительных случаях, в зависимости от свободы владения студентами), в английском языках).

Попробуем на некоторых примерах из собственного опыта изложить наше понимание способов использования крылатых выражений в изучении латинского языка на I курсе медицинского вуза.

Так, например, фразеологизмы систематизируются с точки зрения звуковой организации на упорядоченные по своей фонике и нейтральные. При отборе крылатых выражений мы отдаем предпочтение группе упорядоченных по фонике выражениям только в начале года: фразы с выраженной ритмической организацией, с рифмующимися элементами, со звуковыми повторами (ассонансами и аллитерациями) значительно стимулируют интерес к данной работе, способствуют преодолению некоторого страха студентов перед совершенно новым для них предметом, улучшают эмоциональную атмосферу занятия, способствуют формированию благожелательной атмосферы в группе (зачастую при работе с выражениями студенты подбадривают стесняющихся, благожелательно относятся к тем, у кого есть речевые недостатки (заикание чаще всего), учатся критически оценивать собственные достижения и относиться к ошибкам с юмором).

На материале упорядоченных выражений мы работаем с изучением орфоэпии – правил произношения (ритмическая структура упрощает произношение и активизирует, например, «языковую догадку», «чувство языка»), написания, особенностей постановки ударения (разные варианты в разных клинических дисциплинах; особенности постановки ударения в зависимости от латинского или греческого происхождения слова; особенности произношения и обусловленность такового в зависимости от пути появления термина в русском языке, как, например, под влиянием немецкого языка).

Критерии с 3 по 9 основаны во многом на лексических и грамматических единицах. Мы руководствуемся комплексным подходом к отбору крылатых выражений.

Помимо внимания к профессиональной лексике, которую необходимо запомнить (крылатые выражения общенаучные и медицинские речевые штампы, например: «опыт на живом организме» и «опыт в стекле» – «*in vivo*» и «*in vitro*»), мы обращаем внимание на этимологию слова и ищем совпадения корней, флексий и аффиксов в известных языках (ср. «витрина», «в пробирке, в склянке», «стекловидное тело»).

Обращаем много внимания на корни, не несущие терминологическое (медицинское) значение, стараемся задействовать и сведения общей эрудированности студентов, и фонетические доказательства родства языков индоевропейской семьи (например, «*tibi et igni*» – если указать студентам на то, что в русском языке эти слова полностью сохранили

согласные, то чаще всего студенты все-таки видят здесь слово «тебе»; слово «огню» угадывают реже, но напоминание о богах индийского пантеона зачастую помогает вспомнить «Агни»).

Таким образом, лексический состав крылатых выражений рассматривается, по возможности, полно, с акцентированием внимания на происхождение слов и родство языков индоевропейской семьи.

Мы обращаем внимание на частеречную принадлежность слов (вычленяем общее в выделении, например, основы или вариантах аффиксов) и разницу их значений. Обращаем особое внимание на флексии и их совпадение в латинском и современных языках, падежные формы слов и пытаемся сформулировать общие положения из замеченных частных особенностей (для студентов медицинского вуза, учитывая их нацеленность на естественнонаучные дисциплины, очень важно формирование системы, свода правил, единого принципа; для многих из них изучение языков сложно именно из-за отсутствия четкости и единообразия правил по сравнению с естественными науками; впрочем, этот вопрос требует специального исследования).

Особые сложности вызывает частеречная принадлежность слов в латинском языке, особенно по сравнению с английским – зачастую единственным иностранным, в некоторой степени известным для студентов. Привязка морфологии латинского языка к русскому и определение принадлежности слова к части речи уже осознанно (в русском и украинском языках студенты зачастую затрудняются с определением частей речи, этот навык не осознан) осуществляется благодаря сходным (разного рода и качества подобия) морфемам, например, окончаниям существительных 1-го склонения, прилагательных 1-й группы женского рода, групп уменьшительно-ласкательных суффиксов, суффиксов наречий и т.д.

Отсюда логически вытекает работа над синтаксисом, как минимум, в пределах медицинской терминологии. Здесь мы обращаемся к типам построения словосочетания и предложения, осуществляем отбор по 2, 3 и 4 из вышеперечисленных критериев:

- сочетание прилагательного с существительным;
- сочетание существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже (следует обратить внимание на то, что это две основные структуры латинского медицинского термина, именно овладение этими двумя типами словосочетаний обеспечивает понимание студентами медицинской терминологии);

- сочетание имени существительного в именительном падеже с существительными в косвенных падежах с предлогом (достаточно часто встречается в медицинской терминологии, однако в медицине такие виды словосочетаний зачастую выступают как речевые штампы, подлежащие запоминанию; актуальны для относительно сложных медицинских терминов как, например, составной диагноз);

- сочетание предложно-падежной формы существительного с прилагательным (особую сложность представляет употребление существительного и прилагательного разных склонений, поскольку они имеют разные окончания);

- сочетание глагола с существительным (с предлогом и без предлога);

- сочетание глагола с наречием (употребление глагола в медицинской терминологии встречается крайне редко, в основном при прописывании рецептов, где глагольные конструкции выступают как речевые штампы; однако очень продуктивно сравнение как роли, так и собственно флексий и префиксов в глаголах по сравнению с русским, украинским, по возможности французским, в некоторых случаях, английским языками).

Синтаксис словосочетания дает материал для постепенного перехода к синтаксису предложения.

Здесь мы опять применяем сравнительно-сопоставительный метод, соотнося структуры предложений русского, украинского, латинского, и, в основном, английского языков. Актуализируется понимание флективного и аналитического типов языков, осознание единства языка как системы, роль падежа и флексии, родство языков. При разборе латинских предложений на материале крылатых выражений, цитат, мы практикуемся в аналитическом чтении, разбирая каждое слово, выявляя его структуру, происхождение, взаимосвязь с другими языками, исторический контекст создания цитаты, грамматические категории каждого слова.

Работа над крылатыми выражениями позволяет аккумулировать усилия, обеспечивает на первых порах преспективное изучение отдельных тем, а впоследствии – повторение пройденных тем, свободу использования вспомогательной литературы, сочетание дедуктивного и индуктивного подхода, осознание студентами системы языка. Именно на это, на наш взгляд, и должна быть направлена работа над крылатыми выражениями, простое записывание и заучивание таковых бессмысленно и является пустой тратой времени.

Отдельно следует указать на работу над морфемами и терминологическими элементами греческого и латинского происхождения, которые составляют основу клинической терминологии и существенны в анатомо-гистологической. Изучая предлоги, мы обращаем

внимание на их функционирование в качестве приставок и терминоэлементов, при анализе слов выделяем способы образования прилагательного из существительного, – все то, что вызывает наибольшие затруднения в анатомической терминологии. Таким образом, мы не просто механически заучиваем терминоэлементы, но и определяем их место и роль в языке и в медицинской терминологии, в частности.

Достижение воспитательной цели на материале крылатых выражений не уходит на второй план, а, точнее, индивидуализируется. По нашему мнению, общие наставления, равно как и простой перевод крылатого выражения, найденный в списке или продиктованный преподавателем, не способствуют осознанию смысла. Желательно, чтобы студенты самостоятельно перевели и сформулировали крылатое выражение, попытались опереться в переводе на известные им крылатые выражения других языков и культур, сами определили для себя смысл, «приложили к себе».

К сожалению, нельзя не отметить понижение уровня эрудированности и общей образованности студентов, у которых вызывает затруднение подбор русского аналога пословицы или поговорки, которые не оперируют фактами истории, не знакомы с персоналиями, мифами и т.д.

Так, последнее время студентов все чаще ставит в тупик вопрос о личности Яна Гуса, мифе о Европе, редкие студенты могут хотя бы приблизительно вспомнить троянского коня при рассмотрении выражения «бойся данайцев и дары приносящих» и т.д. Безусловно, разрешение данной проблемы – забота всей образовательной системы в тесном сотрудничестве с семьей. Нелепо полагать, будто использование крылатых выражений на занятиях по латинскому языку способно разрешить системный кризис образования. Хотя стимулирование потребности личности в саморазвитии, самосовершенствовании может оказать положительное влияние на отдельную личность и на коллективы, в которые эта личность будет входить.

Хотелось бы отметить еще несколько моментов, требующих рассмотрения при изучении проблемы методики и методов преподавания латинского языка на I курсе медицинского вуза.

Так, например, у студентов возникают сложности при определении частеречной принадлежности слов, склонении словосочетаний, части которых принадлежат к разным склонениям, и, впоследствии, переводе анатомо-гистологических и фармацевтических терминов.

Существует несколько работ по исследованию методики разрешения проблемы перевода медицинского термина, однако данная проблема, несмотря на многовековую историю изучения латыни как языка медицины, не получила окончательного разрешения. Во многом это связано еще и с изменением роли латыни в системе общеобразовательного образования: до начала XX века латынь входила в курс обязательных предметов в гимназиях и лицеях, поэтому студенты уже владели теорией и грамматикой латинского языка, общеразвивающую и воспитательную функции латинский язык выполнял до начала получения высшего образования. Сегодня латынь изучается в системе среднего образования только факультативно, ее познание обязательно только в системе профессионального образования.

Также стоит указать на сложности при использовании сравнительно-сопоставительных методов, на соотношение языков латинский – русский – украинский – английский – немецкий – французский (в зависимости от того, какие языки изучали студенты).

Отдельно стоит отметить выраженный у большинства студентов нашего региона билингвизм, опора на который может помочь в освоении дисциплины.

В методике работы с терминологическими элементами мы поддерживаем систему, предложенную в учебнике Н. М. Лемпеля [Лемпель, 1966: 248-249], и считаем эту систему весьма перспективной, хорошо разработанной и положительно зарекомендовавшей себя.

Можно отметить, что предложенный нами взгляд на место и роль латинского языка и методы, методики и приемы использования крылатых выражений в изучении латыни в медицинском вузе зачастую оспаривается. Например, в англоязычной традиции принят более утилитарный подход к изучению медицинской терминологии, в котором, в основном, внимание концентрируется на практических целях, на заучивании наизусть анатомических терминов, терминологических элементов, производных частиц, окончаний, а пониманием грамматики, взаимосвязью языков и культурологическим аспектом изучения языка пренебрегают [Wulff, 2004: 187; Basic of Medical Terminology, 2013: 7].

Современный исследователь А. А. Качалкин не считает задачу ознакомления с языком верной, видит противоречие в изучении терминологии и языка. На его взгляд, – «общеобразовательное направление предполагает своего рода культурологическое ответвление (прежде всего – латинские крылатые выражения, пословицы), которое следует рассматривать либо факультативно, либо как отдельное направление: с терминологией оно никак не связано» [Качалкин: 2].

По нашему мнению, «общеобразовательное направление», то есть изучение языка в системе языков и культуры, является более перспективным и продуктивным, осознание

студентами взаимосвязей языков, культур и наук приводит к пониманию синергии наук, к укреплению междисциплинарных связей, что выступает как основа формирования клинического мышления.

Более перспективным, на наш взгляд, является комплексный подход к использованию латинского языка, который мы стараемся применять в практической деятельности. В качестве основной задачи курса латыни мы видим формирование базы для профессионального медицинского языка и логического мышления в понимании клинической терминологии как итога профессионального образования.

Таким образом, предложенные нюансы мы рассматриваем как дополнение, профессиональное развитие и интеграцию учебной, практической, общеобразовательной, воспитательной целей в комплексе с развивающими, выделенными Д. В. Дроздовой [Дроздова, 2012: 9]:

1. Развитие языковой догадки, способность к выявлению языковых закономерностей, прогнозированию и установлению смысловых связей (Ш. Ф. Мустафина, А. Н. Щукин, Henrik R. Wulff, E. Marečková, F. Šimon, L. Červený).

2. Расширение лингвистического кругозора, развитие абстрактного грамматического мышления и научного подхода к родному и изучаемому западноевропейскому языку (Н. Л. Кацман).

3. Латинские корни в лексике европейских языков.

4. Понимание незнакомых слов с опорой на знакомые словообразовательные элементы (Е. А. Цывкунова, Henrik R. Wulff, E. Marečková, F. Šimon, L. Červený).

5. Влияние латыни на грамматический строй европейских языков.

6. Понимание грамматической структуры предложения независимо от знания лексики. Необходимость «отвязать учащегося от словаря».

7. Понимание того, что «одинаковое лексическое значение выражается в разных языках разными способами» (Н. Л. Кацман, E. Marečková, F. Šimon, L. Červený).

8. Развитие учебной автономности (Е. А. Цывкунова, Henrik R. Wulff), то есть умение «в дальнейшем сознательно, а не вслепую подходить к изучению любого другого языка мира» (А. В. Подосинов).

9. Понимание латинского языка и античной культуры как основы европейской цивилизации, как внутри общеобразовательной, так и развивающей целей.

Итак, выделим основные моменты, которым, по нашему мнению, необходимо уделять внимание при использовании крылатых выражений на занятиях по латинскому языку на I курсе медицинского вуза:

- орфоэпия;
- лексика;
- терминологические элементы;
- происхождение слов;
- грамматика и родство языков индоевропейской семьи;
- билингвизм основной массы студентов;
- соотношение языков латинский – русский – украинский – английский – немецкий – французский;
- морфологическая принадлежность и свойства слов;
- синтаксическая структура словосочетания (термина), предложения;
- повторение и перспективное изучение тем;
- дедуктивный и индуктивный методы;
- аналитическое чтение;
- воспитательная функция.

Безусловно, не к каждому крылатому выражению возможно и методически целесообразно применять весь комплекс аналитического чтения, выбор каждого отдельного выражения, равно как и отбор необходимых и достаточных компонентов зависит от множества факторов, начиная от целей и задач определенного занятия, и заканчивая уровнем подготовленности группы.

Аналитическое чтение на материале крылатых выражений – перспективная работа, которая позволяет комплексно добиваться осуществления всех целей изучения латинского языка, экономит время, создает положительную эмоциональную окраску занятия и способствует формированию интереса к предмету, стимулирует потребность в саморазвитии, помогает осознанию единства всей системы медицинских знаний, закладывает базис для формирования клинического мышления врача.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 457 с.
2. Дроздова Д. В. Интеграция предмета «латинский язык» в современное образовательное пространство. Санкт-Петербург. 2012. Доступ: http://www.dvkaysarova.ru/.../Integracija_latinskogo_jazyka_v_sovremennoe_obrazovatelnoe_pro... (дата обращения: 27.04.2017)

3. Кацман Н. Л. Методика преподавания латинского языка. Библиотека учителя иностранного языка. М.: Владос, 2003. 256 с.
4. Качалкин А. А. К вопросу о специфике преподавания латинского языка на медицинских факультетах. Доступ: <http://www.kananat.narod.ru/ANATOMIA/Responsum.doc>. (дата обращения: 17.03.2018).
5. Лемпель Н. М. Латинский язык. М.: Медицина, 1966. 251 с.
6. Мустафина Ф. Ш. Методика преподавания иностранных языков. Уфа: Вост. ун-т, 2004. 192 с.
7. Подосинов А. В. Латинский язык в школе. История, задачи и методика преподавания. М.: Русское слово, 1996. 92 с.
8. Щукин А. Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
9. Banay G. L. An Introduction to Medical Terminology. I. Greek and Latin Derivations. Bull Med Libr Assoc, 1948. Доступ: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/.../mlab00247-0013.pdf>. (дата обращения: 27.04.2017).
10. Basic of Medical Terminology: Latin and Greek Origin. Textbook for 1st year Students of Medicine. Compiled by László Répás. Proofread by Judith Bodnar M.D. Debregen, 2013.
11. Marečková Elena, Šimon František, Červený Ladislav. Latin as the language of medical terminology: some remarks on its role and prospects //Swiss medical weekly: official journal of the Swiss Society of Infectious Diseases, the Swiss Society of Internal Medicine, the Swiss Society of Pneumology. December 2002. Доступ: https://www.researchgate.net/publication/10913254_Latin_as_the_language_of_medical_terminology_Some_remarks_on_its_role_and_prospects. (accessed: 27.04.2017).
12. Wulff Henrik R. The language of medicine // Journal of the Royal Society of Medicine. 2004 Apr. 97 (4). P. 187-188. Доступ: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361/>. (accessed: 27.04.2017).

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. M. (In Russ.).
2. Drozdova, D. V. (2012). *Integratsiya predmeta «latinskiy yazyk» v sovremennoe obrazovatelnoe prostranstvo* [The Integration of the subject “Latin” into the Modern Educational Space]. Sankt-Peterburg. Available at: dvkaysarova.ru/.../Integracija_latinskogo_jazyka_v_sovremennoe_obrazovatelnoe_pro... (accessed: 27.04.2017). (In Russ.).
3. Katsman, N. L. (2003). *Metodika prepodavaniya latinskogo yazyka* [Latin Language Teaching Methodology]. Biblioteka uchitelya inostrannogo yazyka. M.: Vlados. (In Russ.).
4. Качалкин, А. А. К вопросу о специфике преподавания латинского языка на медицинских факультетах. Available at: www.kananat.narod.ru/ANATOMIA/Responsum.doc. (accessed: 17.03.2018). (In Russ.).
5. Lempel, N. M. (1966). *Latinskiy yazyk* [Latin language]. M.: Medicina. (In Russ.).
6. Mustafina, F. Sh. (2004). *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Foreign Languages Teaching Methodology]. Ufa: Vost. un-t. (In Russ.).
7. Podosinov, A. V. (1996). *Latinskiy yazyk v shkole. Istoriya, zadachi i metodika prepodavaniya* [Latin Language at School. History, Goals and Teaching Methodology]. M.: Russkoe slovo. (In Russ.).
8. Shchukin, A. N. (2002). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Foreign Languages Teaching Methodology]. M.: Prosveshchenie. (In Russ.).

9. Banay, G. L. (1948). *An Introduction to Medical Terminology. I. Greek and Latin Derivations*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/.../mlab00247-0013.pdf>. (accessed: 27.04.2017).

10. *Basic of Medical Terminology: Latin and Greek Origin*. Textbook for 1st year Students of Medicine. Compiled by László Répás. Proofread by Judith Bodnar M.D. Debregen, 2013.

11. Marec'ková, Elena, Šimon, František, Červený, Ladislav. (2002). Latin as the language of medical terminology: some remarks on its role and prospects. In *Swiss medical weekly: official journal of the Swiss Society of Infectious Diseases, the Swiss Society of Internal Medicine, the Swiss Society of Pneumology*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/10913254_Latin_as_the_language_of_medical_terminology_Some_remarks_on_its_role_and_prospects. (accessed: 27.04.2017).

12. Wulff Henrik R. (2004). The language of medicine. In *Journal of the Royal Society of Medicine*. Apr. 97 (4). Pp. 187-188. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361/>. (accessed: 27.04.2017).

Агаркова Алла Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией (e-mail: fkkjs@mail.ru), Государственное учреждение ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки» 91045, кв. 50-летия Обороны Луганска, 1г, Луганск

Ширина Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией (e-mail: shirina_olga@mail.ru), Государственное учреждение ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки» 91045, кв. 50-летия Обороны Луганска, 1г, Луганск

Agarkova Alla A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology (e-mail: fkkjs@mail.ru), State Institution “Lugansk State Medical University named after sainted hierarch Luka” 1g, 50-letiya oborony of Lugansk Street, Lugansk, 91045

Shirina Olga A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology (e-mail: shirina_olga@mail.ru), State Institution “Lugansk State Medical University named after sainted hierarch Luka” 1g, 50-letiya oborony of Lugansk Street, Lugansk, 91045

Поступила в редакцию 13 марта 2018 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). <i>Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@mail.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Домашний адрес автора (с указанием почтового индекса)		
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Адрес личной страницы в Интернете или сайта (если имеются)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 14 Выпуск 1 (39) 2018

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).